Государственное образовательное учреждение
высшего и профессионального образования
«Волгоградский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Тишина Елена Валерьевна

Русская ономатопея: диахронный и синхронный аспекты изучения

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор **Супрун В. И.**

Волгоград – 2010

Введение

Ономатопея как проявление особого рода мотивированности в языке представляет собой явление неоднозначное и малоизученное. Одни учёные склоны отрицать наличие единиц, мотивированных собственным звуковым составом, другие, напротив, пытаются доказать неслучайное присутствие в том или ином слове определённых звуков и приходят на основании этого факта к этимолого-семантическим выводам. Эти две крайности возникают, возможно, из-за того, что вопросы мотивированности и произвольности / непроизвольности языкового знака давно вышли за пределы лингвистики и приобрели глоттогенетический, психологический, социо- и культурно-исторический статус.

Ономатопея, или звукоподражание, а также языковые единицы, вербализирующие данное явление, − ономатопы, мимемы и т. д., не раз являлись объектом научного исследования с целью описания их частеречной принадлежности, разграничения междометий и звукоподражательных слов, определения специфики их значения, роли в тексте, в языке детей, детской литературе, решения проблемы их перевода и т. д. [Арнольд, 1959, Германович, 1961, Михайловская, 1969, Тихонов, 1981, Горохова, 2000 и др.]. Во второй половине 20 века возрос интерес к ономатопее в рамках фоносемантической модели лингвистического изучения языковых единиц. Появились новые концепции, разрабатываемые в этом русле [Журавлёв, 1974, Воронин, 1982; 1990, Афанасьев, 1981, Шляхова, 1991, Чиронов, 2004, Матасова, 2006 и др.]. Язык с течением времени изменяется, поэтому все языковые явления могут быть рассмотрены с позиции синхронии и/или диахронии. Диахрония позволяет исследовать происхождение, развитие ономатопеи, установить связи между обозначаемой звучащей реалией и ее фонетической репрезентацией, определить причины выбора той или иной фонемы, открыть пласт лексики, так или иначе связанный со звукоподражанием, выявить особенность

номинации таких языковых единиц, их образную основу. Подобный подход к описываемым фактам языка тесно связан и с этимологическим анализом, поскольку в процессе развития слово нередко утрачивает свою внутреннюю форму, и в связи с этим возникает проблема выявления генетических ономатопов в словаре языка.

Синхронное изучение данного языкового явления определяет ряд иных задач: функционирование ономатопов в тексте, выявление лексико-семантических и лексико-граматических особенностей указанных языковых единиц, появление ономатопоэтических коннотаций (фонетической аттракции, звукоподражательного прочтения) у этимологически незвукоподражательных слов, вопросы перевода ономатопов. В настоящей работе нас будут интересовать диахронный и синхронный подходы к изучению ономатопеи русского языка.

В отечественной лингвистике изучение русских ономатопов осуществляется в синхронии. В научных работах на данную тему анализируется небольшое число повторяющихся примеров: *кукушка, квакать, гавкать, кукарекать* и т. п. Такой иллюстративный материал свидетельствует о недопонимании и чрезмерном упрощении сути языкового явления и, как следствие, демонстрирует неглубокий интерес к нему.

Ономатопея нашла свое первое описание в трудах античных авторов, но вопрос ставился в рамках гипотез происхождения языка (Платон, стоики). Лишь в XIX веке учёные заговорили о сущности звукоподражания, его внутренней причине и структуре, рассмотрели его с точки зрения теории номинации; этот путь изучения продолжается и до сегодняшнего дня (В. фон Гумбольдт, Ш. Балли, К. Бюлер, В. Скаличка, А.М. Газов-Гинзбург, А.Б. Михалёв и др.). В последнее время возрос интерес к данной проблеме, рассматриваемой в аспекте полевого изучения ономатопеи, но звукоподражание практически не рассматривается вопрос в диахронном аспекте, что и обусловило **актуальность данного исследования.**

Объектом научного исследования являются ономатопы русского

языка как факт языковой действительности.

Предметом исследования стали фонетические, лексические словообразовательные особенности русских ономатопов, рассматриваемые в диахронии и синхронии.

Гипотеза исследования. Предполагается, что русская ономатопея обладает структурными и лексическими особенностями, которые находят свои истоки уже в праславянский период; в процессе развития языка происходит утрата звукового прочтения слова, нейтрализация ономатопеи, однако звукоподражательный потенциал языка сохраняется и развивается, что приводит к возникновению новых явных и мнимых ономатопов.

Цель исследования – проведение комплексного анализа русской ономатопеи в диахронии и синхронии. Для того чтобы достичь поставленной цели, необходимо решить ряд задач:

− выделить основные тематические группы лексем, содержащих звукообраз;

− выявить место акустического признака в иерархии признаков, лежащих в основе номинации;

− проанализировать ономатопоэтический потенциал отдельных фонем русского языка и возможность их участия в создании звукообраза;

− проанализировать словообразовательную структуру русских ономатопов;

− описать лексические и семантические процессы, характерные для данного языкового явления.

Методологической основой исследования послужили следующие общеязыковедческие принципы: понимание языка как исторически изменяющегося явления (Я. Гримм, А.Х. Востоков, А.А Шахматов и др.), как структурированной системы (Ф. де Соссюр, А.И. Бодуэн де Куртенэ), как рода общественной деятельности (В. фон Гумбольдт и др.).

Теоретической базой диссертационного исследования послужили фундаментальные труды учёных в области теории номинации (Ш. Балли, К.

Бюлер, В. Скаличка, А.М. Газов-Гинзберг, А.Б. Михалёв и мн. др.); психолингвистики (И.Н. Горелов, К.Ф. Седов); словообразования и морфологии (А.Н. Тихонов, Е.А. Земская, Т.И. Вендина, А.И. Германович, С.П. Обнорский, А.А. Шахматов и др.); истории языка, этимологии и славистики (А.М. Селищев, О. Семереньи, С.Б. Бернштейн, Ю.В. Откупщиков, О.Н. Трубачёв и др.); диалектологии (Л.И. Баранникова, Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, Е.В. Кузнецова, И.А. Оссовецкий и др.), а также в области фоносемантики (С.В. Воронин, С.В. Чиронов, С.С. Шляхова и др.).

Методами исследования послужили: описательный, включающий приёмы классификации, наблюдения, сопоставления, обобщения и интерпретации изучаемого материала; историко-сравнительный, применяемый по отношению к анализу праславянских звукоподражательных единиц как генетической базы русской ономатопеи. Приём количественных подсчётов используется в исследовании для систематизации и иллюстрации полученных данных.

Научная новизна реферируемого диссертационного исследования заключается в том, что впервые комплексно описывается пласт лексики русского языка, являющийся по происхождению звукоподражательным, устанавливается генетическая связь на лексическом уровне праславянской и русской ономатопеи. Впервые изучение объекта исследования осуществляется в направлениях синхронии и диахронии.

Основными источниками материала послужили данные 1) этимологических словарей русского языка: «Этимологический словарь русского языка в 2 т.» А.Г. Преображенского (1959), «Этимологический словарь русского языка в 4 т.» М. Фасмера (1964−1973), «Историко-этимологический словарь русского языка в 2 т.» П.Я. Черных (1999), «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» (1974-2003); 2) диалектологических словарей русского языка «Словарь русских народных говоров» (1965–2009), «Словарь русских донских говоров» (1975–1976), «Большой толковый словарь донского

казачества» (2003), «Словарь донских говоров Волгоградской области» (2006–2009); 3) толковых и словообразовательных словарей русского языка: «Словарь русского языка в 4 т.» (1981-1984), «Словарь современного русского литературного языка в 17 т.» (1950-1965), «Словообразовательный словарь русского языка в 2 т.» А. Н. Тихонова (1985).

Материалом нашей работы стала авторская картотека, составленная путём сплошной выборки ономатопов из указанных источников, а также данные, полученные в диалектологических экспедициях по изучению казачьих и украинских говоров на территории области. Картотека насчитывает более 1080 единиц русского языка (литературных и диалектных), и более 200 ономатопоэтических единиц праславянского языка, которые находят отражение в русском языке.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что оно вносит определённый вклад в разработку теории примарной (изобразительной) мотивированности языкового знака и её отражения в лексическом фонде русского языка.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что её материал и выводы могут быть использованы при подготовке филологов-русистов в курсе диалектологии, спецкурсах по истории языка, в практике этимологических исследований, в решении лексикографических задач.

Положения, выносимые на защиту:

1. При этимологическом анализе чётко выявляется большое количество лексем русского языка, генетически восходящих к ономатопее, но в процессе развития языка лексикализовавшихся и утративших первоначальный звукообраз. Такие образования мы также причисляем к ономатопам; они поддаются тематической, семантической, структурно-словообразовательной, функциональной и другим классификациям. Вынесение данного положения мы считаем необходимым в связи с тем, что такой взгляд на рассматриваемое языковое явление не типичен для

отечественной лингвистики и соответствует диахронному изучению объекта исследования.

2. В русском языке действуют две противоположные тенденции: 1) лексикализация – переход ономатопа в лексико-семантическую систему языка, которая приводит к утрате звукообраза, затемнению внутренней формы, деэтимологизации лексемы; 2) отождествления неономатопоэтических образований как звукоподражательных: данное явление широко распространено в говорах при образовании и функционировании глагольных междометий и подзывных слов, этимологически не являющихся ономатопами, но отождествляемых со звукообразами на современном этапе развития языка.

3. В ономатопах русского языка структурно-словообразовательную роль играют суффиксы. Лексикализация ономатопа происходит за счёт обрастания основы аффиксами и, в большинстве случаев, осуществляется по словообразовательной модели с морфемой –ка– (*кря – кря-ка-ть*). В диахронии также выделяются некоторые суффиксы, стремящиеся восполнить утраченный в процессе лексикализации звукообраз (–зг–, –зд–, –ст–, –ск–, –ых– и т. д.). Можно говорить о двойственной роли суффиксов в процессе развития и функционирования ономатопов: за счёт данных морфем происходит включение звукоподражаний в лексическую систему языка с частичной или полной потерей звукообраза, но происходит и компенсация последнего в процессе лексикализации, так как именно суффиксы способны частично восполнить потерянный образ.

4. Для ономатопов − и литературных, и диалектных − характерным является сочетаемость с формантами, обозначающими интенсивность. Этот факт связан с тем, что для любой фонации одной из обязательных характеристик является интенсивность, которая может выражаться на семантическом (наличие определённой семы) и словообразовательном (наличие определённого форманта) уровнях.

5. Некоторые фонемы русского языка в составе ономатопов, находящиеся преимущественно в начальной позиции, обладают ассоциативно-семантическим звукоэффектом, ономатопоэтическим потенциалом, формирующемся на базе дифференциальных признаков, которые ассоциативно связывают звучание реалии и его воспроизведение в речи. Такой признак, как заднеязычное образование звука, может быть актуальным и звукоизобразительным, реализуя фоноизображение гортанного, резкого, громкого звука (<**Г>, <К>, <Х>**). Участие отдельной фонемы в оформлении ономатопа значимо с точки зрения создания определённого звукообраза, но не семантики слова в целом. Наибольшим ассоциативно-семантическим звукоэффектом обладают шипящие, свистящие, заднеязычные, некоторые сонорные, а также гласные фонемы **<А>** и **<У>.**

6. Ономатопы русского языка в своём большинстве имеют общеславянское происхождение. Праславянский ономатоп получает своё развитие в виде рефлекса в русском языке, образуя гнездо исторически однокоренных производных. Многие значения ономатопов возникают посредством переносов, основой которых является звуковая ассоциация. Она заключается в метафорическом или метонимическом отождествлении или сближении одной фонации с другой, что является базой для образования полисемантов и новых ономатопов в рамках одного гнезда. Проанализированный нами материал показал, что рассматриваемые единицы русского языка развиваются по определённым моделям (40 моделей), часть которых является уникальными (обозначение неречевых фонаций человека > обозначение названия растения), другая – достаточно регулярными (обозначение речевых фонаций человека > обозначение названий блюд и кулинарных изделий).

Глава 1. Вопросы изучения ономатопеи.

1.1 Теоретические аспекты изучения русских ономатопов.

1.1.1Определение ономатопеи

В лингвистической науке сложилось несколько подходов к изучению ономатопеи как проявления особого рода мотивированности в языке. Данное языковое явление вызывает оживлённые споры на предмет своего грамматического определения и статуса. Одни учёные склонны отрицать наличие единиц, мотивированных звуковым составом, другие, напротив, пытаются доказать неслучайное присутствие в том или ином слове определённых звуков и приходят на основании этого факта к этимолого-семантическим выводам. Эти две крайности возникают, возможно, из-за того, что вопросы мотивированности и произвольности / непроизвольности языкового знака давно вышли за пределы лингвистики и приобрели философский статус. То же можно сказать и о самом возникновении понятия ономатопеи в рамках гипотезы происхождения языка.

На наш взгляд, ономатопея как факт языковой действительности нуждается в некоторой конкретизации и уточнении. Это необходимо в связи с разногласиями в трактовке и понимании данного явления.

Любая реалия воспринимается человеком всеми органами чувств. Наиболее активное участие в познании и осознании предмета принимает зрение: оценивается размер, форма, цвет, расположение в пространстве выбранного объекта, его удалённость от субъекта и т.д. Менее активное участие (хотя и не менее важное) в знакомстве с некой реалией принимают осязание, обоняние и вкус. Исходя из естественного страха человека перед новым, неведомым объектом, он сначала его хорошо рассмотрит, а затем попробует на вкус, запах. Поэтому сама ситуация выделения признака отнюдь не случайна. С одной стороны, она определена психологической ориентацией личности или группы людей и даже физическим состоянием, поскольку дефекты вроде слепоты, глухоты и т.д. сильно влияют на миропонимание человека. С другой стороны, выбор может быть определен и уровнем развития абстрактного мышления и интеллекта в целом. Понятно, что для более древнего периода, когда человеку было свойственно конкретное мышление, номинация была более конкретной. По поводу

выделения признака номинируемого объекта существует мнение Ю. В. Монича: в процессе восприятия тот или иной фрагмент действительности структурируется по законам гештальта: на общем фоне наиболее броские и существенные детали вырисовывают фигуру [1998, с. 99]. Вопрос заключается в том, что можно считать существенной деталью, а что несущественной. Если учесть физиологические аспекты восприятия, то есть преобладание слуха или зрения и т.д., то ведущим окажется зрение. Но поскольку у человека в момент номинации есть естественная направленность – выделить, отличить объект из ряда других объектов, а звуковой признак присущ ограниченному количеству реалий, то именно он и становится отличительным признаком, существенной деталью, о которой говорит Ю. В. Монич. Проанализировав лексику звучания, мы сделали вывод, что если реалия издает звук, то вероятность выделения акустического признака резко повышается. В связи с этим отмечается большое количество ономатопов среди слов, обозначающих фонации людей и животных, а также неживой природы.

Явление ономатопеи определяется различными учеными по-разному. Одни рассматривают его в рамках гипотезы происхождения языка [Платон, 1968; Гердер, 1959; Ренан, 1866, Погодин, 2001 и др.]. Другие ученые склонны понимать ономатопею как сравнительно новое явление, появившееся на определенном этапе, когда мозг человека, его мыслительные способности были готовы воспринимать действительность именно в таком русле [Будагов, 1965; Головин, 1983; Баранникова, 1973 и др.].

Часть исследователей рассматривает ономатопею в аспекте номинации [Бюлер, 1993; Гумбольдт, 1984; Балли, 1955; Маслов, 1998 и др.]. Ономатопея как один из способов обозначения понятий: непосредственное подражание звукам – живописный способ, в основу которого положен слуховой образ предмета, а не зрительный [Гумбольдт, 1984, с. 90-94]. Ономатопея как часть фоносемантических проявлений в языке анализируется другими учеными [Воронин, 1982; 1990; Журавлев, 1991].

Ономатопея как один из способов образования новых корней раскрывается в исследованиях: Пизани , 1956, Газова-Гинзберга, 1965.

Естественно, что при таком разнообразии взглядов на данное языковое явление, определяется оно также по-разному.

Звукоподражание – создание слова, напоминающего подражание звукам, в какой-то мере близким объекту или действию, которое означает это слово [Марузо, 1960, с. 110]. Звукоподражание – закономерная, не-произвольная (знак автора - Е.Т.) фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата [Воронин, 1990, с. 5-6]. Звукоподражание – воспроизведение «естественных устных звуков», т.е. звуковых физиологических процессов, производимых человеком, а также звуков, производимых внешней природой и неречевыми органами человека [Газов – Гинзберг, 1965, с. 3]. Звукоподражание – отношение элементов означаемого и означающего, базирующихся на соотносительности их свойств. Понятие звукоподражательности основано на воображаемой или реальной близости означающего и означаемого элементов [Скаличка, 1967, с. 280 и др.]. Звукоподражание − символическое живописание голосом [Бюлер, 1993, с. 189]. Звукоподражание – проявление изобразительной мотивированности в языке [Маслов, 1987, с. 112]. Звукоподражание – один из источников обогащения новыми корнями какого-либо языка [Пизани, 1956, с. 109].

Новый аспект понимания ономатопеи дает нам психолингвистика. Вводится понятие примарной (первичной) мотивации формы знака [Горелов, 1974, 35], [Горелов, Седов, 1998, с. 12-13]. Именно психолингвистика пытается определить какое-либо место ономатопее, поскольку в собственно лингвистической науке на этот счёт имеются некоторые пробелы: «…всевозможные «трах-тара-рах» насчитываются тысячами в словаре каждого развитого языка. Уже поэтому их (звукоподражания – примечание Е. Т.) нельзя оттеснять на «периферию языка», как это пытаются делать многие лингвисты, считающие, что языковые знаки образованы как условные, то

есть их звуковая форма никак не мотивирована свойствами тех означаемых, которые стоят за этими словами» [Горелов, Енгалычев, 1991, с. 41]. Психолингвистика объясняет сущность двух видов примарной мотивированности – звукоподражания и идеофонии. Если обозначаемые объекты не звучат, то звуковой состав слова формируется исходя из тех чувств, которые вызывает тот или иной предмет [Якушин, 1984, с. 39-40]. Оба указанных явления отражают одно: обусловленность, зависимость звуковой оболочки слова от его денотата. Идеофоны – это как бы «копии» – ассоциации. К ним относятся обозначения быстрого мелькания, искрения, быстрого движения вообще [Горелов, Седов, 1998, с. 12-13]. Идеофоны представляют собой мотивированные единицы языка, но мотивированность эта отлична от звукоподражания и имеет свое внутреннее, психологическое обоснование. Психолингвист И. Н. Горелов полагает, «что существует особый вид номинации, при котором наблюдаются мотивированные движения органов артикуляции еще до соединения этих движений со звуком. Эти «номинации про себя», имитирующие, например, впечатления от чего-то вкусного, сладкого, горького и т.д. очень близки для носителей совершенно разных языков» [1974, с. 35-36]. Становится вполне объяснимым тот факт, что для изображения дрожания используют вибрирующий звук [р]: *брр, др-(дрожать)* и т.д. «Идеофон не подражает звуку, но является особым способом связать впечатление от незвучащего объекта с «подходящей» акустической формой. Скажем, мы говорим: «фить – и исчез». Это «фить» не «звук исчезания», а попытка звукоизображения быстрого движения» [Горелов, Енгалычев, 1991, с. 42-43]. В данной работе мы изучаем преимущественно первый вид примарной мотивированности – ономатопею. По мнению психолингвистов, «языковой знак будем считать примарно мотивированным, если его звуковой комплекс моделирует какой-то признак означаемого, «тик-так» − мотивированный знак детского языка, вне зависимости от того, обозначается ли им класс часов или конкретные часы. Эффект подражания зависит от слуховых и артикуляционных способностей,

а также от степени определённости, чёткости образца, которому подражают… Понятны также и расхождения в звукоподражаниях: язык имеет свои разрешающие возможности» [Горелов, 1974, с. 35].

Ономатопея обнаруживается буквально во всех языках мира и является языковой универсалией. Удельный же вес таких слов в некоторых языках очень велик и доныне, например, в нанайском языке России, в языке эве в Судане (Африка) [Горелов, Седов, 1998, с. 49]. Отмечается большое присутствие ономатопеи в японском и иранских языках, а также в алтайских, корейском, африканских и других языках агглютинативного и корнеизолирующего строя [Чиронов, 2004], [Поливанов, 1968], [Журковский, 1968], [Samarin, 1965] и др. Необходимо отметить, что именно исследователи восточных языков уделяют большое внимание проблемам и особенностям функционирования ономатопов [Конрад, 1937], [Алпатов,1979], [Поливанов, 1968].

Ономатоп стремится к прямому отображению действительности. А. А. Реформатский утверждает, что такой вид отображения, а, следовательно, и мотивации называется «фотографированием», и что он более сложен [2001]. Но анализ более древних языковых систем различными учеными выводит нас к понятию примарной мотивации, признаваемой более простой, чем мотивация, опосредованная знаком. К данному явлению, например, относятся иероглифическая система китайского языка и звукоподражания [Горелов, Седов, 1998, с. 12, 13]. На это же указывает и тот факт, что в детской речи (1,5-2 года и старше) преобладает именно этот тип мотивации. Из наблюдений за малышами, хотя и не носящими специальный характер, нами были замечены некоторые примеры звукоподражаний.

Можно привести массу примеров, когда ребенок отказывается называть слово незвукоподражательное, заменяя его ономатопом. Часы он называет «*тик-так*», кошку – «*кись-кись*», «*киса*», собаку – «*гав-гав*», ворону – «*кар-кар*», музыкальный центр – «*ля-ля*», это же название подходит и для песни, видеоклипа. Понятно, что номинирует ребенок не один, а со взрослыми. Но

тем не менее, у родителей и воспитателей есть интуитивное чувство того, как нужно говорить с ребенком, чтобы он их понял. Это чувство может рождаться традиционно, потому что все родители именно так говорят с малышами. Носители языка определили оптимальную форму слова, которая хорошо усваивается ребенком – это три фонемы с редупликацией и флексия. Кроме того, детская литература и фольклор (стихи, колыбельные песни, потешки и т. д.) отличаются большим количеством ономатопов, что также говорит об их доступности языковому восприятию ребёнка.

Именно поэтому мы принимаем определение звуковой мотивированности как примарной, но не примитивной, хотя, по всей видимости, наиболее древней . Что касается одного типа звукоподражаний – идеофонов, то и они находят свое применение в детской речи. Так, пищу дети называют «*мняка*», при конструировании, объяснении сложных действий дети более старшего возраста используют слово «*чик-чик*», часто обозначающего резкое движение (по кругу).

По очень точному, на наш взгляд, замечанию А. Росетти: «происхождение ономатопеи следует искать в присущей всем языкам внутренней тенденции установить определенную связь между объектами природы и придать языку непосредственный характер [1962, с. 91].

Опираясь на опыт предшественников, изучавших ономатопею, мы определяем данный языковой факт следующим образом: ономатопея – это явление изобразительной, или примарной, мотивированности языкового знака, а также совокупность фактов его проявления. Единичный языковой факт проявления изобразительной мотивированности мы называем ономатопом. Термин «звукоподражание» используется нами как дополнительный, и он синонимичен терминам «ономатопея» и «ономатоп» в связи с традиционным его употреблением в отечественной лингвистической литературе. Мы отдаём предпочтение термину «ономатопея», потому что он имеет два значения в отличие от термина «звукоподражание», который трёхзначен.

Такое понимание ономатопеи полностью определяет материал, который мы относим в её разряд. В лингвистической литературе существуют некоторые разногласия по поводу выделения таких единиц. Звукоподражаниями принято считать слова определённой части речи, в некоторых исследованиях – и их производные. В толковых словарях, в словообразовательном словаре Тихонова, в диалектных словарях и пр. такие единицы снабжаются специальной пометой. В исследованиях в русле фоносемантики или психолингвистики, как правило, такие факты языка рассматривается не с точки зрения их частеречной принадлежности, а позиции номинации, мотивированности и внутренней формы. Диахронный аспект изучения ономатопов позволяет отнести в разряд ономатопов единицы, утратившие свой звукоподражательный потенциал, но который может быть восстановлен при этимологическом анализе. Учитывая такое положение дел, к числу ономатопов мы относим:

1) единицы, представляющие звукоподражание как часть речи: *дзинь, звяк, цвирик, чули-чули, тяп, трень, шурк, турлы, шлёп, курлы* и др. (синхронный подход);

2) производные таких единиц: *тренькать, хлюпать, хрюканье* и т.д. (синхронный подход);

3) некоторые междометия, снабжённые специальными словарными пометами (звукоподр., глаг. межд. и др.): *бух, стук, бабах, буль-буль* и пр. (синхронный подход);

4) лексика, содержащая звукообраз, изобразительно мотивированная: *скрежет, топот, балабонить, гундявить, гундосить, шуршать, тараторить* и т.д. (синхронно-диахронный подход);

5) лексика, утратившая свой первоначальный звукообраз, но при этимологическом анализе обнаруживающая его: *дрозд, прапорщик, глагол, варвар, глотать, балиндряс, греметь* и т.д. (диахронный подход);

6) окказиональные слова-термины, не зафиксированные в словарях, но используемые в специальной литературе; описание фонаций птиц

орнитологами: *вит-вит* (о фонациях ласточки), *ци-ци-пинь* (о фонациях синицы), *гонг-го* (о фонациях лебедя-кликуна) и т.д. (синхронный подход).

1.1.2 Из истории развития термина

Ономатопея с греческого языка переводится как «производство названий», хотя в этом значении данное слово не употребляется. Ономатопея – это производство названий определенным, живописным способом, а также сами эти названия. Человеческий слух воспринимает окружающую действительность, усваивает пение птиц, шум деревьев, плеск воды, раскаты грома, а затем все услышанное воспроизводит с помощью звуков речи. Конечно, точных соответствий между звуками природы и речи быть не может, поэтому обозначение это во многом символическое, ассоциативное. Для человека подражание – это очень важный фактор в развитии. Его суть есть повторение, воспроизведение. Особую роль подражание играет при овладении ребенком речью [Каптерев, 2000, с. 119-122]. Следовательно, человеку свойственно подражание чему-либо, это естественный механизм в познании мира.

Само понятие ономатопея возникло в рамках гипотезы происхождения языка. Первоначально, начиная с античной традиции, звукоподражание понималось как общий и единственный способ происхождения слов и, следовательно, языка. Платон в диалоге «Кратил» обозначил проблему происхождения названий и решил ее в пользу подражаний. Имя, по мнению философа, есть подражание с помощью голоса объекту номинации [Платон 1968, т. 1, с. 467-468]. Каждая вещь, в понимании античного ученого, обладает сущностью, и подражание этой сущности и есть основной механизм, по которому происходит наименование предмета [с. 468-469]. Но основным признаком у вещи может быть не только звук, но и цвет, форма и на основе воспроизведения похожих звуков, но и на ассоциативной изобразительности. Платону принадлежат и первые мысли о фоносемантике. Так, например, он связывает звук l с выражением любого движения и т.д. [с.

471].

Гипотеза звукоподражания была популярной среди стоиков. Они охотно её включали в свою теорию номинации. «Первые звуки», согласно стоикам, «подражали вещам», причем подражание это мыслится как звукоподражание, непосредственное или опосредованное сходством звукового впечатления (грубость, мягкость, сила и т.д.) с впечатлением, доставляемым вещью; дальнейшее назначение имен происходит на основе сходства, смежности или контраста вещи с другой вещью, имя которой уже имеется [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 30-31].

Свое дальнейшее развитие гипотеза получила в трактате Лейбница «О словах, или о языке вообще», где, поддерживая античную традицию, ученый указывает на то, что фонемы обладают своей семантикой, а также, что в основе номинации лежит звуковая и символическая изобразительность. Например, жесткий *r* у древних германцев и кельтов ассоциировался с бурным движением, *l* обозначал более мягкое действие. Лейбниц называет также распределение значений «естественным инстинктом» древних людей [1983, т. 3, с. 283-284]. Данная концепция получает своё развитие в современных работах по теории «фонетического значения» [Журавлёв, 1974], [Левицкий, 1994].

Другой немецкий ученый И. Г. Гердер в своем «Трактате о происхождении языка» попытался доказать звукоподражательную теорию, пользуясь схоластическим методом. Он проводит мысленный эксперимент, в котором помещает слепого человека на небольшой остров. Слепой, по-видимому, символизирует древнего человека. Ученый показывает, как герою открывается природа через слух. «Листва деревьев приносит прохладу бедному отшельнику, струящийся у ног ручеёк убаюкает его, а свистящий ветерок освежит его лицо. Блеющая овца даст ему молоко, журчащий поток – воду, а шелестящее дерево – плоды. У него будет достаточно интереса, чтобы знать своих благодетелей, и достаточно потребности, чтобы даже без помощи глаз и языка называть их в своей душе. Дерево будет называться

«шелестящим», ветерок – «свистящим», а поток – «журчащим» [Гердер, 1959, с. 144-145]. Гердер также один из первых указывает на то, что звукоподражательное слово есть проявление в языке звуковой и изобразительной мотивированности. По мнению ученого, главное в предмете – это примета, по которой человек его выделяет из среды других объектов. Если это звучащий предмет, то примета, непременно, будет связана с этим звуком. По Гердеру, первые слова были звукоподражательные, поскольку слух у человека – самое первое чувство [Гердер, 1959, с. 142].

Еще одну концепцию предложил французский ученый Эрнест Ренан. В книге «О происхождении языка» он рассматривает множество гипотез, отдавая предпочтение звукоподражательной. Э. Ренан указывает на причинную обусловленность номинации, и основной мотив наименования вещей − желание подражать предмету [1866, с. 66]. Язык первых людей – отголосок природы в сознании человека [с. 67]. И всегда связь между значением и названием была мотивирована [с. 74].

Э. Ренан пытается доказать свою концепцию с точки зрения рационализма, не углубляясь в обстоятельства и причины, которые привели к возникновению языка. Он в большей мере раскрывает сам механизм номинации, отдавая предпочтение звуковой мотивированности.

А. Л. Погодин посвятил свою книгу «Язык как творчество: Происхождение языка» изучению самых различных теорий и гипотез. Автор рассматривает как наиболее жизнеспособную – гипотезу звукоподражания, одобряя новые (для того времени) попытки её модернизировать. Одной из таких концепций Погодин считает теорию немецкого учёного Фрейденбергера. Её особенностью является попытка объяснить: почему звукоподражания по-разному звучат в различных языках. По мнению Фрейденбергера, «в самом начале речи процесс не мог быть одинаковым, так как соперничавшие звуковые образования должны были обладать приблизительно одинаковой ассоциативной способностью. Здесь всегда боролись за первенство два или несколько слов, из которых сначала каждое

было понятно только своему создателю, а другим людям той же среды представлялось чем-то бессмысленным» [Freudenberger, 1900, цит. по Погодин, 2001, с. 533-534].

Впоследствии учёные отходят от понимания ономатопеи как одной из гипотез происхождения языка, а рассматривают ее как один из способов номинации.

В. фон Гумбольдт выделяет 3 способа обозначения понятий:

1.Живописный – подражание звукам, слуховому образу предмета.

2.Символический – подражание некой внутренней сущности предмета.

3.По аналогии [1985, с. 90-94].

Свое развитие понятие ономатопеи получило и в трудах французского ученого Ш. Балли. Ономатопея для него – один из способов мотивированности знака его означающим. Ученый выделяет 2 вида такой мотивированности: собственно звукоподражание и звукоизображение с помощью артикуляционного аппарата. Так, увеличение раствора рта часто связано со значением «обширный» и, наоборот, закрытые звуки склоны входить в состав слов со значением «маленький» [Балли, 1955, с. 146-148]. В указанной концепции можно найти основание и истоки фоносемантики, исходя из которой, звук обладает значением, и семантика слова складывается из значений фонем, его составляющих, например, концепция С.В. Воронина [1982 и др.].

А. М. Газов-Гинзберг – один из немногих учёных, изучающих ономатопею в диахроническом аспекте. На примере прасемитских корней он исследовал этот вопрос, уделив внимание и общетеоретическим проблемам. Используя индоевропейский языковый материал, учёный вводит понятие «внутренней» и «внешней» звукоизобразительности [1965, с. 3 и сл.]. Под внутренним звукоподражанием ученый понимает: "1. Воспроизведение "естественных устных звуков", т.е. звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков – междометий в узком смысле слова". Под внешним звукоподражанием

понимается "2. Подражание звукам, производимым внешней природой (а также неречевыми органами человека)…" [с. 3].

Р. А. Будагов во «Введении в науку о языке» также анализирует проблему происхождения языка из звукоподражаний. По мнению учёного, главным недостатком гипотезы является ее опора на природу, естественность в вопросе происхождения языка, когда как главная опора должна делаться на язык как социальное явление [1965, с. 375-377]. Он рассматривает ономатопею в функциональном плане, подчеркивая большой экспрессивно-выразительный потенциал данных языковых единиц в поэтическом тексте [с. 375-377].

Отрицает и критикует ономатопоэтическую гипотезу Б. Н. Головин, вслед за своими коллегами указывая на то, что звукоподражание возможно лишь при достаточной гибкости речи [1983, с. 164].

Ю.С. Маслов рассматривает ономатопею как проявление изобразительной мотивированности в языке [1998, с. 30; 112]. Это попытка проникнуть в суть явления, всесторонне его проанализировав.

И.Н. Иванова во «Ведении в языкознание» не рассматривает данную гипотезу как одну из основных в связи с тем, что не находит в ней ответа на вопрос: каким образом свое наименование получали предметы «молчащие» [1994, с. 9].

Т.И. Вендина, с одной стороны, указывает на немногочисленность звукоподражаний и невозможность объяснить появление «безгласных» понятий [2002, с. 33], а с другой стороны, отмечает, что «мотивирующие признаки могут быть самыми разными, в том числе и звукоподражательными» [с. 128].

Н.Ф. Алефиренко в учебнике «Теория языка» анализирует гипотезу с позиции и возникновения и развития, как одну из теорий естественного происхождения языка [1998, с. 46-48].

Подводя итоги, хочется заметить, что в анализируемых работах представлен неполный анализ проблемы. Не предпринимается никаких

попыток расширить круг примеров, напротив, авторы часто используют два-три слова, кочующие из одного учебника в другой: *каркать, кукушка, квакать*. Замечания по поводу немногочисленности ономатопов, на наш взгляд, необоснованы и не соответствуют действительности. Не проводилось попытки проследить какие-либо словообразовательные, фонетические, морфологические процессы в лексемах ономатопоэтического происхождения. Не учитывается диахронный аспект рассмотрения явления, который позволил бы существенно пополнить количество анализируемых примеров.

Понятие «ономатопея» с момента своего возникновения эволюционирует и развивается: от обозначения процесса наименования до обозначения знаков примарной мотивированности. Такое изменение, на наш взгляд, связано с развитием и становлением лингвистической науки, а также накоплением языковых фактов.

1.1.3. Частеречная принадлежность ономатопеи в русском языке

Большинство отечественных грамматистов отказывают звукоподражанию в каком-либо частеречном определении, относя их в один из разрядов междометий (И. И. Мещанинов, 1978, А. А. Шахматов, 1952, В.В. Виноградов, 1947 и др.). Основные грамматики указывают на «примыкание звукоподражаний к междометиям» [Грамматика СРЛЯ, 1970, с. 314], [Русская грамматика, 1980, с.732]. Академик А.А. Шахматов в «Учении о частях речи» решительно относит звукоподражания в разряд междометий, опираясь, прежде всего, на их формальное сходство – форму выкрика [2006, с. 136]. Однако следует упомянуть, что именно этому учёному свойственно понимание ономатопеи как проявления особого вида мотивации в языке. Такая точка зрения академика Шахматова прослеживается в определении глагольных междометий: «Это такое название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нём хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость

произведённого действия» [с. 85].

Другие учёные не включают ономатопы в грамматическую систему русского языка, отказывая признавать их как факт языковой действительности. Такое понимание встречаем в «Словаре русского языка в 4-х томах» (МАС), где не находим ни одного звукоподражания (*мяу, кукареку, гав, ква и* т. д.) с соответствующей пометой. Совсем небольшая часть звукоподражаний представлены в словаре как междометия, в дефиниции содержащие указание на звукоподражательность (*буль-буль, чмок, дзинь*), всего 33 единицы. Подобную картину наблюдаем и в других словарях. В «Большом толковом словаре донского казачества» находим всего 3 слова с пометой «межд. звукоподражат.»: *джю-джю, дзок-дзок, чир-чир* [2003, с. 132, 580]. Таким образом, в лингвистике существует такой взгляд на звукоподражания, при котором данное явление упрощается, отождествляясь с междометиями, и даже игнорируется. Такое положение дел в отношении ономатопов заставляет вспомнить слова С.С. Шляховой по поводу маргинальности примарно мотивированных образований не только в языковом плане, но и в плане их изучения. Такие единицы часто остаются за пределами интересов лингвистов [2006, с. 3].

Другая точка зрения на данное явление заключается в присвоении ономатопам частеречного статуса. Так, в «Грамматике русского языка под ред. В.В. Виноградова» встречаем следующее определение: «К звукоподражательным словам относятся те близкие к междометиям слова, которые представляют собой условное воспроизведение звучаний, сопровождающих некоторые действия и физические акты, а также воспроизведение криков животных и др.» [1960, с. 673-674]. И хотя данное определение помещено в разделе «Междометие», оно, всё же, указывает на схожесть, но не на «примыкание» звукоподражаний к классу междометий. Далее следует замечание о примыкании к звукоподражательным словам глагольных междометий [с. 674].

Некоторые отечественные лингвисты чётко разграничивают звукоподражательные слова и междометия, выделяя ряд отличительных признаков: специфика семантики – звуковая мотивированность их значений, неспособность выражать эмоции и неизолированность в предложении. Однако они лишают звукоподражания какой-либо частеречной принадлежности, говоря об их роли специфических «заместителей» глаголов и существительных [Краткий справочник по современному русскому языку 1995, с. 208-209], [Современный русский язык под ред. П. Леканта, 2007, с. 353]. Другие исследователи, например, А.Н. Тихонов, утверждают, что ономатопы обладают лексическим значением и являются полноценными словами, поскольку отражают языковую информацию. В системе частей речи звукоподражания выступают как особые, самостоятельные разряды слов [1981, с. 72 -76].

Таким образом, существует несколько взглядов на проблему частеречного определения звукоподражаний: от полного игнорирования данных слов как факта языковой действительности до признания их самостоятельности по отношению к междометиям. Нам более близка в этом вопросе последняя точка зрения, хотя вслед за принятой системой словарных помет в некоторых случаях (например, при цитации словарных статей) используем термины «звукоподражательное междометие» и т. д.

Вопрос о частеречном статусе ономатопеи, на наш взгляд, неизбежен, поскольку самоё языковое явление неоднозначно и специфично. Априори в языке существует примарная мотивированность языкового знака. Ономатопея, являясь проявлением такой мотивированности, неизбежно ставит вопрос о своём определении. С одной стороны, в языке функционируют примарно мотивированные единицы, но они намного шире понятия «звукоподражания». С другой стороны, постоянный процесс лексикализации ономатопов затрудняет их выделение среди других единиц, нередко требуя этимологического анализа. Таким образом, понятие

«звукоподражание», которое может быть определенно как отдельная часть речи – это лишь малая часть примарно мотивированных единиц.

1.1.4. О некоторых вопросах функционирования ономатопов

Проблема функционирования ономатопов не раз освещалась в лингвистике. Излюбленной темой учёных является роль звукоподражаний в художественном тексте и детской речи (Александров, 1883, Гвоздев, 1927, 1929, 1961, 1981 и др.). В связи с достаточной изученностью заявленных вопросов, мы не будем останавливаться на них, а рассмотрим иную сторону проблемы.

Ономатопея – это один из фактов языковой действительности, который отражает многие аспекты жизни и является одним из структурирующих звеньев языковой картины мира. Ономатопея как культурно значимое и концептуальное образование проявляется именно в особенностях её функционирования. Одной из малоизведанных и малоизвестных сторон использования звукоподражаний является их значимое присутствие в календарных, окказиональных, магических обрядах и т. д. [Алексеев, 1995]. Особенно знаменательными с этой точки зрения становятся вербализованные обозначения фонаций животных и птиц [Новик, 1999], которые повсеместно и широко функционируют в русском фольклоре.

Наибольшее распространение ономатопея получила в календарных обрядах и обрядовых действиях, где активно использовалась имитация фонаций домашнего скота и птицы. По данным словаря «Славянские древности: этнолингвистический словарь» (далее СДЭС), и в наши дни у славянских народов можно встретить следующие обряды. В Сочельник и канун Нового года наиболее распространённым было звукоподражание голосам домашней птицы. Например, на западе Украины хозяйка садилась на пол, обложившись соломой, и квохтала [СДЭС т. 2, с. 296]. В центральной России во время ужина дети залезали под стол и пищали как цыплята [с. 296]. На востоке Полесья хозяйка, надев рукавицы, брала горшок с кутьёй и

вместе с детьми ходила, выкрикивая «ко-ко-ко», «гу-гу-гу» [с. 296]. В окрестностях Праги в Сочельник дети подражали голосам домашней птицы [с. 296]. В Сибири на Святки исполнялся обряд «ношения курицы». Одного из колядующих наряжали курицей и таскали из дома в дом, где он, кудахтая, вступал в разговор с хозяевами по поводу его помощи в разведении цыплят [СДЭС т. 2, с. 297]. Использование в календарных обрядах ономатопов вполне закономерно. Общая направленность и специфика подобного рода действий и ритуалов отвечает запросам человека, тесно связанного с сельским хозяйством и животноводством. Все описанные обряды преследуют одну цели: благополучие в хозяйственных делах. Использование ономатопов в данной ситуации, по-видимому, является способом установления речевого контакта с животным, попыткой с ним «договорится». Несколько иное использование ономатопов встречаем в магических обрядах. Например, в юго-восточной Сербии при отсутствии лактации у коровы производили следующие манипуляции. Два члена семьи на рассвете вели животное к водопою и, обливая его водой, приговаривали: «Ку-ку!» - «Раскуку!». Этот акт, по представлениям некоторых сербских крестьян, помогал снять порчу с коровы, наведённую кукушкой [СДЭС т. 2, с. 298]. Функционирование ономатопов в заговорах и других магических текстах имеет, как нам кажется, следующее обоснование. Во-первых, как мы уже говорили, это попытка обеспечить коммуникацию с животным, быть им понятым, а во-вторых, для ритуальной речи в целом характерно использование зауми, которой свойственно присутствие в данных речевых образованиях. «Фонетический облик заумного слова основан на звукоподражании» [СДЭС т. 2, с. 281].

Ещё одна сфера использования ономатопов связана с народным врачеванием и лечебными заговорами. В этой практике звукоподражания служат для передачи недуга животному. Например, в вологодской области больной человек залезал на куриный насест и пел петухом, чтобы болезнь перешла на кур [СДЭС т. 2, с. 298].

Таким образом, древняя мечта человека овладеть языком животных, понимать и общаться с ними находит своё отражение в славянском фольклоре: сказках, заговорах и т. д. Использование ономатопов в данных текстах является, на наш взгляд, попыткой осуществить эту мечту.

1.2. Классификация ономатопов.

В лингвистической литературе принято несколько классификаций ономатопов. Одной из наиболее употребляемых в последних исследованиях является классификация С. В. Воронина [1982]. Её отличие и уникальность заключается в том, что автор классифицирует звучания и их сочетания, характеризующие акустический денотат. С. В. Воронин выделяет основные параметры внеязыковых звучаний: 1) высота звучания, 2) громкость звучания, 3) время звучания, 4) регулярность звучания (периодичность колебаний), 5) диссонантность звучания. По высоте звучание бывает «низкое» / «высокое»; по громкости: «громкое» / «тихое»; по времени: удар / неудар; по регулярности: неудар тоновый / неудар шумовой; по диссонантности: диссонанс / недиссонанс. Автор выделяет три класса звучаний: А. Удар; Б. Неудар; В. Диссонанс.

Учитывая все параметры, С. В. Воронин получил девять типов звучаний: 1. Удар; 2. Тоновый неудар; 3. Чисто шумовой неудар; 4. Тоношумовой неудар; 5. Квазиудар; 6. Чистый диссонанс; 7. Тоновый квазинеудар; 8. Чисто шумовой квазинеудар; 9. Тоношумовой квазинеудар.

Указанные выше классы звучаний группируются в гиперклассы: АБ. Удары / неудары; ВАБ. Диссонансные квазиудары / неудары. В соответствии с классами и гиперклассами внеязыковых звучаний выделяются три класса и два гиперкласса ономатопов, обозначающих эти звучания: А. Инстанты (*тук, тюк, топать, ботать, кап-кап, тик-так* и т. д.); Б. Континуанты (*шипение* и др.); В. Фреквентативы (*хруст, треск, громыхание*); АБ. Инстанты – континуанты (*бом, динькать, тенькать* и т. д.); ВАБ. Фреквентативы квазиинстанты – континуанты (*трень-брень, бренчать, тренькать* и т. д.).

Данная классификация помимо теоретической ценности также имеет большое практическое значение, которое разрабатывается в исследованиях фоносемантистов [Афанасьев, 1984, Шляхова, 1991] и др.

По общей концепции и пониманию нами ономатопеи как языкового явления мы выделяем классификацию С. С. Шляховой, исследующей фоносемантические маргиналии в русской речи [2006]. Автором выделяются следующие типы ономатопов. Акустические (*бах, кап-кап, динь-динь, шу-шу, буль-буль* – 23% всего материала); артикуляторные (*апчхи, кхе, кхо, ха-ха, тьфу* – 11,7%); говорения (*тары-бары, ля-ля-ля, у-у-у* – 20,6%); лексические аттрактанты (*цып-цып, баси-баси*) и лексические репелленты (*кыш, брысь, кш*) животных (17,1%); подражания голосовым сигналам животных и птиц (*мяу, гав, му-у-у, фьюить* – 9,2%). Новаторство автора заключается в том, что С. С. Шляхова дополняет деление ономатопов на артикуляторные и акустические, предпринятое С. В. Ворониным, и выделяет в отдельный класс «речевые» ономатопы, мотивируя это тем, что, с одной стороны, они схожи с артикуляторными по месту образования (полость рта, носа и горла человека), а, с другой стороны, имеют явное семантическое отличие [1991, с. 8]. Подобная классификация совмещает и семантическую и отчасти функциональную сторону вопроса.

В. С. Третьякова предприняла попытку распределения глаголов, образованных от звукоподражательных корней, по семантическим группам. В результате исследования автор выделила 6 семантических групп звукоподражательных глаголов: 1) глаголы звучания; 2) глаголы говорения; 3) глаголы физического воздействия на объект; 4) глаголы падения; 5) глаголы движения; 6) глаголы физического действия [1985].

Кроме тематической классификации представляется возможным выделить ещё несколько групп звукоподражательных слов. А. М. Газов-Гинзберг в книге «Был ли язык изобразителен в своих истоках?» говорит о двух типах ономатопеи: внешней и внутренней. Под внутренним звукоподражанием ученый понимает «1. Воспроизведение «естественных устных звуков», т.е. звуковых физиологических процессов, производимых человеческим ртом и носом, а также аффективных выкриков – междометий в узком смысле слова» [1965, с. 3]. Под внешним звукоподражанием

понимается «2. Подражание звукам, производимым внешней природой (а также неречевыми органами человека)…» [Газов-Гинзберг, 1965, с. 3].

К внутреннему звукоподражанию (звукоизображению) относятся слова, обозначающие речевую деятельность и её характеристику: *глагол, балаболить, тараторить, бормотать, лопотать, гундосить, гнусавить, шептаться* и т.д., а также слова, обозначающие крик, плачь, физиологические процессы, поедание пищи: *глотать, галдеть, сморкаться, реветь, рыдать, ропот, хохот* и под. К внешнему звукоподражанию примыкают лексемы, характеризующие звуки природы, звуки, сопровождающие резкое действие, движение, шум, скрип, удары, плеск жидкости и многое другое: *звон, булькать, брызгать, брязгать, дребезги, хрупкий, бубен, хлопок, греметь, ботать, ключ, царапать, хлестать, звизнуть, бубен, колокол, болтать, хлюпать, капать, шорох, шелест, топот, хапать, шлепать* и под.

Для первого типа ономатопов очень характерна символическая связь между самим словом и его значением [Балли, 1955, с. 147]. В этом случае выбор того или иного звука для включения его в звукоподражательное слово полностью зависит от его артикуляции. Например, при произнесении слова *дуть* губы за счет лабиализованной гласной вытягиваются в трубочку так же, как и при осуществлении самого действия.

А для второго типа ономатопов свойствена ассоциативная связь между звуком, издаваемым самим предметом, и звуками речи. Понятно, что глухой звук будет использоваться для обозначения удара, стука: *хлопать, топот, стучать (тук)*, а звонкие звуки – для обозначения звона: *звонить, дин-дон*. Шелест более ассоциируется с шипящими, сильный грохот – с [р] и под.

Экспрессивность ономатопов связана, прежде всего, с живым звукообразом слова, т.е. осознанием носителями языка этой ассоциативности. Ср., например, *шушукаться, хохот, чмокать,* где ещё чувствуется звуковая мотивированность; *чепец, прапорщик, лапа,* в которых связь звучания со значением обнаруживается только при этимологическом анализе. Более

эмоциональный фон придает использование в речи и поэзии ономатопов с живой внутренней формой.

А. М. Газов-Гинзберг выделяет несколько семантических групп ономатопов, которые носят, по-видимому, универсальный характер. Рассматривая, прежде всего, прасемитские корни, учёный предлагает 45 типов звуковых объектов, которые находят отражение во многих языках мира [1965].

1.2.1. Классификация ономатопов русского языка: диахронный аспект.

В русском языке много слов, примарно мотивированных, имеющих звуковой образ, который определяется лишь при этимологическом исследовании. Процесс деэтимологизации касается и данной группы слов, а потому большая часть лексики русского языка не осознается его носителями как ономатопоэтическая. Нами предпринята попытка классификации русских ономатопов с учётом исторических изменений.

Нами выделено четыре группы ономатопов.

Первая группа содержит лексемы, объединяемые в особую часть речи, если таковая признаётся или в один из разрядов междометий. Они характеризуются некоторыми категориальными особенностями [Грамматика 1970, с. 314], большим эмоционально-экспрессивным потенциалом: *кукареку, хи-хи-хи, мням-мням, ква-ква, ам* и др.

Вторая группа лексем мотивирована единицами первой группы: *каркать, хрюкать, хрюша, квакать, кукушка, цапнуть, стукнуть, ляпать, тюкать* и т.п. Здесь еще жив звукообраз, но слова приобретают семантику, происходит процесс лексикализации, т. е. превращения ономатопа (междометия) в знаменательное слово [ЛЭС, с. 258], [Реформатский, 1967, с. 121].

В третьей группе ономатопы осознаются как таковые носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности (редупликации, нетипичных сочетаний фонем, повторяющиеся шипящие, свистящие и мн.

др.): *дребежать* (*др-*, *-зж*), *брызгать* (*бр-*, *-зг-*), *балаболить* (*бал-/бол-*), *тараторить* (*тар-/тор-*), а также *шуршать, греметь, драндулет* и др. Их ономатопоэтический потенциал может реализоваться лишь в контекстном употреблении, в художественном, чаще всего в поэтическом тексте, в звукописи.

Четвертая группа звукоподражательных слов утратила свой первоначальный образ окончательно: *скала, щель, клёст, синица, прапорщик, черта, чепец, вкрапление, аляповатый, рычать (*в меньшей степени*), рыдать, реветь*. Общая и.-е. форма последних трёх слов: **reu-/rou-/ru-* – реконструирована П. Я. Черных [т. 2., с. 103, 132, 130], в лексемах различные расширители. *Скала, щель, осколок* и т.д., восходящие к индоевропейским звукоизобразительным корням *(s)kel- , *(s)kol- , *kl- , где s выступает как дополнительный элемент, возникающий перед корнем с дифтонгическим сочетанием с плавным (s-mobile), со значениями ударять, бить и др. [Шляхова, 2006]. Данные лексемы представляют собой ономатопоэтические образования, имеющие огромное количество производных в литературном языке и диалектах: *колотун, колотовка, колотник, колотиха, колотик, колода* и множество других однокоренных слов. *Черта* восходит к индоевропейским звукоизобразительным корням *(s)ker-, *(s)kor-, *kr-, как и в предыдущем примере, мы наблюдаем s-mobile. Основные этимологические словари не указывают на связь данного слова с *короткий, корточки*, на наш взгляд, родство этих слов очевидно и безупречно с фонетической точки зрения, а в семантическом отношении наблюдается сближение на базе значения ’резать’, ’укорачивать’ [КЭСРЯ, с. 162 – 163]. *Прапорщик* восходит к древней редупликации *porpor (*прапор* ’полковое знамя’), звукоизображающей развивания знамени на ветру [Фасмер, т. 3, с. 354]. *Аляповатый* образовано от ономатопоэтического глагола *ляпать* [Фасмер, т. 1, с. 75]. Множество других слов русского языка по своему происхождению также являются ономатопами, но в процессе лексикализации их первоначальная связь с определённым звукообразом

утрачена, как это было показано в описанных примерах.

Представленное выше деление ономатопов является модернизированной классификацией С. С. Шляховой. Она выделяет три группы звукоподражательных слов по значимости фонического компонента (звукоподражательной семы) [1991, с. 9]. 1. Примарно мотивированный ономатоп, где категориальной семой является звукоподражательная сема, которая имеет статус значения (*тук, бам, динь*), что соответствует нашей первой группе. 2. Ономатопы с частичной утратой примарной мотивированности, где в лексическом значении выделяются две категориальные семы – частеречная и звукоподражательная (*бухать, звон, шуршащий*), что соответствует нашей второй группе. 3. Секундарно мотивированные ономатопы, в лексическом значении которых звукоподражательная сема отсутствует [с. 9], что соответствует третьей и четвёртой группам нашей классификации. И всё же мы выделяем именно четыре группы, и такое деление обосновываем следующим фактом. Процесс утраты примарной мотивированности не одномоментный, а длительный, отдельные лексемы уже не соотносятся с тем или иным звукообразом, другие, утратив его, всё же сохраняют отпечаток. Такие ономатопы способны формально это демонстрировать, участвуя в художественных поэтических текстах, в звукописи и т. д. В связи с возможностью формального проявления и функциональной значимостью, мы считаем необходимым выделить четыре группы ономатопов с учётом диахронного аспекта изучения.

1.2.2. Тематическая классификация русских ономатопов.

Данная классификация основывается на выделении основных тематических групп русских ономатопов. Термин «тематическая группа» понимается нами вслед за академиком Н. Ф. Алефиренко как совокупность слов, обозначающих определённую предметную область [1998, с. 281]. Выделяемые нами тематические группы могут включать слова различных частей речи.

В ономатопах отражено слуховое восприятие номинируемых предметов. Можно отметить некоторую закономерность, когда акустический признак становится ведущим, и слово получает свой звуковой образ. В отдельных тематических группах процент ономатопов (как в синхронном, так и в диахронном аспекте) существен. Как уже ранее говорилось, это группы со «звучащим» значением.

Табл.1

Тематическая группа	Лексемы
Ономатопы, обозначающие лингвофонации (речевая деятельность человека, её особенности, манера речи и т.д.)	*Тараторить, бормотать, гундосить, шепелявить, глагол, гнусавый, лепет, мямлить* и т.д.
Ономатопы, обозначающие зоофонации (птицы и их фонации, животные и их фонации, насекомые и их фонации)	*Кулик, кречет, гагара, цапля, стрепет, гукан, кокот, гагакать, курлыкать, гурковать,свинья, кутёнок, бугай, турлушка, фыркать, жук, пчела, жужг, букашка, брунеть* и т.д.
Ономатопы, обозначающие антропофонации (эмоциональные выкрики человека, звуки, связанные с изменением положения тела, работой человека, непроизвольные телесные звуки)	*Хохотать, икать, рыгать, мняка, кашлять, хрипеть, топот, шаркать, царапать, шлёп, бом, хлоп, тук* и т.д.
Ономатопы, обозначающие натурофонации (звуки воды, явлений природы, неживой природы)	*Ключ, журчать, бултыхаться, гайгакать, громыхать, хруст* и т.д.
Ономатопы, обозначающие технофонации	*Драндулет, пи-бип, тарахтеть, чихать* (о двигателе), *жужелица* (раскалённый металл), *чепец* и т.д.

1.2.2.1 Ономатопы, обозначающие лингвофонации. Многочисленную тематическую группу составляют ономатопы, обозначающие лингвофонации, речевую деятельность человека, её особенности, манеру и т.д. Часто обнаруживают примарную мотивацию лексемы, называющие процесс говорения. Данная лексика называет как собственно процесс говорения: *балаболить тараторить, балакать, глагол, бормотать, лепет,*

характеристику фонетических особенностей речи*: гундосить, гнусавить, диал. прирыкивать, шепелявить* и т.д. Ю.Д. Апресян выделяет несколько подклассов глаголов с общим значением ’говорить’: ’говорить громко’ (*восклицать, галдеть, горланить, горлопанить*); ’говорить недовольно’ (*бурчать, ворчать, брюзжать*); ’говорить невнятно или неуверенно’ (*мямлить, бормотать, бубнить, лопотать*); ’говорить с тем или иным речевым дефектом’ (*гнусавить, гундосить, заикаться, шепелявить, картавить*) [1995, с. 249]. Все из перечисленных примеров являются ономатопами, некоторые очень древними. Исключение составляет слово *картавить*, на счёт его происхождения не существует однозначного мнения.

Слова, обозначающие процесс говорения, очень часто оказываются экспрессивными образованиями, особенно, если звукообраз еще осознается носителями языка: *балаболить, долдонить, гунявить, гуркать* и т.д.

Экспрессивными являются и языковые единицы вторичной номинации: переносы с обозначений фонаций животных на речевую деятельность человека с отрицательной коннотацией, сравнение с фонациями неживой природы. Это такие слова, как *лаять, гавкать*, диал. *звигать* и *квоктать*, *ворчать*, по мнению М. Фасмера, восходящее к лат. *urcāre* ’о звуке, издаваемом рысью’ [т. 1, с. 356], *трещать, журчать, ворковать, болтать* ’приводить жидкость в движение’*, ржать* и под.

Глагол, *глаголить* образованы с помощью редупликации древнего корневого ономатопа **gol* [Фасмер, т. 1, с. 430], [Черных, т. 1, с. 189]. Однокоренным является *голос* (*глас*), образованный без редупликации.

Тараторить образовано с помощью редупликации корня **tor*, восходящий к значению ’громкий, внятный’ [Черных, т. 2, с. 229]. В языке представлен восточнославянский вариант с трансформаций дифтонгического сочетания -or- и закрепления на письме аканья.

Балаболить из **bolbol* отражает те же процессы, которые описаны выше. Как указывает П. Я. Черных, современное значение развилось значительно позже из ’трезвонить’, ’греметь’, ’звенеть’ [т. 1, с. 66], хотя

М. Фасмер возводит значение к ’заикаться’ [т. 1, с. 111-112]. По-видимому, от того же корня с помощью сложения образовано и *балагурить,* относящееся к праславянской эпохе, несмотря на то, что слово сохранилось лишь в восточнославянских языках [ЭССЯ, вып. 1, с. 145].

Лопотать, лепетать – форма с перегласовкой в корне, образованное по модели с суффиксом -ьтьъ-, -ътъ-, восходят к ономатопоэтическим корням **lep-/lop*- [Черных , т. 1, с. 490-491].

Болтать, по-видимому, современное слово в данной тематической группе. Как указывает Т. В. Шанская, значение развилось на базе фразеологизма *болтать языком* (двигать) в результате эллипсиса существительного [КЭСРЯ, с. 40].

В целом, среди лексем, обозначающих лингвофонации много ономатопов. Особенно богаты ими говоры, где вариативность, изменения экспрессивного плана является нормой в связи с отсутствием кодификации: *болдить* ’болтать’, *наталамбасить* ’наговорить всякой всячины’, *бухтеть* ’ворчать’, *гвалтовать* ’поднимать гвалт’, *горчеть* ’галдеть’, *бурундить* ’говорить невнятно’, *долдонить* ’повторять одно и тоже’, ~ *гудеть гудма* ’долго ныть, плакать’, *гундеть* ’говорить в нос’, *гундрить* ’хныкать’, *гундрявить* ’1. говорить в нос’, ’2. капризничать’, *бурчеть* 1. ’выражать недовольство беспрерывным говорением; ворчать, бурчать’, 2. ’издавать бурлящие звуки, урчать’ и многое др. [БТСДК, КСДГВО].

1.2.2.2 Ономатопы, обозначающие зоофонации (названия птиц, животных, насекомых и звуков, издаваемых живыми существами). Нами было замечено, что часть названий птиц восходит к ономатопее. По данным «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского 58% таких наименований являются звукоподражательными. По-видимому, в сознании наших предков птица как родовое понятие называлась «поющая», что вполне закономерно в связи с их некоторыми биологическими особенностями. Птицы, как правило, небольшого размера, очень подвижные и труднодоступные для изучения и рассмотрения, что, по-видимому, влияет на

выделение именно акустического признака. Лингвист М. В. Евстигнеева проанализировала внутреннюю форму наименований птиц в английском языке и пришла к выводу, что звучание – ведущий признак, положенный в основу номинации этих слов [1998, с. 5]. В русском языке акустический признак также является ведущим для данной тематической группы. Кроме данного признака большую роль играет цвет, форма и т. д. *Соловей*: несмотря на специфические фонации, присущие птице, которые находят своё отражение во фразеологии русского языка (*заливаться соловьём*, диал. *соловей на сосне*. О краснобае, говоруне), в литературе, фольклоре и т. д., в основе номинации слова лежит отнюдь не слуховая характеристика птицы, а зрительная. Оно образовано от праслав. *solvijь, производное от *solvъ «желтовато-серый» [Фасмер, т. 3, с. 711-712]. Диалектных названий *соловья* совсем мало: *горобец* ’соловей’ [СРНГ, 7, с. 54], от украинского названия воробья, что, по-видимому, связано со сходством данных птиц, принадлежаших к отряду воробьиных; *лозовик* ’соловей, живущий на иве’ [СРНГ, 17, с. 112], обозначение по месту обитания; *микитушка* ’о соловье’ [СРГК, 3, с. 239], образованного от имени собственного, мотив номинации неизвестен; то же можно сказать и о *чёбёдушка* ’соловей’ [БТСДК, с. 571]. Некоторые диалектные названия соловья всё же отражают акустическое восприятие объекта: *певун* ’соловей’ [СРГК, 4, с. 418], *бульбуль* ’соловей’ [СРНГ, 3, с. 274], является, по-видимому, звукоподражанием, хотя, на наш взгляд, этимология данной лексемы труднообъяснима. Таким образом, анализируемые названия соловья демонстрируют, что несмотря на очень явные акустические характеристики, мотив номинации не всегда это отражает.

Однако определённое количество обозначений птиц содержит характеристику фонаций, а, следовательно, эти лексемы является звукоподражательными. Поэтому названия: *сова, сыч, филин, грач, воробей, тетерев, удод, выпь, скворец, курица, перепел, журавль, коростель, стрепет* и мн. др., восходят к ономатопее. Но даже если крик птицы не примечателен,

иногда всё же учитывается акустическое восприятие существа. *Дятел:* многие сближают со словом *долбить* с большими фонетическими изменениями: (*dъlb- / *dentьlъ) [КЭСРЯ, с. 102]. На наш взгляд, наиболее вероятным является сближение с о.-с. **tenti* –'наносить удары', 'стучать', диал. *тять*'рубить лес'. Начальный согласный изменяется под воздействием *долбить* [Черных т. 1, с. 279-280] или в результате диссимиляции. Диалектные названия дятла: *долбик* 'дятел' [БТСДК, с. 136], а также другие наименования, мотивированные глаголом *долбить: долбенек, долбило, долбун* и мн.др. [СРНГ]; *колотилко* 'дятел' [СРНГ, 14, с. 179], связанное, безусловно, с *колотить*; производные от названия разновидности дятла – *желна*: *жальна, жальной, жельня, желонка* и т.д. [СРНГ], наименование по цвету. Как и предыдущие примеры, цветовую характеристику птицы отражают названия: *дегтярь* 'дятел' [СРНГ, 7, с. 328] и, видимо, как контаминация *дятел и дегтярь* − название *дягтель* [СРНГ, 8, с. 307]; *пчелинец* 'дятел желна, поедающий пчёл' [СРНГ, 33, с. 180], наименование отражает особенности поведения птицы; *клевец* 'дятел' [СРГК, 2, с. 362], связанное с глаголом *клевать.* Таким образом, мотив номинации большинства названий дятла связан с особенностями поведения птицы, а поскольку они сопряжены с определёнными фонациями, то обнаружение в данной группе слов ономатопа вполне закономерно.

Название *цапля* восходит к звукоподражанию *чап* – звуки при ходьбе. [ц] вместо [ч] появляется под влиянием цоканья [КЭСРЯ, с. 364-365]

Большинство наименований птиц содержит изображение ее фонаций.

Удод восходит к др.-русс. въдодъ, слово звукоизображает типичные крики птицы [Черных, т. 2, с. 284], ср. также чеш. и польск. *dudek.* Диалектные названия удода также отражают его характерные фонации: *боботушка* [СРНГ, 3, с. 37], *бобыка* [с. 39], *бубудун* [с. 234]. Одно из распространённых диалектных названий удода – *пустошка, пустушка* [БТСДК, с. 438], отражает не звуковую характеристику номинируемого объекта, а связана с особенностями физиологии птицы.

Щегол: можно сравнить с чеш. *štěhotati* ’щебетать’ явно звукоподражательного характера [Фасмер, т. 1, с. 498]. В слове выделяется суффикс -*ъл*- как в *дятел* и др., где гласный элемент форманта чередуется ъ/ь в связи с тем, что конечный корня заднеязычный.

Коростель, по мнению М. Фасмера и П. Я. Черных, отражает звукоподражание скрипучему крику птицы (самца) [Черных, т. 1, с. 432], [Фасмер, т. 2, с. 335]. Способность птицы издавать специфические фонации отражается и в диалектных ономатопоэтических образованиях, вроде: *крекаль* [СРНГ, 15, с. 208], *кречек* [с. 239], *кристель* [с. 260], *крякалка* [с. 365], *крякуха* [с. 368], *крячко* [с. 372] и т.д.

Воробей: П. Я. Черных возводит к звукоподражательному корню **zvorb* с непостоянным первым элементом. Ученый объясняет изменения в слове контаминацией или экспрессивным характером -z- [т. 1, с. 166], хотя большинство этимологов не упоминают об ономатопоэтическом происхождении названия, но и не дают полной этимологии, приводя лишь параллели в славянских языках: польск. *wróbel*, чеш. *vrabec* [КЭСРЯ, с. 67]. Форма с начальным -*z*-, на наш взгляд, вполне может быть звукоподражательной, изображающей звонкие фонации птицы.

Гагара: название птицы часто сравнивают с диал. *ревуха,* подчеркивая выделение именно акустического признака при номинации [Фасмер, т. 1, с. 380], [КЭСРЯ, с. 72]. В плане словообразовательном слово мотивируется звукоподражательным междометием *га-га* и суффиксом, придающим оттенок разговорного стиля (бычара, собачара, котяра и т.д.).

Скворец восходит к звукоподражательному глаголу *сверчать,* однокоренное образование – *сверчок.* Слово, в результате исторического развития, претерпевает ряд изменений: упрощение группы согласных *skv > *sv [Черных, т. 2, с. 168, 145], гласный в корне на различных ступенях чередования. Чередование е/о характерно для глаголов и отглагольных имен (бреду, брод). Об этом говорит С. Б. Бернштейн в своих рассуждениях о грамматических функциях чередований [Бернштейн, 1974, с. 40].

Тетерев образован с помощью редупликации *te-te, звукоподражательного характера. Для обозначения самки тетерева используется сравнительно новое слово *тетеря* [КЭСРЯ, с. 332].

Дрозд также ономатопоэтического происхождения, восходит к **trozd*, где начальный согласный изменяется в результате ассимиляции. В слове примечателен формант -zd-, носящий явно экспрессивный характер [КЭСРЯ, с. 99].

Сыч, сова – однокоренные образования, восходящие к звукоподражательному *сы-* [с. 312, 327]. Слова образованы с помощью различных суффиксов: в первом случае *-k- – очень продуктивного аффикса в области ономатопеи, который йотируется (данное слово относится к *jŏ склонению). Чередование -ы-/-ов- связано с изменениями в составе дифтонгического сочетания *-ou-, монофтонгизирующегося перед согласным или распадающегося на два звука перед гласным.

Грач в словообразовательном плане идентичен *сыч.* Звукоподражательное *гра-* и суффикс -k-. В. В. Иванов указывает на то, что данное слово собственно русское, но конечный согласный объясняет воздействием j [КЭСРЯ, с. 83].

Слово *выпь* большинство ученых не относит к звукоподражательным. Оно восходит к группе лексем*: вопить, вопль.* В этом случае происходит перенос с обозначения фонаций человека на крики птицы, напоминающие вопль. На наш взгляд, все перечисленные лексемы: *выпь, вопль, вопить* являются ономатопами, так как их значение, «специфически звучащее», не предлагает нам другого решения. Что касается гласной в корне, то здесь наблюдается чередование ъ//ы, поскольку древняя форма **ъpjŏ,* с более поздним протетическим в. В донских говорах, *выпь* называют *волчком*, что также отражает выделение специфического крика, похожего на вой волка.

Курица – собственно русское образование, восходящее к звукоподражательному *ку-* более древнего происхождения [КЭСРЯ, с. 174]. Словообразовательно мотивировано суффиксом женского рода *-ица*.

Название *петух*, также как и церковнославянизм *петел,* не являются звукоподражательными, но и они описательно отражают акустический признак птицы, поскольку данные лексемы мотивированы глаголом *петь*. Южнорусский вариант *кочет* носит звукоподражательный характер. Встречаются также следующие диалектные ономатопы, обозначающие петуха: *горухан* [СРНГ, 7, с. 72], *кикун* [13, с. 205], *клохтун* [с. 306], *когут* [14, с. 44], *кокодей* [с. 92], *кокот* [с. 99], *коч* [15, с. 122] и т.д.

Пигалица – звукоподражательное обозначение чибиса. Восходит к *пиголъ, пиг-* [КЭСРЯ, с. 249]. Как и в слове *курица*, выделяется суффикс -ица. По-видимому, данный аффикс характерен для более современных образований, как в двух указанных выше примерах.

Витютень также восходит к звукоподражанию [Фасмер, т. 1, с. 308], что характерно для обозначения голубей, хотя название *голубь* отражает зрительное восприятие птицы. В разговорной, детской, диалектной речи часто этот вид именуется по характерному для него воркованию: *гулюшка, гуркушечка*. Вызывает споры и этимология названия еще одного вида голубя – *горлица*. Здесь может быть двоякое объяснение. С одной стороны, именование может восходить к **gъrdlo* (по форме зоба), а с другой стороны, быть звукоподражательным, чего не исключает Макс Фасмер [т. 1, с. 441]. В диалектах птица обозначается как *горлушка*, и совсем отсутствуют ономатопоэтические эквиваленты. На наш взгляд, вопреки утверждению о том, что акустический признак объекта существеннее зрительного, в данном случае мотивом наименования являются не характерные фонации, а особенности строения птицы.

Галка – название также весьма спорное. Некоторые ученые возводят это наименование к слову *галъ* ’черный’ [КЭСРЯ, с. 73], другие – к ономатопее [Черных, т. 1, с. 179]. Диалектное обозначение птицы – *галя* отражает связь слова в народном сознании с именем Галина. Стаю галок называют *галь*, а крик этих птиц – *гай* [Фасмер, т. 1, с. 383]. Несмотря на существенность выделения и изображения фонаций, здесь возможно действие и

экстралингвистических факторов. Для того чтобы разобраться в этом явлении, можно сопоставить данную лексему с именованием *ворон*. По одной из версий, название восходит к ономатопее [Цыганенко, 1989, с. 68]. По другой версии, оно содержит «цветовую» характеристику, так как восходит к корню **-uer-* ’чёрный, жечь’ [Черных, т. 1, с. 166], [Преображенский, т. 1, с. 97]. Большинство учёных придерживается обозначенного мнения, но, по-видимому, проблема несколько шире и выходит за рамки лингвистики. В общем контексте выделения акустического признака для птиц, более существенным должен был оказаться специфичный и интенсивный крик воронов. Но разве могло прямо именоваться существо, которое вызывало мистический страх у славян и скандинавов, а может быть и у индоевропейцев в целом? Черный окрас оперения птицы, страшный, громкий крик, обитание на заброшенных территориях, кладбищах, пепелищах, преимущественное питание падалью и, как следствие, персонификация темных сил природы, что и отражает мифология многих народов. Все это могло явиться причиной эвфемизации. А поскольку галка похожа на ворона, то, возможно, и в данном случае имеем дело с аналогичным явлением.

Журавль восходит к древнерусскому жеравъ, изменение гласной, по видимому, связано с влиянием *журчать*, диал. *жулькать* [Черных, т. 1, с. 308, 309], что и характеризует издаваемый птицей крик. И.-е. форма **ger-* (звукоподражательная, для обозначения хриплого крика) [с. 309].

Перепел образован редупликацией древнего ономатопоэтического корня **pel-* и связан с изображением порхания, либо **per-* и характеризует перепелиный крик [Черных, т. 2, с. 21]. Фонетические изменения в редуплицированной форме объясняются межслоговой диссимиляцией.

Кречет: данное название А. Преображенский относит как однокоренное образование к *крик, *qr-, *kr-* [т. 1, с. 384].

Кулик также признается лексемой, ономатопоэтического происхождения [Преображенский, т. 1, с. 410], [КЭСРЯ, с. 173], [Фасмер, т. 2, с. 410-411].

В акте номинации той или иной птицы учитывается крик, ею издаваемый. Поэтому для именования этих существ характерна примарная мотивированность. Серьезные фонетические и морфологические процессы не всегда дают нам возможность увидеть тот изначальный звукообраз, внутреннюю форму слова. Как утверждает А. В. Гура, акустическая характеристика – один из важных компонентов общей картины животного мира, существующей в традиционном народном восприятии; даже отсутствие звуковой характеристики тоже значимо [1998, с. 95, 99]. Видимо, здесь действуют и другие факторы. Поэтому мы не можем сказать, что номинация любой звучащей реалии отражает именно этот признак. По лингвистическим или экстралингвистическим причинам это не всегда так.

К зоофонациям также относятся названия животных и насекомых, нередко содержащих их акустический образ. Однако ономатопов среди этих слов гораздо меньше, чем в названиях птиц. Для животных большую роль, по-видимому, играет зрительный образ. Поэтому внутренняя форма именований содержит цветовую характеристику существа, а также физиологические и поведенческие особенности. Описательность названий в отдельных случаях может быть связана с эвфемизацией (*медведь, вол*к). *Ящерица* – буквально ’скорый’ [КЭСРЯ, с. 392], *волк* – ’таскающий (домашний скот)’ [с. 65], однокоренное образование с *влечь, влачить*, *облако, наволочка, проволока, волокно* и т.д., *лиса* – ’желтоватая’ [с. 183], *крот* – ’подвижный’ [с. 169], *заяц* – ’прыгун’ [с. 117]. Осязательный образ реалии отражает название *ёж* – ’колющий’ [с. 103]. *Лягушка* восходит к ляга ’нога’, т.е. получает свое наименование по примечательным задним лапкам [с. 189]. Данное животное отличается своим характерным кваканьем, что отражается в его дополнительных наименованиях (ср. фольклорн., детское *квакушка* – оформление глагола *квакать* на -*ушк*-, диал. донское *турлушка*, мотивированное глаголом *турлучить* [БТСДК, с. 535], в словообразовательном плане идентично предыдущим лексемам). На примерах диалектных названий лягушек видим, что даже такие

примечательные и интенсивные фонации как кваканье не всегда ложатся в основу номинации. С одной стороны, часто встречаем ономатопоэтические наименования: *кряка, кавка, кваковка, кукушка, клоктуша, жижелюха* [СРНГ, 9, 12, 13, 16 и др.]. С другой стороны, в говорах существуют названия лягушек, отражающие незвуковое восприятие номинируемого объекта: *зеленак* (по цвету), *лягава, лягва, лягуха, лягур* (как и литературное название по примечательным задним лапкам), *веселуха* (субъективные представления), *водянка, балахта*, мотивированное *балахтать* (по месту обитания) и др. [СРНГ, 2, 4, 11, 17]. Последняя лексема, хотя и не отражает звуковой характеристики номинируемого объекта, но, возможно, является звукоподражанием. Примечательно наличие в говорах *еретик* [СРНГ, 9, с. 22] с данным значением, что, по-видимому, отражает отождествление всех земноводных (лягушек, ящериц и т.д.) с библейским проклятием змея.

О.И. Блинова в своих исследованиях по лексической мотивированности обратила внимание на то, что в составе названий животных представлена мотивировка звукоподражанием (*чушка* ’свинья’ от *чух-чух*), что невозможно среди названий бытовых предметов [1972, с. 101].

Примарная мотивированность характерна для следующих лексем, обозначающих животных и насекомых.

Свинья, по мнению Н.М. Шанского, звукоподражательное и очень древнее слово [КЭСРЯ, с. 298]. На современном этапе развития языка данный ономатоп совершенно не осознается как таковой, но есть показания на выделение именно акустического признака животного, например, название *хрюша* (детск.), мотивированное глаголом *хрюкать*.

Суслик назван по характеру издаваемого им звука, Н.М. Шанский возводит это слово к старославянскому сусати –’шипеть’ [с. 325].

Выхухоль некоторые ученые считают ономатопом [с. 71-72], другие отрицают звукоподражательное происхождение лексемы [Фасмер, т. 1, с. 273]. Сравнивая с чеш. *chuchati* ’дышать’, оба ученых делают различные выводы. Первый толкует название как подражание дыханию, характерному

для крысы, второй связывает это слово с запахом, издаваемым животным.

Кутенок – отмеждометное образование ономатопоэтического происхождения [Преображенский, т. 1, с. 421]. Название, по-видимому, связано со скулением маленького щенка, что особенно подчеркивает лабиализованный гласный [у] в междометии *кутьь-кутьь*. В венгерском языке видим kutya ’собака’, что подтверждает древность этого образования.

Неопределённая этимология у слова *сурок*. Являясь собственно русским образованием, восходит к тюркскому слову, которое, по мнению Н.М. Шанского, является ономатопоэтическим [КЭСРЯ, с. 325]. Таким образом, животное названо по его свисту [с. 325]. Звукообраз, положенный в основу номинации отражается и в его диалектном названии *свистун* [с. 325].

Такие обозначения насекомых, как *жужелица* , диал. *жужг* ’слепни, оводы’, диал. *жузга* ’кто постоянно жужжит’, *жук* мотивированы ономатопоэтическим глаголом *жужжать*. В других славянских языках видим обозначения жужжания насекомых: чеш. *střevlik* ’жужелица’, *bzučeni, bzukot* ’жужжание’, с.-х. *гундель* ’жук майский’, польск. *zool* ’жужелица’, *brzęczenie, bzykanie, buczenie, skrezeczenie* ’жужжание’, *chrząszcz, zuk* ’жук’ и т.д. Становится ясным, что для обозначения специфических фонаций насекомых наиболее подходящими звуками оказываются [ж], [з], [г] и их аналоги в славянских языках.

Конечно, далеко не все насекомые издают характерные звуки, но те из них, которым свойственны фонации, как правило, являются ономатопами. Например, в русском литературном языке существует название *медведка*. А в говорах ее называют *турлук*, по характерному скрежетанию: *турлук турлучить* [БТСДК, с. 535]. Жук-плавунец именуется как *бугай, бук,* а его фонации обозначаются как *букать* [с. 57, 59].

Группа однокоренных слов *бык, пчела* и более позднее *букашка* восходят к пракорню *-*вӣ*-/*-веи-/*-вои-* с расширителем -k- [Черных, т. 2, с. 86]. В древнерусском языке существовал глагол, который мотивировал

данные лексемы: бучати, быкъ, бъчела. С тем же значением выступает и лексема *мычать*, этимология которой сводится лишь к указанию на звукоподражательное происхождение [КЭСРЯ, с. 210], [Преображенский, т. 1, с. 576]. Возможно, *мычать* относится к указанной выше группе слов как однокоренное обазование с чередованиями: у//ы, связанного с меной акута и циркумфлекса в древнем дифтонге *ou/eu, а также чередованием м//б (блин из *млин, басурман из мусульманин) и б//м (мусор из *бусор) [КЭСРЯ, с. 41, 38, 30, 209]. Становится объяснимым это чередование и в условиях экспрессивной речи. Более вероятно, на наш взгляд, что мена произошла в более древнюю эпоху в результате экспрессивного изменения, имеющего и фонетическую основу, собственно звука мычания (бу-/му-). Артикуляционная близость [б], [м] могла очень рано сказаться на данном чередовании и обусловить его. Какое-то время мычати и бучати могли сосуществовать. Но поскольку язык стремится избавиться от синонимов-дублетов, то исчезает именно бучати, так как и здесь сказывается влияние звукоподражательного междометия *му-*.

Итак, в обозначении животных и насекомых меньше звукоподражаний по объективным причинам: большинство птиц характеризуется специфическими фонациями, а животные и насекомые не всегда обладают таковыми.

Что касается обозначения самих фонаций животных, то, по-видимому, большинство из них не сохранилось в литературном языке, но ими богаты говоры. Данные лексемы очень часто сохраняют звукообраз, который осознается носителями языка: *блеять, кудахтать, гагакать, клектать, курлыкать, кокотать, гавчить, гарчеть, голчить, турлучить, ворковать, гурковать* и мн. др.

Нередко глаголы, обозначающие собачий лай, другие звуки животных, переносятся и на речевую деятельность человека с отрицательной коннотацией: *лаять* ’1. о собаке’, ’2. перен. ругаться (о человеке)’, *гарчеть* (диал.)’1. рычать (о собаке)’, ’2. перен. говорить’, *квоктать* ’1. кудахтать (о

курах)’, ’2. перен. ворчать’ [БТСДК, 239 и др.].

1.2.2.3 Ономатопы, обозначающие антропофонации. В данную группу можно отнести слова, обозначающие не собственно процесс говорения, а иную деятельность речевого аппарата, смежную с ним: *хохотать, кричать, кликать, вопить, кашлять, икать, рыгать, блевать, харкать, бухать, глыкать, мняка, чмокать, чихать, хрипеть, храпеть, чавкать, жрать, сморкаться, шмыгать* и под., а также эмоциональные выкрики человека, звуки, связанные с изменением положения тела, работой человека, непроизвольные телесные звуки: *топот, шаркать, царапать, шлёп, бом, хлоп, тук* и т.д.

Хохотать, хохот, обозначающие не столько речевое действие, сколько выражение эмоционального состояния. Образованы лексемы с помощью древней редупликации *cho-cho. Начальную фонему нельзя объяснить никак иначе ономатопеи [Бошкович, 1984, с. 98]. Как экспрессивные и семантические варианты сюда же можно отнести: *хихикать, гоготать*.

Топать, топот обозначает звук от удара ногой по земле. *Топот* восходит к *тъпътъ,* образованного по модели на -тъ, как *лепет, ропот, рокот, стрекот* и под.

Данная лексика звукоподражательная, а многие глаголы этой группы мотивированы звукоподражательными междометиями (*шлёп, тук, хлоп, бом, топ* и под).

Шлепать, по-видимому, связан с *хлопать* с экспрессивным смягчением, но Н. М. Шанский считает данный ономатоп самостоятельным словом [КЭСРЯ, с. 382]. *Стучать, стук, тук-тук, тюкать*, по-видимому, с экспрессивным смягчением [т]. Как думается, формант с – представляет собой не префикс, а *S-mobile*, так как в одном и том же языке встречаются формы как с древним s, так и без него [Семереньи, 1980, с. 108], [Откупщиков, 1967, с. 164].

Хлестать обозначает звук от удара кнута, плети, с расширителем -st- [Черных, т. 2, с. 342].

Хлопать, хлопок, хлопотать, а также *хлопок* и *хлопья* относятся к данной тематической группе. Что касается развития семантики слова «хлопок»: «бить» > «то, что отбито» [КЭСРЯ, с. 360].

Колотить – звукоподражательная лексема, восходящая к праслав. корню **kol-* [с. 157]. От того же корня, но с редупликацией образовано *колокол* (ст.- слав. клаколъ) <**kolkol-* [Черных, т. 1, с. 413]. *Звизнуть* ’сильно ударить’ [Фасмер, т. 2, с. 87], по-видимому, для обозначения громкого звонкого звука от удара.

Однокоренные образования: *звон, звенеть, звякать, звук* своим фонемным составом передают звенящий звук. Как указывает Н.М. Шанский, первоначальная форма этих слов была на s-, но под влиянием *звать, зову* изменилось на z- [КЭСРЯ, с. 118], возможно, данные фонетические трансформации связаны с экспрессивностью лексем. Семантика слов влияет на их звуковую оболочку в связи с прагматической направленностью языка. Глухой [s], по-видимому, меньше подходил для передачи звона, поэтому на славянской почве изменился на звонкий парный согласный. Что касается фонетических изменений уже внутри самой группы родственных слов, то они связаны с процессами в дифтонгическом сочетании с носовым и с различной суффиксацией.

Еще одна группа родственных слов: *бренчать, брякать, бряцать,* отражает те же фонетические процессы в области вокализма, что и перечисленные выше. Образование *брякнуть* совершенного вида и *брякнуть* несов. вида ’набухать, расширяться от сырости’ – обозначение звука стука, удара и разбухания [ЭССЯ, 3, с. 22-24]. То же мы видим и в развитии семантики слов *брюзжать, брюзгнуть*, где идея звонкого звука связана с процессом набухания, сюда же можно отнести и *бухать, набухать* [КЭСРЯ, с. 45].

Брякать, бряцать, бренчать образованы с помощью суффикса -k- но с разными рефлексами. k>ц в результате III палатализации, а k>ч под

воздействием э. В семантическом и словообразовательном планах *брякать* и *бряцать* тождественны, в стилистическом отношении последний вариант − старославянизм. В условиях экспрессивной речи возможно явление, когда сосуществуют две формы слова, одна из которых представляет собой вариант без палатализации суффиксального элемента, а другая - с палатализацией.

1.2.2.4 Ономатопы, обозначающие натурофонации: звуки природных явлений, неживой природы, водных объектов и т.д. Группа ономатопов включает различные подгруппы.

Лексика, обозначающая движение воды, жидкости. Идея движения воды, на наш взгляд, также является очень «звучащей» темой. В связи с этим можно предположить большое количество ономатопов. Вода издревле считалась символом жизни, а ее изобилие – залогом нормального, сытого существования. Все поселения основывались рядом с каким-либо водным объектом. К воде прислушивались, особенно, если приходилось заниматься рыболовством и постоянными бытовыми нуждами, связанными с водными объектами. Славяне всегда жили в окружении рек: Днепра, Днестра, Вислы, части Дуная, Эльбы (Лабы) и мн. др. [Селищев, 1941, с. 4, 5, 19 и др.]. Поэтому, как утверждает Ю.В. Монич, «чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с определенной реалией, тем интенсивнее вычленяются из этой реалии опознавательные признаки» [1998, с. 99]. А поскольку вода – это «звучащий» объект, то и вероятность выделения акустического признака высока.

Ономатопы, отражающие движение воды, часто связаны с рыбной ловлей, стиркой, приготовлением пищи и пр., хотя есть и более «абстрактные» понятия, например, *ключ, журчать*. Нередко ономатопы с подобным значением могут входить в тематическую группу антропофонов, поскольку связаны и с деятельностью человека, в связи с чем отмечается синкретичность данного явления.

Бóтать ’ударять по воде шестом при загоне рыбы в сеть, тяжело

стучать’, *бот, ботало* ’шест с трубчатым наконечником для загона рыбы’, *боталы* ’большие сапоги’ [Преображенский, т. 1, с. 39]. Несмотря на то, что данная лексема не характеризует собственно движение воды, а связана с обозначением удара, нам кажется более существенным ситуация номинации и развитие слова от обозначения самого действия (*ботать*) к обозначению орудия действия (*бот*, образованного с помощью нулевой суффиксации, *ботало* с формантом -ало-, являющегося, по-видимому, экспрессивным вариантом древнего суффикса -ьло-) и к обозначению обуви, наиболее подходящей для данного вида деятельности.

Буркнуть ’звук от падения твердого тела в воду’ [с. 54] и производное *буркалы* ’выпученные глаза’. Глагол образован с суффиксом -ну- для обозначения мгновенного действия. Непонятно, связана ли данная лексема с глаголом речевой деятельности *буркать, буркнуть*? Т.В. Шанская вторую лексему относит к тому же корню, что и *бормотать*, а также указывает на *бурлак*, как производное от *буркать* [КЭСРЯ, с. 49], со сложными семантическими изменениями: «крикун, шумный человек > шатун, бродяга > крестьянин, идущий на заработки > бурлак» [с. 49]. На наш взгляд, *бурлак* мотивирован глаголом *буркнуть* в первом значении, и наблюдается следующая модель развития значения: «звук, связанный с водным объектом > человек, работающий в воде…».

Что касается лексемы *буркалы*, то это метафорическое сравнение с водными пузырями [Преображенский, т. 1, с. 54].

Ключ, клюкать – лексемы, обозначающие движение воды. *Клюкать* – звук движения воды в горле во время приема жидкой пищи, питья, на это указывает [к] заднеязычного образования, как бы имитируя работу гортани. *Ключ* по своей семантике связан с обозначением звука от удара [КЭСРЯ, с. 151-152].

Журчать сравнительно позднее образование на базе диал. *гуркать* [КЭСРЯ, с. 111]. Чередование г//ж, как думается, связано с экспрессивной меной по аналогии с распространенным чередованием, вызванным первой

палатализацией и йотацией. Данная лексема оказалась подходящей для образования новых переносных значений: *журчать* как глагол речи, а также для метафорического обозначения крика журавля и т.д.

Бразгаться (диал.), *брязгаться* (волог.), *браздаться*, *брызгать* относится к однокорневой группе с чередованиями гласных элементов и расширителей [ЭССЯ, 3, с. 11].

Плескать образовано от звукоподражания *пле* [КЭСРЯ, с. 252].

Бурлить'звук от движения кипящей воды' [Преображенский, т. 1, с. 54].

Булькать мотивировано ономатопом *буль*, образовано по типичной словообразовательной модели с суффиксом -к- [КЭСРЯ, с. 48].

Болтыхать образовано от *болтать*. В глаголе-мотиваторе значение 'приводить в движение' относится не только к жидкости, а в производном от него слове звукообраз связан именно с водой.

Балахтать 'выливать, полоскать', М. Фасмер возводит также к *болтать* с расширением [т. 1, с. 114]. Может быть, изменение *болтать* связано с влиянием *барахтать(ся)* в условия экспрессивной речи.

Куликать 'пить (о пьяницах)' [Преображенский, т. 1, с. 410]. Возможно, также, как и в *клюкать*, изображает переливание жидкости в горле и звук при заглатывании.

Таким образом, лексемы, которые обозначают движение воды, сами водные объекты, приспособления для ловли рыбы и т.д., часто оказываются звукоподражательными.

Лексика, обозначающая явления природы, интенсивный шум.

Греметь, *гром* соотносится к и.-е. **ghrem*-(*:*ghrom*-) [Черных, т. 1, с. 215]. Несмотря на свою древность, слово до сих пор осознается как звукоподражательное за счет звукосочетания [гр], что не раз применялось в поэтическом тексте в звукописи.

Грохот образован также, как и *топот, лепет* и под. Восходит к ономатопу *грох* [КЭСРЯ, с. 84]. Наблюдается перенос значения с 'сильный шум' > 'громкий смех': *грохотать*.

Громыхать, по-видимому, является экспрессивным образованием на -ых от *гром, греметь*.

Гудеть, может быть, *гул* (*gudl → *gul) с различными суффиксами от звукоподражательного *гу*- [КЭСРЯ, с. 86].

Гайгакать ’завывать (о буре)’ [Фасмер, т. 1, с. 383], изображается сильный звук посредством редупликации звукосочетания с заднеязычным [г].

1.2.2.5 Ономатопы обозначающие технофонации. В данную группу входят лексемы, обозначающие звуки механизмов, механических предметов, техники и т.д., а также звуки производства, сигналов, оружия и др.: *пи-бип, грохот* ’устройство для просеивания через решето сыпучих материалов…’ [МАС, т. 1, с. 350], *чихать* 2. ’издавать резкие прерывистые звуки при неравномерной работе (о моторах, механизмах)’ [МАС, т. 4, с. 682], *тарахтеть* и т.д.

Жужелица ’шлак от расплавленного металла’ М. Фасмер относит к *жужжать*, так как металлические шлаки шипят и издают треск [т. 2, с. 64].

Драндулет: это слово, имеющее значение "старая, разбитая повозка", возникло на базе заимствования из польского языка, где drynduta означает "наемная повозка, извозчик" и восходит к звукоподражательному общеславянскому глаголу dryndati – "трястись при езде" [Крылов, с. 62].

Данная классификация представляет собой обзор тематических групп, среди которых наиболее часто встречаются ономатопы. Выделение тематических групп доказывает достаточную распространенность явления в языке, что является доводом в пользу признания его языкового статуса.

Выводы

1. Обращение к истории возникновения термина и его изучению позволило нам определить статус ономатопеи как специфического языкового явления, поддающегося тематической, семантической, словообразовательной, функциональной и иным классификациям. Кроме того, этимологический анализ позволил обнаружить большое количество ономатопов, которые утратили свой первоначальный

звукообраз, что свидетельствует о более широкой представленности данного явления в языке, чем это принято считать. Подобные факты позволяют пересмотреть некоторый теоретический аспект, касающийся ономатопеи, такой, как её частеречный статус. Вопрос о частеречном статусе ономатопеи, на наш взгляд, неизбежен, поскольку самоё языковое явление неоднозначное и специфическое. Априори в языке существует примарная мотивированность языкового знака. Ономатопея, являясь проявлением такой мотивированности, неизбежно ставит вопрос о своём определении. С одной стороны, в языке функционируют примарно мотивированные единицы, но они намного шире понятия «звукоподражания». С другой стороны, постоянный процесс лексикализации ономатопов затрудняет их выделение среди других единиц, зачастую требуя этимологического анализа. Таким образом, понятие «звукоподражание», которое может быть определенно как отдельная часть речи – это лишь малая часть примарно мотивированных единиц.

2. Ономатопея русского языка представляет собой широкий пласт лексики, которая классифицируется по тематическим группам. Нами выделено 5 групп, которые связаны с обозначением фонаций (или их производных).
3. Все ономатопы как примарно мотивированные образования содержат звукообраз, который может быть затемнён и обнаруживается только при этимологическом анализе. Мы выделили четыре группы ономатопов по степени проявления звукообраза.

Первая группа содержит лексемы, объединяемые в особую часть речи, если таковая признаётся, или в один из разрядов междометий: *кукареку, хи-хи-хи, мням-мням, ква-ква, ам* и др.

Вторая группа лексем мотивирована единицами первой группы: *каркать, хрюкать, хрюша, квакать, кукушка, цапнуть, стукнуть* и т.п. Здесь еще жив звукообраз, но слова приобретают семантику,

происходит процесс лексикализации.

В третьей группе ономатопы осознаются как таковые носителями языка лишь на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности: *дребежать* (*др-*, *-зж*), *брызгать* (*бр-*, *-зг-*), *балаболить* (*бал-*/*бол-*), *тараторить* (*тар-*/*тор-*), а также *шуршать, греметь, драндулет* и др. Их ономатопоэтический потенциал может реализоваться лишь в контекстном употреблении, в художественном, чаще всего в поэтическом тексте.

Четвертая группа звукоподражательных слов утратила свой первоначальный образ окончательно: *скала, щель, клёст, синица, прапорщик, черта, чепец, вкрапление, аляповатый*.

Глава II. Структурно-словообразовательные и лексические особенности русских ономатопов

2.1. Структура русского ономатопа

Русский ономатоп маркирован в потоке речи и выделяется своей структурой, фонетическим содержанием и синтаксической функцией.

По своей структуре ядро, или корень, ономатопа может представлять собой эмоциональное или императивное междометия, усечённую форму глагола или само звукоподражание, выделение которого из класса междометий достаточно проблематично. Например, в книге В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» автор в класс междометий как один из семантико-грамматических разрядов включает звукоподражательные восклицания (*Бац! Хлоп!*) и междометные глагольные формы [1947, с. 750-753], хотя на этот счёт существуют и другие точки зрения [Германович, 1966] и др.

Современное русское звукоподражание очень часто представляет собой сплошной корень, в диахроническом аспекте иногда включающее древние аффиксы. Структура корня отличается слабым вокализмом и, как следствие, односложностью (*чмок, трах, бац, клац, хрю, гав, шмыг, тьфу, хлоп, мням, ам* и т. д. Многосложная структура появляется часто за счёт редупликации, иногда с чередованием вокализма (*дин-дон, хи-хи, хрю-хрю, цып-цып, топ-топ, кар-кар, бим-бам, пиф-паф* и др.).

Как правило, ядро ономатопоэтического русского литературного слова, в отличие от диалектного, неизменяемо и постоянно. Исключение составляют фонетически обусловленные чередования.

Наиболее широкая и общая структурная формула современного звукоподражания совпадает с формулами типов слогов. Наиболее распространённая структура ономатопа четырёхкомпонентна с одним гласным и сонорным или в (*чмок, шмыг, хлоп*, *хвать, щёлк, юрк, трах, чирк, хлёб, брень-брень, трень, дзинь* и др.). Часто эта формула применима для

звукоподражаний, описывающих фонации неживой природы и звукоизобразительных слов (идеофонов).

Для обозначения некоторых специфических звучаний используются иные структуры. Для передачи фонаций птиц могут использоваться многосложные образования (*курлы, чирик, кукареку, кудкуда* и др.).

В составе звукоподражательных слов могут сочетаться такие элементы, которые абсолютно не характерны для русского языка. Например, сочетание двух заднеязычных в одном слоге (*кхе-кхе*), удвоение шипящего (*жужжать*), сочетания типа [дз'], [ф] в русских словах (*фуфайка, фуфыриться*), повторяющиеся [у], [ы] в пределах одного слова (*сюсюкать, шушукаться, чулюкать, тыры-пыры*).

Процесс интеграции звукоподражаний в систему лексических единиц – это процесс лексикализации [Чиронов, 2004, с. 10]. Обозначения фонаций животных или, например, птиц обрастает формантами и начинает функционировать как глагол: *чулюк - чулюкать, кар - каркать* и мн. др. Процесс лексикализации происходит, как правило, по модели: корень + суфф. *-ка-*; корень *-к* + суфф. *-а-*. И далее этот процесс идёт по существующим в языке моделям (*мяукать – мяуканье, чихать – чихание, кхекать – кхекание*). Именно здесь начинается область трудностей: определение и выделение звукоподражаний, уже интегрированных в систему языка. Этот процесс может быть достаточно глубоким, когда отдельные звукоподражания образуют целые деривационные семьи, включающие даже термины: *кап, капать, капля, капель, каплевидный*. Или такие лингвистические термины: *аканье, оканье, яканье, цоканье, чоканье* и т.д.

2.1.1. Суффикс *-к-* в составе ономатопов русского языка.

Данный формант обнаруживается в составе многих ономатопов. В русском языке он может быть представлен суффиксом глаголов *-к-* (*мяукать, хрюкать, шушукать, хныкать, каркать, крякать, квакать, рявкать, тявкать, хрумкать* и т.д.); суффиксом глаголов и существительных, который

прошёл процесс переразложения, и осознаваемого как часть корня (*рыкать, рычать, звучать, бык, жук, рык*), где изменения к//ч связаны с палатализацией. П. Я. Черных указывает на то, что глаголы и некоторые существительные с формантами -*к-*, -*ч-* в русском языке главным образом звукоподражательные [т. 1, с. 125]. Это, безусловно, подтверждается множеством примеров. В лексемах *аукать, балакать, булькать, бурчать, ворчать, журчать, звякать, фыркать, фырчать, тюлюлюкать, дзинькать, хрумкать, хныкать, шушукаться, рявкать, чавкать, грач, хрыч* и пр. - выделяется формант -*k-, обозначаемый в этимологических словарях как расширитель. Достаточное количество примеров говорит о существовании словообразовательной модели, характерной для данного типа лексем, а также о её распространении. Данная модель обнаруживается у глаголов и существительных, что указывает на особую роль звука в оформлении ономатопов.

Рассмотрим словообразовательную модель: звукоподражательный корень междометного характера + суффикс -*к-* + глагольное окончание. По-видимому, она достаточно продуктивна и экспрессивно-эмоционально окрашена. Звукоподражания как часть речи очень выразительны, поскольку их значение мотивировано звучанием. Деривация по определенной модели и наличие живой внутренней формы сохраняет эмоциональную окрашенность лексем. Но на ряду с этой моделью, есть ещё и такие: *плюх-а-ться, хлоп-а-ть*. Использование глагольных суффиксов зависит ещё и от удобства/ неудобства произношения. Формант -*к-* присоединяется к корню, оканчивающемуся на гласный, сонорный или в.

По-видимому, ту же роль играл формант и в более древнюю эпоху. У существительных *бык, грач, звук, рык, хрыч* также выделяется -*k- как расширитель звукоподражательных корней. Возможно, выбор этого форманта также обусловлен существованием древней словообразовательной модели.

Таким образом, эта древняя модель со старым -*k-, пережив

переразложение и потеряв свою продуктивность, восполнила себя с помощью современного суффикса *-к-* с теми же функциями.

2.1.2. Суффикс *-ну-* в глаголах звукоподражательного характера.

В русском языке глаголы с суффиксом *-ну-* (перфективным) имеют значение «однократно совершить действие», мотивируются глаголами несовершенного вида, в отличие от глаголов с -ну- (имперфективным), мотивированными прилагательными [Грамматика СРЛЯ, 1970, с. 244, 246].

Первый формант очень продуктивен, а в условиях экспрессивной речи - особенно. На это указывают образования вроде *махнуть - махануть, стукнуть - стуканут*ь и под.

Что касается истории этого суффикса, то Ю. Откупщиков отмечает древность перфективных глаголов, хотя и сохранивших свою продуктивность в современном языке (*рванут*ь, *лизнуть* и т.д.). Обычно соответствующие простые глаголы образуют причастия прошедшего времени не с помощью суффикса -т-, а с помощью *-н-* (*рван-, кусан-, мазан-, лизан-*) [1967, с. 102].

Большинство ономатопов образуют совершенный вид с *-ну-*. Для этих глаголов – это основная модель перфективации (*хлопать - хлопнуть, хлебать - хлебнуть, топать - топнуть, шептать - шепнуть, болтать - болтнуть, царапать - царапнуть*). Очень часто также совершенный вид образует с суффиксом *-ну-* глаголы несовершенного вида с формантом *-к-* (как древним, так и современным): *аукать - аукнуть, брякать - брякнуть, буркать - буркнуть, гаркать - гаркнуть, щёлкать - щёлкнуть, чокаться - чокнуться.* Для этих глаголов перфективация суффиксальным способом возможна только по этой модели. Но такие пары не являются собственно видовыми, поскольку появляется новый оттенок значения – «однократность», «мгновенность».

Высокую сочетаемость этого форманта с ономатопами можно объяснить по-разному.

1. Распространенностью и продуктивностью данного суффикса.

2. Семантической сочетаемостью звукоподражательных глагольных основ с формантом -ну-. Как известно перфективные формы с данным суффиксом имеют значение однократности, следовательно, глаголы-мотиваторы имперфективные должны обозначать действие, состоящее из нескольких однородных актов [Грамматика СРЛЯ, 1970, с. 246].

3. Экспрессивно-эмоциональной окраской суффикса (для варианта *-ану-* (*-а-* + *-ну-*) (*долбануть, щелкануть, болтануть*).

Но не все глаголы ономатопоэтического происхождения образуют совершенный вид с помощью указанного форманта: *балаболить, тараторить, блеять, лаять, вопить, рыдать, журчать* и др. Это может быть связано, как со словообразовательными трудностями, так и с семантической несовместимостью основы и суффикса. Некоторые из указанных лексем имеют значение «долго, нудно, без остановки производить действия». Это проявляется часто в отношении глаголов говорения на коннотативном уровне. Для этих лексем есть формальный показатель несочетаемости с суффиксом -ну- – это редупликация. Такие экспрессивные образования вроде: *тараторить, балаболить, глаголить, балабонить, белебенить, долдонить* – не присоединяют перфективный суффикс. И в этом случае можно говорить о ряде причин.

1. Редуплицированные основы, как правило, многосложные, а это создаёт словообразовательные трудности.

2. Касательно всех лексем, суффикс *-ну-* не присоединяется к основам на [j], гласный и [н]: *блеять, лаять* и др.

3. Это может быть обусловлено и грамматико-семантическими особенностями данной группы слов в историческом аспекте. С одной стороны, редупликация в ономатопах нередка [Кочергина, 1979, с. 128] и отвечает прагматическим свойствам языка, так как придает экспрессивность и эмоциональность лексеме. Но редупликация явление и грамматическое, используемое для формообразования и характерное для различных языков [Кочергина, 1979, с. 128], [Широков, 1985, с. 205]. Например, в русском

языке повтор одной и той же глагольной формы подчеркивает продолжительность протекания действия: *смотрел - смотрел, пишем - пишем, делали - делали* и др. [Кочергина, 1979, с. 128]. Возможно, что современные слова, образованные когда-то с помощью редупликации, и отражают в своем значении древний грамматический смысл повтора.

Звукоподражательные глаголы в своем большинстве, обозначая фонации человека, животного или объекта неживой природы, образуют совершенный вид с *-ну-*. Это может говорить о том, что звучание как процесс в сознании человека разделен на отдельные этапы, а потому становится возможным выделить его однократное осуществление. Учитывая древность форманта, на наш взгляд, можно говорить о словообразовательной модели для глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну-* [Махиня, 2004, с. 145-146].

2.1.3. Суффиксальные элементы в ономатопах

В этимологической практике существует большая проблема выделения суффиксального элемента. «…Многие из и.-е. корней содержат элементы, которые первоначально были суффиксальными. Затем данные элементы входят в состав корня, от которого образуются новые суффиксальные производные. Этот процесс при развитии языка постоянно повторяется, причём иногда уже невозможно выделить древние морфемы, сросшиеся с корнем» [Откупщиков, 1967, с. 107].

Свою большую способность производить новые лексемы обнаруживают и звукоподражательные основы в синхронном аспекте: *кап, капать, капля, капелька, каплевидный* и др. Этот же процесс наблюдается и с точки зрения диахронии: *кропотливый* от *кропот* с суффиксом *-лив-*, а *кропот* от ономатопа *кроп* с суффиксом *-от-* [КЭСРЯ, с. 169], *кречет* от крекъ с суффиксом *-етъ*, а также выделяется суффикс *-къ*, где основа *кре-* [с. 168]. *Бормотать* образовано от существительного *бърбътъ* с суффиксом *–ътъ-*, восходящего к древнему звукоподражанию *бърбъ* [с. 41] и др. В связи со способностью ономатопов производить новые лексемы проблема выделения древних морфем также актуальна. На основе сравнения ономатопов нами

выделено несколько наиболее типичных суффиксальных элементов, переживших процесс переразложения. Такие древние аффиксы принято называть расширителями. Помимо расширителя -*k- в составе ономатопеи, обнаруживается еще несколько древних морфем, участвующих в образовании производных лексем звукоподражательного характера.

Существительные, мотивированные ономатопоэтической первообразной основой, часто оформляются с помощью темы *-ътъ, -ьтъ*: *топот, шёпот, трепет, ропот, щебет.* Существует также переогласовка в суффиксе: ъ//о, ь//е (*-et-/-ьt-, *-ot-/-ъt-) *грохот, рокот, гогот, клекот, кропот, лепет* и под.

В глаголах ономатопоэтического происхождения встречается расширитель *-ых-*, обозначаемый Т.В. Шанской как междометно-усилительный суффикс: *бултыхать, громыхать* [КЭСРЯ, с. 48]. В связи с экспрессивностью данного элемента лексема, производная от первообразной ономатопоэтической основы, не теряет свой звукоподражательный потенциал (как в примере: *кап - каплевидный*), а становится выразительной и используется в разговорной, насыщенной экспрессией речи.

Наиболее выразительным является элемент *-зг-*, участвующий в оформлении некоторых ономатопов. Звонкий свистящий [з] в состав суффикса позволяет выразить дребезжащий, звенящий звук. Потому элемент обнаруживается в ономатопах, обозначающих фонации водных объектов, звон, визг и под.: *брызгать, брызги,* восходящие к ономатопеи *бры* [КЭСРЯ:, с. 45], *брюзга, брюзжать* от *брю* с элементом -згъ [с. 46], *дрязги* от **dhren-* с згъ на славянской почве [Черных, т. 1, с. 271]. *Дребезжать, вдребезги*: наблюдается процесс переосмысления незвукоподражательной по своему происхождению лексемы как ономатопа за счёт экспрессивного расширителя. *Визг* также обнаруживает данный расширитель, а звукоподражательной основой является элемент *ви* [КЭСРЯ, с. 59]. *Верезжать* от *верезг* с этим же формантом с корнем как в *ворчать, ворковать,* но с переогласовкой в корне [с. 55].

Элемент -зг- имеет свой глухой вариант, в лексемах: *прыскать*, *прыщ,*

верещать от *вереск* представлен -ск-, тоже являющийся формантом, позволяющим частично восполнить утерянный в процессе лексикализации звукообраз [КЭСРЯ, с. 56, 247].

Существуют параллельные образования вроде: *брязгаться, бразгаться* и *браздаться* с чередованием -zg-: -zd- [ЭССЯ, 3, с. 11]. *Дрозд* имеет расширитель -здъ- [КЭСРЯ, с. 99]. Чередование суффиксов, возможно, объясняется условиями речевой ситуации. В основном они происходят в диалектной среде, наиболее вариативной, экспрессивной и спонтанной. Во многом здесь проявляется ономатопоэтический потенциал как отдельных звуков, так и суффиксов. Форманты -зг-, -зд- очень экспрессивны, они переоформляют основу как звукоподражательную, даже если осознание этого носителями языка утеряно. К данному типу расширителей относятся -ст- в *свист, свищ, свиристель* [КЭСРЯ, с. 298], диал. *хвистеть, хвастать* от *хва* с суффиксом -ст- [с. 359] и *хлестать* [Черных, т.2, с. 342].

Часто ономатопоэтические основы оформляются на -х-, в таких словах, как: *пух, пухнуть, пыхать, пыхтеть* с суффиксом -х- [с. 276, 277].

Некоторые слова вызывают затруднения в области их происхождения из-за нетипичных суффиксальных, по-видимому, элементов. *Барахтаться:* М. Фасмер вслед за А. Шахматовым возводит к *бороться* с весьма странным расширителем [т. 1, с. 124]. Т.В. Шанская связывает со звукоподражательным *барах* с суффиксом -та- как *кудахтать* – от *кудах, квохтать* – от *квох, тарахтеть* – от *тарах* и под. Ученый отвергает сближение с *бороться* по семантико-словообразовательным причинам [КЭСРЯ, с. 29]. *Балахтать* ’выливать, полоскать’ М. Фасмер связывает с *болтать* с необычным расширителем [т. 1, с. 114]. В лексеме *сморкаться* выделяют формант -к- из о.-с. **smъrkati*, но в диалектах слово встречается с элементом -г- – *сморгать*. По-видимому, экспрессивность речевой ситуации делает заднеязычный суффикс неустойчивым [Черных, т. 2, с. 180]. *Кряхтеть* восходит к *кректати* [КЭСРЯ, с. 171], где также наблюдается чередование корневого, как указывают авторы словаря, элемента [с. 171].

Оформление звукоподражаний на заднеязычный и их взаимозаменяемость свидетельствует о большом ономатопоэтическом потенциале данных звуков.

Расширители в звукоподражаниях используются для создания звукового образа. Рассмотрим, каким образом это происходит.

Как указывает И. Н. Горелов, первообразные звукоподражательные корни, идеофоны, междометия еще не вполне слова, так как используются изолированно, вне синтаксической связи в потоке речи. Эти знаки языка еще не вполне вербальны. Их становление словом происходит за счет обрастания аффиксами. Но чем больше аффиксов, тем меньше эмоциональности и выразительности [1991, с. 43]. Однако человеку необходимо сохранить ту связь между словом и действительностью, которая была изначально заложена в ономатопоэтическом корне. Для этого суффикс должен соответствовать той идее, которую выражает основа. Потому для передачи звонкого, дребезжащего, звенящего звука используются свистящие: -зг-, -зд- и др. (*жужжать* и *жузгъ* [КЭСРЯ, с. 111], *визг, браздаться* и т.д.); для передачи треска -ст- (*хруст, хворост*), а также глухой свист, другую фонацию (*верещать* с -ск-, *свист* и под.). Некоторые ономатопы, обозначающие глухой звук, оформляются на -пъ- (*хрупкий, храпеть, хрипеть*) [с. 364] и большинство глаголов звучания – на *-к-* [Махиня, 2004: 15-19].

Расширители и суффиксальные элементы стремятся восполнить тот звукоэффект, который был утерян основой в процессе лексикализации.

2.2. Ономатопоэтический потенциал некоторых фонем русского языка

О значении отдельных фонем не раз поднимался вопрос в лингвистической литературе. Идеи фонетического значения (А. П. Журавлёв, В. В. Левицкий), предполагающие «неслучайный» фонемный состав слов, обозначающих незвуковую реалию. Понятие фонестемы (О. С. Ахманова), т. е. повторяющееся сочетание звуков, подобное морфеме в том смысле, что с

ним более или менее отчётливо ассоциируется некоторое содержание или значение, но отличающееся от морфемы полным отсутствием морфологизации остальной части словоформы [Ахманова, 1969, с. 496]. В процессе анализа ономатопов собранный нами материал показал, что слова со схожими значениями нередко оформлены с определённой фонемой или их сочетанием. В связи с этим, мы предполагаем, что некоторые фонемы русского языка в составе ономатопов, находящиеся преимущественно в начальной позиции, обладают ассоциативно-семантическим звукоэффектом, ономатопоэтическим потенциалом. Участие отдельной фонемы в оформлении ономатопа не может быть значимым в семантическом плане, но значимо с точки зрения создания звукообраза. Поэтому ономатопоэтический потенциал – это ассоциативно-семантический звукоэффект, формирующийся на базе некоторых дифференциальных признаков фонем, который ассоциативно связывает звучание реалии и его воспроизведение в речи.

2.2.1 Ономатопоэтический потенциал фонемы <**Х**>.

Собранный нами материал показал, что ономатопы со схожими значениями нередко оформлены с определённой фонемой или их сочетанием. При этом наиболее значимой и сильной позицией является начало слова. Как было замечено, именно первая фонема обладает определённой значимостью. Некоторые начальные фонемы участвуют в оформлении ономатопов определённых тематических групп. Именно этот факт позволяет нам говорить об ономатопоэтическом потенциале, который может выражаться только в составе ономатопа, что принципиально отличает нашу концепцию от теории звукосимволизма. Кроме того, ономатопоэтический потенциал той или иной фонемы не имеет ничего общего с фонетическим значением, поскольку его не выражает. Как уже было замечено, отдельные фонемы более частотны для ономатопов некоторых тематических групп. <**Б>** распространён среди слов, обозначающих речевую деятельность человека (*бормотать, бубнить,*

балаболить и т. д.), а также среди слов, обозначающий удар (*бухать, диал. ботать* ’ударять по воде шестом при ловле рыбы’*, бренчать, булькать* и т.д.). <**К>** часто встречается в словах, называющих громкий возглас, гортанный звук человека или птицы (*кликать, крик, каркать, клектать, курлыкать, кхекать* и т. д.). <**Г>** близок к предыдущей группе и характерен для обозначения фонаций, возникающих в области гортани (*глотать, гоготать, гавкать* и т. д.).

Гласные фонемы также способны играть большую роль в формировании ономатопеи. Например, <**У>** часто обнаруживается в звукоподражаниях, обозначающих характеристику речевой деятельности человека (*шушукаться, бухтеть, бурундить,* т. д.) и движение губами (*дудеть, дудочка*). Для данной тематической группы частотна и <**А>** (*балаболить, балакать, гагакать, тараторить* и т. д.). <**О>** может употребляться столь же эффектно только в ударной позиции. Представленное в данном параграфе мнение не имеет концептуальных пересечений с фоносемантическими идеями и не противоречит положению Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака. Но согласно нашей концепции, в составе ономатопа определённая фонема может обладать ассоциативно-семантическим звукоэффектом, за счёт которых формируется примарно мотивированное слово.

Отдельно следует сказать о фонеме <**Х>,** неоднозначной с точки зрения и происхождения, и своего развития в славянских языках. В лингвистике до сих пор остается открытым вопрос о возникновении славянского ch. Р. Бошкович отрицал возможность появления ch из *k-придыхательного, поскольку, по мнению ученого, в индоевропейской системе языка такой фонемы не было. Он называл три источника: ch – заимствование, например, из монгольского языка; ch из старого *s в определенных позициях; ch ономатопоэтического происхождения (**chochotati*) [Бошкович, 1984, с. 97-98]. Последнее утверждение может помочь разобраться в сложных случаях происхождения некоторых слов. Например, в «Историко-этимологическом

словаре» П. Я. Черных слова с начальным <**Х>** часто сопровождаются определением «трудный». Основное затруднение вызывает начальный звук в словах: *хапать, хвала, хворост, хорохориться* и др. Здесь вместо ожидаемого <**К>** появляется начальный <**Х>** [т. 2, с. 333, 335-336, 352 и далее]. Ученый объясняет это и фонетическими процессами (весьма сложными) и нефонетическими (влиянием созвучных слов) [там же].

По своему происхождению указанные выше лексемы ономатопоэтические, а потому можно предположить, что мена k//ch, как, например, в случае с *хапать* < *chapati < *kap-, [Черных, т. 2, с. 333] обусловлена экспрессивностью данного типа лексики. Но что представляют собой эти условия экспрессивной мены звуков?

Исходя из артикуляционных характеристик фонемы: фрикативная, глухая, заднеязычная, – можно спрогнозировать её участие в ономатопах, передающих дыхание, выдох, вдох и т.д. *Хохотать* (наряду с *гоготать*), *хихикать* – ономатопы, используемые для передачи смеха. Их звукоподражательный характер несомненен: редуплицированные элементы *cho-, chi-* экспрессивно выражают выдох, сопровождающий смех. *Выхухоль, хохуля*: М. Фасмер выводить к чеш. *chuchati* ’дышать’, польск. *chuch* ’дыхание’ [т. 1, с. 273]. Междометие *хоп* изображает резкий выдох при прыжке, наряду с *гоп.* По-видимому, наличие экспрессивных вариантов *хохотать, гоготать* связано с изображением смеха громкого, гортанного, для которого более подходит сложный заднеязычный звонкий звук. А в случае с вариантом *гоп-хоп* имеет место быть неустойчивость начального звука и даже его пропуск. В данном случае наиболее ярко раскрывается связь между артикуляцией звука и его изобразительной способности. Междометие (*хам, хамкать*) обозначает процесс хватания ртом чего-либо. В указанном выше слове всего три звука, но каждый из них отнюдь не случаен, а играет свою роль в рисовании картины захвата ртом чего-либо: [х] указывает на выдох в момент совершения действия, [а] артикулируется с широким открыванием рта, что символизирует подготовку к хватанию, а губной [м]

позволяет резко сомкнуть губы, окончив действие. Сюда же можно отнести и слово *харкать*, образованного от звукоподражательного корня *хар-* с суфф. –к-[КЭСРЯ, с. 358].

Типична для <**Х**> и сочетаемость с сонорными звуками. В лексеме *хлебать, хлёб* сочетание [хл'] позволяет сымитировать проникновение жидкости в полость рта посредством артикуляции этих звуков. [х] передает втягивание в себя воздуха и жидкости, движение передней части языка при произнесении [л'] вверх к небу изображает проталкивание жидкости внутрь, а губной [б] резко обрывает действие смыканием губ.

Слова *хлюпать, хлюстать, хлопать, хлябать* относятся к внешнему звукоподражанию и обозначают глухой удар, всплеск воды, вязкой жидкости, грязи и т.д. По всей видимости, [х] здесь условен. Впечатление глухого звука в междометии *хлоп* достигается использованием глухих [х], [п]. Ср., *плюхаться, шлепнуть, шмякнуть*. Последняя лексема более позднего образования [КЭСРЯ, с. 382], *шлёпать* является однокоренным с *хлопать* [с. 382], но для возникновения шипящего по первой палатализации нет условий. Скорее всего, мена носит экспрессивный характер.

В словах *храпеть, хрипеть, хрыч, хрюкать* сочетание [хр] используется для передачи хриплого звука. [х], как и в указанных выше случаях, выражает резкий вдох/выдох, а [р] придает звукосочетанию впечатление хриплости.

В примерах *хрупкий, хруст, хрящ, хворост* звук треска и хруста передается за счет глухости и заднеязычного образования начального элемента в сочетании с сонорным [р].

В слове *хныкать* сочетание [хн] обеспечивает эффект выдоха через нос, за счет соединения фрикативного и носового, тоже в *хмыкать*.

Хвистать, хвистеть ’свистеть’ [Фасмер, т. 4, с. 231]. Замена с//х в условиях экспрессивной диалектной речи связана с совпадением артикуляционных характеристик звуков: фрикативные глухие. Кроме того, <**Х**> более подходит для имитации свиста как резкого выталкивания струи воздуха наружу. Таким образом, типичным для фонемы <**Х**> является

изображение, имитация вдоха/выдоха. Но поскольку она заднеязычная и глухая, то может использоваться для передачи гортанного звука. Что касается её частой сочетаемостью с сонорными, то здесь могут быть причины и сугубо фонетического характера. Закон восходящей звучности, действовавший в позднюю праславянскую эпоху, отразился и на современном этапе развития языка. До сих пор типичными являются сочетания менее звучных согласных (фрикативных) с более звучными (сонорными). Это явление и обнаруживается на приведенных примерах, тем более что многие из них еще общеславянского происхождения.

Близок к <**Х**> и губно-зубная фрикативная <**Ф**>, которая и вовсе не типична для славянских языков. Тем не менее, в словах славянского и русского происхождения встречается «чужеземный» звук, явно ономатопоэтического характера. *Фу*, *тьфу*, *фукать, фуфыриться, фыркать, фырчать, фьюить, фуфайка* [Черных, т. 2, с. 329]: губно-зубная глухая фрикативная во всех случаях используется для выражения резкого выдоха при контакте нижней губы с верхним рядом зубов, в более широком смысле дыхание, как <**Х**>. Любопытно, что именно глухие фонемы более подходят для обозначения дыхания.

Слово *филин* также ономатопоэтическое, в котором <**Ф**> русского происхождения, от **квилити* ’плакать’ [КЭСРЯ, с. 356], [Черных, т. 2, с. 312]. Здесь наблюдается явление гиперкоррекции.

2.2.2.Ономатопоэтический потенциал губной <**Б**>

Ономатопы с начальным (иногда повторяющемся) <**Б**> имеют два основных типа значений: речевая деятельность и удар. Особенно ярко это прослеживается на примере диалектной лексики, взятой из Словаря русских народных говоров. *Байкать* 1.’укачивать, убаюкивать ребёнка, напевая’, 2. ’говорить, сообщать, рассказывать’ [2, с. 55], *балакать* 1.’говорить хорошо, толково’, 2.’говорить непонятно’ [2, с. 70], *блюзгать* ’пустословить’ [3, с. 33], *боблычить* ’повторять, твердить’ [3, с. 36], *боботать* ’невнятно говорить’ [3, с. 37], *болботун* ’болтун, пустомеля’ [3, с. 71], *бубанеть*

’шумно, громко говорить’ [СРНГ, 3, с. 232], *бацкать* ’бить, ударять сильно во что-нибудь’ [2, с. 159], *блябнуть* ’ударить в ухо’ [3, с. 33], *боткать* 1.’бить, колотить’, 2.’ударять, толкать’, 3.’издавать глухой *звук,* падать со звуком’ [3, с. 136], *боть-боть,* междом. ’звукоподраж. слово для обозначения короткого звука при ударе предмета о предмет’ [3, с. 139], *бяк,* междом. ’обозначает падение или удар’ [3, с. 358]. Эти и многие другие примеры иллюстрируют факт неслучайного употребления данной фонемы в ономатопах с определёнными значениями.

Использование губного <**Б**> в ономатопах, относящихся к лексике говорения (речевой деятельности), на наш взгляд, является вполне закономерным. Именно данная фонема, реализующаяся в ономатопе, способна наглядно изобразить процесс говорения за счёт активизации губ в момент её произнесения. Считаем также неслучайным сочетаемость губного с гласными <**А**> и <**У**> в указанных ономатопах (*балаболить, бубнить, балабанить* и т. д.), поскольку данное сочетание позволяет наиболее чётко и подчёркнуто изобразить движение губ в процессе говорения. Этот эффект достигается, безусловно, за счёт того, что данная фонема по месту образования является губно-губной, и этот дифференциальный признак становится актуальным и ведущим при оформлении того или иного ономатопа. Необходимо отметить, что в таких ономатопах, как *балаболить* и др. исконной гласной является **О**, но под влиянием аканья перешедшей в **А.**

Вторая группа ономатопов со значением ’удар*’*, на наш взгляд, закономерно использует описываемую фонему. По способу образования она является смычной взрывной, поэтому оказывается способной изобразить звук от удара. В подтверждение тому видим следующие диалектные ономатопы: *блямкать* ’бренчать, звякать, звенеть’ [3, с. 34], *бряскотать* ’звенеть, бренчать’ [3, с. 231] и др. Также для ономатопов с начальным <**Б**> характерны и значения, связанные с фонациями водных объектов: *бульк, бурк*, с тем же значением, *бултыхаться, балакать*’барахтаться в воде, купаясь, плескаться’ [2, с. 70] и др. Данные значения, на наш взгляд,

формируются на базе значения ’быстрый, звонкий, отрывистый, короткий звук’, который изображается смычным взрывным <**Б**>. Сочетается данная фонема с сонорными при обозначении звонкого удара, звона. Как видим, эффект удара достигается актуализацией дифференциального признака смычности, реализующегося в данных ономатопах.

Очень наглядно ономатопоэтический потенциал <**Б**> проявляется в лексемах, совмещающих оба значения. *Брякотать* 1.’звенеть, бренчать’, 2.’говорить о пустяках, болтать’ [СРНГ, 3, с. 229]. Метафорический перенос, наблюдаемый в данном примере, иллюстрирует способность фонемы участвовать в оформлении ономатопа. Его звуковой состав подходит для изображения обоих значений.

Нередко в ономатопах наблюдаем удвоение <**Б**>: *боботать* ’невнятно говорить’ [3, с. 37], *болботун* ’болтун, пустомеля’ [3, с. 71], *бубанеть* ’шумно, громко говорить’ [3, с. 232], *бубанить* ’о звуках, издаваемых водяным жуком’ [БТСДК, с. 56], *блябнуть* ’ударить в ухо’ [3, с. 33] и др. Как мы полагаем, удвоение описываемой фонемы позволяет наилучшим образом изобразить её ономатопоэтический потенциал.

2.2.3.Ономатопоэтический потенциал губной **<П>**

Артикуляционные признаки **<П>** дают нам возможность предположить участие данной фонемы в оформлении ономатопов со значением ’речевая деятельность’. Однако мы видим совсем иную картину. Глухость фонемы, по-видимому, оказывается более значимой, чем другие признаки, и **<П>** практически не встречается в ономатопах этой тематической группы. Описываемая фонема часто используется для изображения резко выпускаемой струи воздуха, газа или глухого хлопка: *пыхать, пыхтеть, паф, пуф, поперхаться, пищать, плевать*, диал. *перх,* междом. ’обозначает сухой кашель’ [СРНГ, 26, с. 295], *пу* звукоподраж. междом. ’обозначение звука, издаваемого при плевании, тьфу’ [СРНГ, 33, с. 103], *пук*, звукоподраж. междом. 1.’употребляется для обозначения глухого отрывистого звука, вызванного выстрелом’, 2.’употребляется для

обозначения глухого отрывистого звука, вызванного падением’, 3.’о бурчании в животе, кишечнике’, 4.’о звуках, издаваемых при включении машины’ [СРНГ, 33, с. 118] и т. д.

Для данной фонемы характерно сочетание с **<Л>:** *плюх, плеск, плевать, плямкать* ’чавкать’ [БТСДК, с. 371], *плюкать*’о звуках, издаваемых совой’ [с. 371], *плюдать*’плевать’ [с. 371] и т. д.

В целом, **<П>** как глухая взрывная фонема способна участвовать в оформлении ономатопов с перечисленными значениями, однако её нельзя отнести к наиболее частотной и свойственной данной лексике.

2.2.4 Ономатопоэтический потенциал заднеязычных **<Г>** и **<К>**

Заднеязычные взрывные фонемы очень подходят для обозначения громких, резких, гортанных фонаций, часто называют крик, плач, звуки природы и животного мира: *крик, кликать, курлы, курны, га-га-га, глотать, греметь, клокотать* и т. д. Большое количество ономатопов с начальными заднеязычными встречаем в говорах. Их можно разделить на три основные тематические группы. Часть ономатопов обозначает фонации птиц, реже животных, что объясняется спецификой этих звуков: громкостью, резкостью, гортанным звучанием. *Гыр-гыр,* междом. ’подражание ворчанию, лаю собаки’ [СРНГ, 7, с. 252], *гагах,* звукоподраж. междом. ’обозначает крик гусей’ [6, с. 91], *гоги-гоги,* звукоподраж. междом. ’о ржанье лошади’ [6:, с. 262], *гал-гал*, междом. ’обозначает звук, издаваемый галкой’ [6. с. 103], *гурку,* междом. звукоподраж. ’о воркованье голубей’ [7, с. 239], *кор-кор,* междом. ’подражание крику коршуна’ [14, с. 308], *крук-крук,* междом. звукоподраж. ’о крике ворона’ [15, с. 224], *кукулеяй*, междом. ’о крике сыча’ [16, с. 45], *кау,* междом. 1.’употребляется при подражании крику зайца’, 2.’употребляется при подражании мурлыканью кошки’ [13, с. 138] и т. д. Часть ономатопов обозначает неречевые фонации человека. *Галды,* междом. ’для обозначения громкого крика, шума’ [6, с. 108], *крёх-покрёх,* междом. звукоподраж. ’О покашливании, постанывании’ [15, с. 224], *кувя,* междом. ’обозначает плач младенца’ [15, с. 393], *кульк*, звукоподраж. междом. ’обозначает звуки при

глотании’ [СРНГ, 16, с. 74], *кик,* междом. звукоподраж. ’обозначает звук, издаваемый при сдерживании смеха’ [13, с. 204], *кихи-кихи,* междом. звукоподраж. ’употребляется для обозначения кашля’ [13, с. 244], *кархинь,* междом. звукоподраж. ’служит для передачи звуков кашля’ [13, с. 108] и т.д. Другая группа ономатопов обозначает звуки удара и т. д. *Гол ’звук ружейного выстрела’* [6, с. 282], *клёп,* гл. междом. ’обозначает однократный удар’ [13, с. 278], *кех,* междом. звукоподраж. ’обозначает глухой звук от удара далёкого выстрела’ [13, с. 191], *клясь,* звукоподраж. междом. ’обозначает звук удара’ [13, с. 335] и др. Группа значений, связанных с фонациями животного мира и человека, как мы полагаем, формируется за счёт актуализации такого признака, как заднеязычность. Когда как взрывность данных фонем позволяет изобразить звук удара.

Для <**Г**> и **<К>** очень характерно удвоение. В перечисленных диалектных лексемах наблюдаем полное (например: *гыр-гыр, гоги-гоги, гал-гал, кор-кор, крук-крук*) и неполное (*гагах, кик, кукулеяй, кульк* и т. д.*)* удвоение. Именно этот приём наиболее выразительно подчёркивает ономатопоэтический потенциал <**Г**> и **<К>.**

Как нам кажется, **<К>** уже в более ранний период обнаруживает некоторые закономерности в отношении исследуемого явления. Анализируя данные «Этимологического словаря славянских языков: праславянский лексический фонд», мы заметили, что лексем, восходящих к звукоподражаниям, порядком больше именно с начальными заднеязычными. О том, что определённые фонемы несколько более частотны и более характерны для таких слов, мы уже отмечали. Особо нужно сказать о заднеязычных, которые даже по своему историческому развитию выделялись из общей массы фонем своим «поведением» в потоке речи.

Если говорить о славянской фонеме k, то она берёт своё начало из праиндоевропейских фонем, выделенных Р. Бошковичем, которые могли выступать в 3 видах: как обычный задненёбный (заднеязычный) велярный, как лабиовелярный и как палатальный. При этом все три варианта могли

быть с придыханием [Бошкович, 1984, с. 37]. Но уже в праславянской системе согласных выстраивается лишь один ряд в связи с делабиализацией лабиовелярных согласных, перехода k палатального в фрикативный s и утраты придыхания [с. 39]. А. Мейе в особых, экспрессивных и звукоподражательных случаях видит славянский x из kh: хохотать, (слав.) hohotati из скр. Kakhati [2000, с. 23].

Проанализировав материал, мы сделали вывод о том, что именно признак задней артикуляции отражается на использовании данной фонемы в звукоподражаниях, на её ономатопоэтическом потенциале. Большинство славянских звукоподражаний с начальным k живописуют объекты живой природы и в подавляющем большинстве являются характеристикой фонаций человека, животных, птиц. В данном случае хрестоматийным примером может послужить слово *крик*, этимологически восходящим к звукоподражанию и своим фонемным составом вполне соответствующим значению.

Звукоподражательные славянские лексемы с начальным *k чётко образуют четыре тематические группы.

Самая немногочисленная из них – «Натурофонации». Проанализировав лексемы, входящие в эту тематическую группу, мы пришли к выводу, что заднеязычный k в данных значениях указывает не на интенсивность и громкость производимого шума, а на его резкость и делимость фонаций на отдельные периоды. По-видимому, это связано с особенностями артикуляции звука как смычного по способу образования.

**kropiti:* сербохорв. *кр`опити* ’поливать, опрыскивать’, словен. *kropiti* ’кропить’, ст.-чеш. *kropiti* ’кропить, брызгать’ [ЭССЯ, 13, с. 8-9]. В Полном церковнославянском словаре видим: КРОПЛЕНІЕ ’орошение’, КРОПА, КРОПЛЯ ’капля’ [1993, с. 272]. Также русс. *кропить* ’слегка поливать’, диал. *кропить* ’обжигать, жечь (о крапиве)’ [ЭССЯ, 13. с. 9].

По поводу семантики последней лексемы − метафорический перенос очевиден. Учёные находят это слово звукоподражательным, восходящим к

лат. *crepo* ’трещать, шуметь, шелестеть’ [ЭССЯ, 13, с. 9]. О том, что фонация воспринимается как членимая, состоящая из периодов, говорит наличие диалектной формы *кропнуть* ’обрызгать’.

Вторая тематическая группа – «Однообразный монотонный звук». Чаще это относится к фонациям человека, но данная группа включает очень ограниченное количество лексем.

**kujati (sę)*: сербохорв. *к`ȕjamu* ’болеть, прихварывать’, словен. *k`ujatise* ’дуться, капризничать’, укр. *куя* ’брюзга, понура, ворчун’[ЭССЯ, 13, с. 85]. В Полном словаре церковнославянского языка видим: куяніе ’ропот, гордость, высокомерие’ [1993, с. 227].

Другая группа ономатопов связана с фонациями животных и, как отмечалось раннее, метафорическим обозначением речевой деятельности человека: **kumъkati / *kunъkati*: словен. *kumkati, kunkati* ’хрюкать, охать, выражать досаду’, русск. диал. *кумкать* ’квакать (о лягушках)’, *куныкать* ’калякать, беседовать’, укр. *кумкати* ’(о лягушках) монотонно квакать’ [ЭССЯ, 13, с. 102].

Наиболее многочисленную группу ономатопов образуют лексемы, номинирующие птиц и их фонации. В этих номинациях характеризуется громкий, часто гортанный крик. С семантической точки зрения интересно прямое обозначение ворона, несмотря на табу у индоевропейцев. В диалектах русского языка встречаем *крук* ’чёрный ворон’, цслав. кроукъ ’ворон’, ст.-польск. *kruk* ’ворон Corvus corax’, блр. *крук* ’ворон’, но укр. диал. *крук* ’журавль’ [13, с. 40-41], названного, видимо, тоже по отчётливому гортанному, но более звонкому звуку. Все эти лексемы восходят к глаголам **krukati, *kručati*, с более недифференцированной семантикой ’хрюкать, урчать’ и т. д. [13, с. 41]. **kuvikati*: укр. диал. *кувікати* ’кричать (о сове)’, сербохорв. *кувик* ’сыч’, укр. диал. *кувик* ’сова’, чеш. *kuvik* ’сыч’ [13, с. 142].

Таким образом, можно говорить об ономатопоэтическом потенциале фонемы **<К>** уже в праславянском языке.

2.2.5. Ономатопоэтический потенциал сонорных

В плане реализации ономатопоэтической значимости показательными являются сонорные **<Л>, <М>** и **<Р>.** Для **<М>** как губно-губной сонорной характерно оформление ономатопов со следующими значениями: нечёткого, размытого, бормочущего говорения и фонаций животных. Особенно ярко это прослеживается на примере диалектных звукоподражательных образований: *мулы,* междом., обозначающее *мычание коровы* [СРНГ, 18, с. 342], *мум,* гл. междом. ’обозначает глухое ворчание’ [18, с. 344], *мызгать* 1. ’понукать лошадь, заставлять ускорять бег, произнося чмокающий звук’, 2.’подзывать или отзывать собаку, произнося чмокающий звук’, 3.’лаять (о собаке)’, 4.’свистать’, 5.’издать звук одними губами’, 6.’часто плевать и щёлкать зубами’ [19, с. 50], *мыркать* 1.’мычать (о корове)’, 2. ’мурлыкать (о кошке)’, 3. ’жалобно блеять (об овце)’, 4. ’проявлять ласку, ласкать (о животных)’, 5. ’издавать какой-либо звук, говорить невнятно’, 6. ’ворчать’, 7. ’тихо петь, напевать’, 8. ’выражать недовольство, возражать’, 9. ’хныкать, капризничать’, 10. ’пищать, визжать, кричать’, 11. ’молоть пустяки, нести вздор, нелепицу’ [19, с. 59], *мырыкать* ’мурлыкать (о кошке)’ [19, с. 59], *мялайдать* ’мычать, издавать звуки’ [19, с. 83], *моркотать* 1. ’мурлыкать (о кошке)’, 2. ’бормотать’, 3. ’произносить звуки с грудным, горловом оттенком’, 4. ’ворчать, брюзжать’ [18, с. 266], *мурчать* 1. ’мурлыкать (о кошке)’, 2. ’издавать звуки голосом, выражающие неудовольствие’, 3. ’ворчать (о человеке)’, 4. ’издавать ворчащие звуки (о предмете)’ [18, с. 360] и др.

На наш взгляд, в данном случае можно говорить об одном главном значении, и образующихся на его базе второстепенных: произнесение определённых звуков посредством губ человеком или животным. С одной стороны, здесь мы видим сближение с <**Б**>, поскольку обе эти фонемы подходят для обозначения речевой деятельности. Но с другой стороны, существует и принципиальное различие между эффектами, производимыми данными фонемами в составе ономатопов. Для <**Б**> характерно обозначение речевой деятельности, которая может быть быстрой, внятной и т. д. Когда

как **<М>** выражает в составе ономатопа невнятную речь или фонации. В этом отношении иллюстративным является *мямлить* в своём первом значении ’медленно, невнятно и вяло говорить’ [МАС, т. 2, с. 320]. О том, что данная фонема обозначает невнятный звук, подтверждает способность одного ономатопа обозначать несхожие фонации различных животных, например, в слове *мыркать.*

Фонема **<Л>** не имеет такого чёткого распространения среди ономатопов той или иной тематической группы. Для неё свойственно участие в оформлении ономатопов, называющих фонации водных объектов, мягких ударов, и в меньшей степени фонации человека и животных. *Лоп,* гл. междом. 1. ’передаёт звук, когда что-либо лопается’, 2. ’употребляется для обозначения быстрых коротких действий (взмах крыльев, моргание)’, 3. ’употребляется для обозначения необдуманного, бестактного высказывания’ [СРНГ, 17, с. 130]. Данный пример интересен на предмет развития значений: звук лопающегося предмета → неуместное слово. Похожее явление встречаем в литературном языке, когда на базе значения ’удар’ образуется переносное значение ’неуместное слово’: *бахнуть* 1. ’издать сильный низкий звук или раздаться’, 2. ’с шумом ударить, стукнуть, выстрелить’, 3. перен. ’необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-л., чего не следует делать’ [МАС, т. 1, с. 65], *бацнуть* 1. разг. ’издать резкий отрывистый звук или раздаться’, 2. разг. ’сильно ударить’, 3. прост. ’неожиданно сказать что-л. неуместное или резкое, грубое’ [с. 65-66], *бухнуть*[1] 1. ’издать глухой отрывистый звук или раздаться’, 2. ’с глухим шумом и силой бросить, уронить что-либо или ударить и т. п.’, 3. ’то же, что бухнуться’, 4. перен. ’необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-л., чего не следует делать’ [с. 128]. *Лататах* 1. ’употребляется для обозначения стремительного поспешного бегства’, 2. ’обозначает звук падения, хлопанья’ [СРНГ, 16, с. 287], *лёп,* гл. междом. ’употребляется для обозначения удара по чему-либо мягкому или упругому’ [СРНГ, 16, с. 358], *лёскать* ’бить, хлестать, производя шум, громкие звуки’ [с. 371], *лясь,* междом. 1. ’употребляется при

обозначении сильного удара’, 2. ’употребляется при обозначении скрежета, лязга’ [17, с. 285], *лускать* ’издавать щёлкающий звук, щёлкать’ [с. 185], *люпки,* междом. ’употребляется для передачи звуков, производимых идущим по воде человеком’ [с. 247], *латы,* звукоподраж. частица, выражающая шум шагов идущего человека [16, с. 292], *лопот* ’неотчётливые звуки разговора, речи’ [17, с. 137], *лан* ’звукоподражание голосу собаки’ [16, с. 254] и т. д.

В целом, данная фонема нечастотна среди ономатопов, но достаточно часто входит в их состав в качестве дополнительного элемента. **<Л>** хорошо сочетается с шумными смычными и щелевыми**,** образуя эффектный и звукоподражательно значимый фрагмент ономатопа: *хлёб, клац, глыкать, плюх, плямкать, шлёп, блябнуть, блямкать* и т. д.

<**Р>** по своим акустическим свойствам и признакам нередко входит в состав ономатопов, обозначающих громкий дрожащий грубый звук человека или животного. *Рыг,* гл. междом. 1. ’о звуке отрыжки’, 2. ’о фальшивом звуке при игре на гармонике’ [35, с. 302], *рык,* гл. междом. ’хрусть’ [с. 306], *рып* ’скрип чего-либо’ [с. 312], *рюх,* звукоподраж. междом. ’употребляется для обозначения звуков, издаваемых свиньёй’ [с. 328], *рюхать* 1. ’хрюкать’, 2. ’реветь (об олене)’, 3. ’подзывать свиней’, 4. ’кашлять’, 5. ’чихать’, 6. ’крикнуть, издать крик’, 7. ’ударять по воде палкой, пугая рыбу’, 8. ’издавать треск, трещать’, 9. ’сильно ударять кого-либо’, 10. ’ругаться, браниться’ [с. 329], *рёвкать* 1. ’издавать громкие, отрывистые низкие звуки, рявкать (о животных)’, 2. ’храпеть (о животных)’, 3. ’кричать, говорить громким голосом, ругаться’ [с. 7], *рехать* 1. ’хрюкать’, 2. ’рычать, издавать глухое ворчание’, 3. ’сопеть, храпеть’, 4. ’кашлять’, 5. ’охать, стонать’, 6. ’реветь, кричать, громко и отрывисто говорить’, 7. ’обманывать, врать’ [с. 77], *ричкать* 1. ’обрывать листья у какого-либо растения’, 2. ’хрустеть, трещать’, 3. ’загреметь, громко стукнуть’ [с. 107], *ропотать* 1. ’выражая недовольство, глухо бормотать, ворчать’, 2. ’говорить не умолкая, болтать’, 3. ’издавать глухо булькающие прерывистые звуки (о кипящей густой каше)’ [с. 179], *рябяндать* ’дребезжать, трещать, шуршать’ [с. 338] и т. д. Как мы видим в

приведённых выше диалектных примерах, <**Р**> подходит для изображения рычащего грубого громкого звука, кашля, храпа, хруста, треска и т. д. Здесь же прослеживается закономерность, свойственная русскому языку, включая диалекты, и праславянскому, заключающаяся в распространённом переносе значений: фонации животного (птицы) → фонации человека.

<**Р**> часто входит в состав ономатопов в сочетании со смычными и щелевыми, образуя, как и в случае с **<Л>,** звукоподражательно значимый элемент: *брык, бряк, хруп, хрясь, хряп, трень, трах, принджи-бринджи, крёх, трень-брень* и т. д. Следует заметить, что ономатопоэтический потенциал некоторых сонорных заключается ещё и в том, что сама структура корня ономатопа отличается слабым вокализмом, односложностью и в начальной позиции нередким сочетанием шумного с сонорным или **<В>**: *чмок, трах, клац, хрю, шмыг, хлоп, хны, цвинь, цвирик, звяк, кря, ква* и т.д.

2.2.6. Ономатопоэтический потенциал шипящих

Предположительно, шипящие как специфические с точки зрения акустики образования, могут оказаться весьма характерными для ономатопеи в целом. Однако, ономатопов с шипящими в начальной позиции не так много, как можно было бы предположить. На это есть несколько причин: во-первых, слов с начальным шипящим в словаре русского языка немного; во-вторых, шипящие – это сравнительно новое явление, появляющееся в позднюю праславянскую эпоху в результате палатализации, когда как некоторая часть русской ономатопеи берёт своё начало в праславянскую эпоху, возможно, до начала действия закона внутрислогового сингармонизма.

<**Ж**> как звонкая щелевая и шипящая оказывается очень выразительной и ономатопоэтически значимой. Для данной фонемы характерны следующие значения: резкий удар кнутом, звук металла, журчанье воды, фонации насекомых, речевые фонации (по-видимому, значения вторичного образования) и жевание: *жужжать, журчать, жужелица, жук* и др. Более

многочисленные примеры находим в говорах. *Жах,* междом. ’обозначает быстрый резкий удар’ [СРНГ, 9, с. 87], *жвик,* междом. ’употребляется для обозначения звука, который слышится при *сильном* взмахе лозового кнута’ [с. 91], *жвикать* 1. ’Сильно размахивать тонким прутом так, что слышится звук жвик, жвик’, 2. ’выплёвывать слюну во время курения через зубы с особым звуком’, 3. ’ударять, стегать кнутом’, 4. ’есть, чавкая’ [с. 91], *жвякать* 1. ’чавкать’, 2. ’жевать’, 3. ’есть’, 4. ’производить звук, звенеть’, 5. ’осуждать, критиковать кого-нибудь’, 6. ’говорить, повторять одно и то же’ [с. 92], *жукать* 1. ’кричать’, 2. ’бранить, грозить криком’, 3. ’перечить, возражать’, 4. ’говорить тихо, шёпотом’, 5. ’издать какой-либо звук, зашуметь’, 6. ’бить’, 7. ’пить (воду)’ [с. 223], *жвындеть* ’жужжать’ [с. 91], *журжалка* ’особая порода мух’ [с. 230], *журжать* ’жужжать’ [с. 230], *журкать* 1. ’говорить тихо, невнятно, шёпотом’, 2. ’быстро жевать, есть, пить’ [с. 231], *жухнуть* ’сильно ударить’ [с. 233], *жулькать* 1. ’булькать’, 2. ’мять, давить что-либо мокрое, влажное так, что слышится булькающий звук’, 3. ’стирать’, 4. ’мять, давить, тискать’, 5. ’жевать’, 6. ’бить, ударять’, 7. ’лаять’ [с. 226]. Последнее слово могло образоваться путём контаминации *журчать* и *булькать*, отсюда и «водные» значения с последующим развитием. Последнее значение ’лаять’ могло возникнуть под воздействием очень распространённой клички собаки Жулька.

На наш взгляд, для **<Ж>** как звонкой шипящей щелевой фонемы актуально одно главное значение – изображение жужжащего звука, который, в свою очередь, подходит и для обозначения фонаций насекомых, резкого действия и т. д.

<Ш> как глухая шипящая очень выразительно в составе ономатопа способна передать шипящий, шелестящий звук. В связи с этим, данная фонема часто участвует в оформлении ономатопов со значениями: шёпота, шелеста, шипения, шарканья (*шорк, шарк, ширк, шурк, шептать, шелестеть, шмыгать, шуршать, шушукаться, швырять* и др.) и т. д. По-

видимому, учитывая историю её возникновения в славянских языках, большинство таких слов или их значений более позднего образования.

В говорах также обнаруживаем богатый материал. Выпуск «Словаря русских народных говоров» на **Ш** ещё не опубликован, поэтому мы анализируем префиксальные образования ономатопоэтического свойства с начальной корневой **<Ш>.** Диалектный материал показывает нам, что данная фонема, как и в литературном языке, обладает некоторым ономатопоэтическим потенциалом, иллюстрируя, изображая, шипящий, шуршащий, шелестящий звук. Но данные фонации могут происходить из различных источников: шуршание листвы или трение обуви о поверхность пола и т. д., что, собственно, и влияет на различность значений ономатопов с начальной **<Ш>.** *Зашаркотать* ’начать производить шум, шорох, зашуршать’ [11, с. 186], *зашкворчать* ’начать сильно шипеть от жара’ [с. 190], *зашлепетать* ’то же, что зашкворчать’ [с. 191], *зашморгать* ’начать с шумом втягивать носом воздух’ [с. 192], *зашумаркать* 1. ’зашаркать’, 2. ’зашуметь, закричать’, 3. ’начать жить напоказ, заставить говорить о себе’, 4. ’зашуметь в голове (при сильном опьянении)’ [с. 194]. Как мы полагаем, третье значение данной лексемы является переносным и образованным на базе значения ’шуметь’. *Зашуркать* 1. ’зашаркать’, 2. ’зашуршать, зашелестеть’ [с. 194], *зашурстеть* ’зашуршать, заскрипеть (о снеге)’ [с. 195], *нашкарабать* ’неумело, неразборчиво написать что-либо, нацарапать’ [20, с. 299], *нашлёпать* ’наговорить неправды’ [с. 300], *пошабаркивать* ’издать лёгкий шум, шелест, шорох, шуршать’ [31, с. 22], *пошвыркать* 1. ’пошвырять, побросать всё, многое’, 2. ’поесть жидкой пищи, чавкая, хлюпая’ [с. 27], *поширлыкать* ’поскрипеть’ [с. 34], *шамшить* ’говорить невнятно, обычно из-за отсутствия зубов’ [БТСДК, с. 587] и мн. др. Последний пример особенно ярко проявляет звукоподражательную значимость и потенциал фонем, в том числе и анализируемой : элемент -ш- изображает шипяще-свистящий призвук речи при отсутствии некоторого количества зубов, что, непременно, влияет на качество артикулируемых

звуков. Но и элемент -ам- изображает открывание и закрывание рта в момент произнесения слова.

Нетипичным для **<Ш>** является изображение фонаций птиц, но в говорах встречаем некоторое количество примеров. Изображение фонаций птиц характерно для **<Ш'>,** различающейся с анализируемой фонемой только долготой и мягкостью. *Защирлыкать* 'заклоктать (о курице),' [СРНГ, 11, с. 190], *защектать* 1. 'начать петь (о птицах)', 2. 'начать ворчать, браниться' [с. 196], *защелоктать* 'защёлкать (о птицах)' [с. 196] и др.

О яркой ономатопоэтической значимости анализируемой фонемы говорит и тот факт, что её (значимости) описание осуществляется за счёт использования ономатопов с начальной **<Ш>.**

2.2.7 Ономатопоэтический потенциал аффрикат

Аффрикаты русского языка обладают специфическими акустическими свойствами, шипящим и свистящим призвуками, что, как мы полагаем, соответствующим образом сказывается на их ономатопоэтической значимости и эффекте, реализующихся в составе ономатопов. **<Ч>** часто используется для обозначения фонаций птиц: *чирик, чив-чив, чули-чули*, а также самих именований птиц, названных по их характерным звукам: *чечет, чайка, чибис, чиж, чирок* и т. д. Такое же явление наблюдаем и в говорах: *почивкивать* 'щебетать немного, время от времени' [СРНГ, 31, с. 11], *чачакать* 'трещать (о сороке)' [БТСДК, с. 570], *чекакать* 'стрекотать (о птицах)' [с. 571], *чечекать* 1.'чечекать – о галках, сороках' и др. [с. 578], *чиврикать* 'чирикать' [с. 578], *чир-чир* 1.'междом. звукоподраж. для воспроизведения птичьего стрекота', 2. в знач. сказ.'о стрекоте сороки' [с. 580], *чувиль-чувиль,* междом.'о звуках, издаваемых птицами' [с. 583], *чулюкать* 'чирикать' [с. 584] и т. д. Для ономатопов с начальной **<Ч>** свойственны ещё ряд значений, обусловленных, на наш взгляд, ономатопоэтическим потенциалом данной фонемы: изображение глухого

шипящего звука. Именно поэтому ономатопы с начальным **<Ч>** так подходят для обозначения специфической неречевой деятельности человека: *чмок, чих, чавкать* и др. *Почвякать*’почавкать, пошамкать, поесть’ [СРНГ, 30, с. 376], *почмокать*’сзывать чмоканьем (свиней)’ [31, с. 17], *чахкать* ’чавкать’ [БТСДК, с. 570], *чвакать*’чавкать’ [с. 570], *чвикать*’выпускать струю слюны через передние зубы’ [с. 570] и т. д. Также описываемый звук может напоминать: (скрежет) *почерябкать* ’поцарапать’ [СРНГ, 30, с. 382], (звук резкого действия) *чиргикать* ’косить быстро с характерными звуками’ [БТСДК, с. 580], (звуки шагов) *почечёкивать* ’чавкать, хлюпать время от времени при движении по размокшей от дождя дороге’ [СРНГ, 31, с. 10], *цапля* (из *чапля, чапати ’идти’) [Преображенский, т. 3, с. 42] и т. д.

Для **<Ц>** не характерна чёткая и определенная ономатопоэтическая значимость, что, возможно, связано с совсем небольшим количеством слов, в том числе и ономатопов, начинающихся на данную фонему.

2.2.8 Ономатопоэтический потенциал **<Т>.**

Ономатопов с начальной **<Т>** намного больше, чем остальных. Если рассматривать русский литературный язык, то по количеству данных образований могут сравниться только ономатопы с начальной **<Х>.** В литературном языке видим: *тик-так, теньк, тинь, трень, трень-брень, турлы, топ-топ, тяп, тю-тю, тяв, трах-тарарах, тук-тук* и т.д. Большинство значений литературных ономатопов с начальной **<Т>** связаны с ударом, когда как совсем иную картину наблюдаем в говорах. Среди диалектных ономатопов наиболее частое значение связано с речевой деятельностью человека, гораздо реже – с фонациями птиц или животных. *Заталалакать* 1.’заговорить быстро, невнятно или на неизвестном языке’, 2.’начать говорить несерьёзное, пустое’ [СРНГ, 11, с. 81], *затеребенкать*’начать болтать, рассказывать смешное’ [с. 84], *затренькаться* 1.’заиграться (на балалайке)’, 2.’заговориться, заболтаться’ [СРНГ, 11, с. 105], *затрескотать* ’заговорить громко, быстро, затрещать’ [с.

106], *талдонить* ’повторять одно и то же’ [БТСДК, с. 523], *трандыкать* 1. ’повторять одно и то же’, 2. ’напевать мотив без слов’, 3. перен. ’бездельничать’ [с. 531], *турчать* 1. ’стрекотать’, 2. ’квакать’, 3. ’свистеть’, перен. 4. ’говорить одно и то же’ [с. 535] и др.

Таким образом, **<Т>** оказывается подходящей для изображения речевой деятельности человека. Но почему в говорах гораздо больше ономатопов, обозначающих речевую деятельность, чем в литературном языке? На наш взгляд, такое отличие может быть связано с несколькими причинами. Во-первых, для диалектной живой речи, которой свойственны экспрессивность и эмоциональность, характерно образование переносных значений несколько чаще. Поэтому видим, что ономатоп, обозначающий фонации живых существ, образует переносное значение, связанное с речевой деятельностью человека. Во-вторых, диалектная эмоциональная речь изобилует глаголами говорения и т. д., что связано с их яркой коннотативной маркированностью. Данный факт вполне закономерен, поскольку в условиях функционирования того или иного говора, его носитель, как правило, человек, деятельность которого связана с тяжёлым физическим трудом, разделяет деятельность на трудовую и всю остальную. Речевая деятельность резко противопоставляется трудовой и часто приобретает негативный оттенок. Поэтому в говорах больше лексики говорения, чем в литературном языке, и, соответственно, больше ономатопов.

Для **<Т>** свойственно изображение звуков, издаваемых при ходьбе: *тупкать* ’топтаться’ [БТСДК, с. 534], *телепать* 1. ’дёргать’, 2. ’медленно идти’ [БТСДК, с. 526] и т. д., удара, часто связанного со звуком металла, и фонаций животных и птиц.

2.2.9 Ономатопоэтический потенциал **<С>.**

Данная фонема, являясь глухой щелевой, оказывается подходящей для обозначения скрипучего, шипящего, свистящего звука. Основные группы

значений ономатопов с начальным **<С>** так или иначе связаны с изображением подобных фонаций: *скрип, скрежет, свист* и т. д.

Нередко **<С>** иллюстрирует ономатопы, изображающие неречевые фонации человека: *сосать, свистеть, сморкаться, сипеть, сопеть, сюсюкать, смоктать* 1. ’сосать, высасывать, обсасывать что-л.’, 2. ’грызть, обсасывать кость’, 3. ’лизать, облизывать что-л.’, 4. ’мусолить, слюнявить что-л.’ и т. д. [СРНГ, 39, с. 25-26], *сморг,* междом. 1. ’звукоподраж. употребляется для обозначения звука, производимого шмыгающим носом’, 2. ’ звукоподраж. употребляется для обозначения резкого, короткого звука’, 3. глаг. междом. ’употребляется для обозначения резкого быстрого движения’ [с. 39-40], *сморк,* глаг. междом. 1. ’употребляется для обозначения действия и звука при сморкании’, 2. ’о действии и звуке при зачерпывании воды’ [с. 41] и т. д.

Также **<С>** характерна для обозначения соответствующих фонаций птиц, животных, насекомых: *свинья, скворец, стрепет, сова, стриж, сверчок, смыркать* 1. ’мычать (о корове)’, 2. ’издавать характерные звуки (о петухе)’ [с. 74], *стрекотать* ’издавать резкие короткие звуки, похожие на треск, стрекотать’ [41, с. 311] и т. д.

Таким образом, фонема **<С>** обладает ономатопоэтическим потенциалом, реализуя его в составе звукоподражания. Исходя из своих акустических свойств, она оказывается подходящей для изображения треска, скрипа, свиста, а также схожих звучаний в фонациях птиц и неречевых фонациях человека.

Так что же такое ономатопоэтический потенциал той или иной фонемы?

На наш взгляд, отдельные фонемы способны участвовать в создании звукообраза наряду с другими языковыми средствами. В составе ономатопеи они обладают ономатопоэтическим потенциалом, или ассоциативно-семантическим звукоэффектом, который формируется на базе артикуляционных признаков фонем. Действительно, как показывают приведённые примеры, такой признак, как заднеязычное образование, может

быть актуальным и звукоизобразительным, реализуя значение ’гортанного, резкого, громкого звука’ (<**Г>, <К>, <Х>**). Лабиализованные гласные <**У>, <О>** (в ударной позиции) участвуют в формировании звукоподражаний со значением ’говорения, дуновения’ и т. д.

Ассоциативно-семантическим звукоэффектом обладают фонемы в составе ономатопов с точки зрения и синхронии, и диахронии. О последнем случае следует сказать, что это те слова, которые осознаются как звукоподражательные носителями языка на интуитивном уровне за счет частичного воссоздания звукообраза или формальных показателей звукоподражательности: *дребезжать* (др-, -зж-), *брызгать* (бр-, -зг-), *балаболить* (бал-/бол-), *тараторить* (тар-/тор-), а также *шуршать, греметь* и др.

Данная точка зрения подводит нас к вопросу, который задавали ещё в глубокой древности: случаен или закономерен состав слова? С одной стороны, относительно ономатопеи, этот состав не случаен. С другой стороны, как уже отмечалось, точного соответствия между звуками природы и их имитацией человеком быть не может. Особенно иллюстративным оказывается акустический анализ фонаций птиц. Учёными разработана методика, в рамках которой проводится сравнение энергетических, спектральных и временных характеристик природных сигналов и их имитации человеком. Очень интересно посмотреть, какие компоненты переходят из сигнала птицы в «говорящее» звукоподражательное название. На основании этого делается вывод об информативности соответствующих компонентов. Определяется также степень допустимой трансформации, т. е. изменения, искажения сигнала птицы при адаптации его к особенностям артикуляционного аппарата человека, а также к особенностям грамматико-фонетического строя определенного языка [Ильичёв, Силаева 1990]. В книге «Говорящие птицы» Ильичёва В. Д., Силаевой О. Л. проводится именно такой эксперимент по акустическому сравнительному анализу начальных фонаций коростеля и произнесения его звукоподражательного латинского

названия стех мужчиной и женщиной. Эксперимент проводился с помощью модели звукоанализирующего акустического преобразователя сигналов «КАПРОС», сконструированного учеными из Института прикладной математики АН СССР. Собственно результаты сравнения оказались следующими.

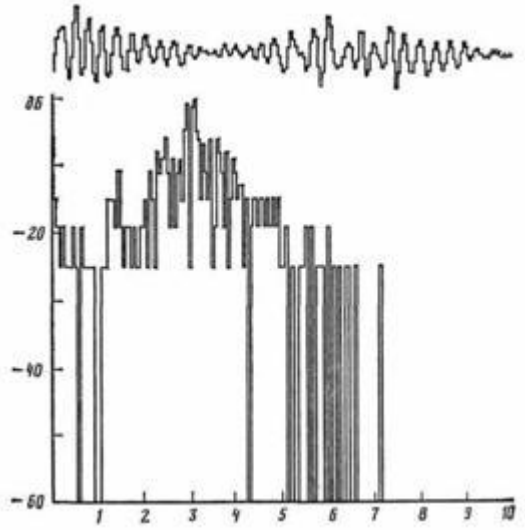

Рис. 1. Амплитудно-спектральные характеристики начального элемента голоса коростеля, выявленного с помощью акустического преобразователя «КАПРОС».

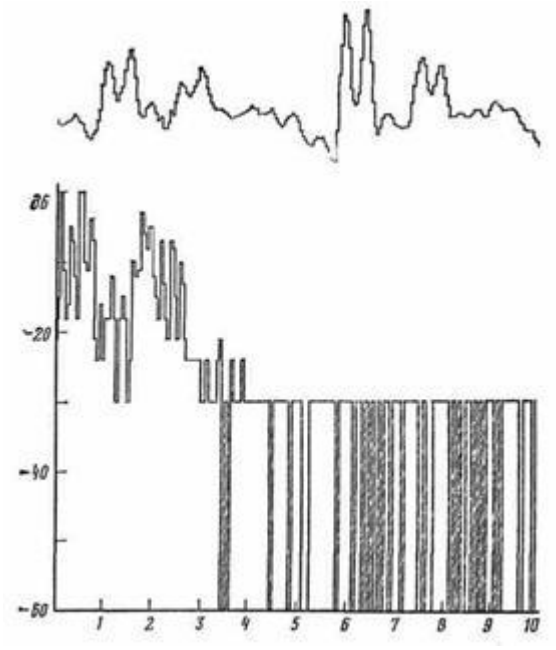

Рис. 2. Амплитудно-спектральные характеристики начального элемента слова «crex», произнесенного женщиной (А) и мужчиной (В), выявленные с помощью акустического преобразователя «КАПРОС».

Результаты показали, что при всём сходстве и даже некотором физическом соответствии по определённым параметрам, всегда остаётся место для различного рода вариаций [Ильичёв, Силаева 1990]. Ещё раз скажем, что полного соответствия быть не может, поскольку имитационные

возможности каждого человека, применяемые в словотворчестве, строго ограничены фонетическими возможностями языка. Поэтому, скрипучие фонации коростеля воспроизводятся и описываются с помощью определённых фонем латинского языка, ассоциативно и артикуляционно напоминающие скрип.

2.3. Междометные образования звукоподражательного характера в говорах

При исследовании диалектных ономатопов нами был проанализирован «Словарь русских народных говоров». Собранный методом сплошной выборки материал насчитывает около 80 слов, имеющих помету «звукоподражательное междометие», «междометное звукоподражание», гораздо больше, звукоподражательных слов, имеющих помету «междометие» (без указания на звукоподражательность). Данные пометы в словаре несистематизированы, не имеют закономерного употребления. Например, в словаре видим: *ви-ви-ви*, междом. звукоподраж. о визге поросёнка [СРНГ, 4, с. 273], *гоги-гоги,* звукоподраж. междом. о ржанье лошади [6, с. 262], *вяху-вяху,* междом. о лае собак [6, с. 81], *курны,* междом. звукоподраж. о мурлыканье кошки [16, с. 138], *курлы,* в знач. междом. о мурлыканье кошки [16, с. 132], *мулы,* междометие, обозначающее мычание коровы [18, с. 342] и т. д. В связи с тем, что данные пометы несистематизированы, оставляем за собой право отбора материала, опираясь на свою интуицию, а также некоторые лексикографические источники.

Звукоподражательные междометия представляют собой образования, безусловно, относящиеся к ономатопам и являющиеся деривационной основой для производных ономатопов. Диалектные звукоподражательные междометия имеют некоторую специфику, свойственную всей диалектной лексике, в связи с их устно-речевым функционированием, но, что с другой стороны, и объединяет их с оными литературного языка. Всё же диалектные образования представляются нам более богатыми и разнообразными по своей

структуре. Но и для литературных, и диалектных ономатопов свойственна большая способность к производству новых слов.

Диалектные ономатопы по своей структуре бывают различными. И литературные, и диалектные ономатопы стремятся к односложности, содержат один гласный, который всегда «эффектно» оформляет ономатоп за счёт своей ударности: *сморг, сморк, лясь, ляськ, порсь, порськ, бурк, боцк, брыкш, брыкшть, брынк, жах, жвик, звизьк, клёп, кульк, лёп, клясь, зюк* и т.д. Ономатопы, обозначающие фонации человека, птиц и т.д., наоборот, часто бывают многосложными: *пугук, паагиб, киви, кархинь, кау, кувя, кукулеяй, курны, курняв, кудах, агага, галды, мулы, гагах, гурку, гутеньки* и т.д. На наш взгляд, действие двух противоположных тенденций связано со следующим. Ономатопы, обозначающие те или иные фонации, стремятся максимально точно отобразить описываемый звук. Удлинение и растянутость звука передаётся с помощью удвоения гласной, количество слогов у ономатопа зависит от протяжённости фонации. Совсем иное видим у ономатопов, связанных с акустическим воспроизведением звуков различных действий или предметов, а также усечённых форм глаголов. В связи с их часто идеофоническим содержанием количество гласных максимально сокращается для того, чтобы актуализировались согласные. Такая структура, по-видимому, позволяет наиболее чётко реализовать ономатопоэтический потенциал той или иной согласной фонемы, входящей в состав ономатопа. Кроме того, односложная структура междометия подчёркивает быстроту и интенсивность обозначаемого действия, что особенно характерно для усечённых (междометных) форм глагола, которыми богаты говоры.

Как и для литературных ономатопов, диалектным образованиям характерна редупликация, которая в говорах представлена гораздо шире и имеет ряд специфических черт. Редупликация характерна для ономатопов, обозначающих фонации людей, животных, птиц: *ви-ви-ви, вяху-вяху, гага-гага, гоги-гоги, гал-гал, гыр-гыр, ка-га-га, ка-ка-ка, иго-иго, каги-каго, квы-квы, кихи-кихи, кара-кара, кор-кор, крук-крук, бзз-бзз* и т.д. Несколько реже

она встречается у ономатопов других тематических групп: *бур-бур-бур, боть-боть, ёк-ёк* и др. Разновидностью редупликации является рифмованное удвоение: *стрень-брень, принджи-брынджи.*

Необычайно богаты диалекты усечёнными (междометными) формами глаголов, или глагольными междометиями. В говорах отчётливо прослеживается тенденция к образованию таких форм, что по своим масштабам не так характерно для литературного языка. Данные образования нередко носят звукоподражательный характер и являются ономатопами, а также приобретают значение интенсивности, быстроты, резкости. Об этих фактах не раз упоминали лингвисты: «Это такое название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нём хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведённого действия [Шахматов, 1952, с. 85] и др. Специфическими и незвукоподражательными по своему происхождению являются следующие глагольные междометия: *стирь,* глаг. междом. простирну. *Подожди, еще этую рубашку стирь, тоды пойду полоскать* [СРНГ, 41, с. 163], *стриг,* глаг. междом. 1. употребляется по значению глагола стричь – резать ножницами. 2. употребляется по значению глагола стричь – прясть ушами. *Конь, верно, волков чует, идёт и ушами стриг-стриг* [с. 338] и др. В двух перечисленных случаях наблюдаем нехарактерное для литературного языка явление – употребление глагольного междометия в настоящем и простом будущем временах. В трудах по грамматике русского языка находим (о глагольных междометиях): «Это особые неизменяемые слова, по своей форме совпадающие со звукоподражательными междометиями и употребляющиеся в предложении в роли глагольного сказуемого в значении прошедшего вида…» [Грамматика, 1953, с. 679]. Как нам кажется, представленное в говорах нетипичное грамматическое значение глагольных междометий связано с их возможным окказиональным употреблением.

Для диалектных глагольных междометий характерно три отличительных структурных типов образований: на -иль, с суффиксом -к-, на -ых: *кахиль, вертиль, сморгиль (от сморгать), совгиль (от совгать); кульк, звизьк, звонк, порськ; булдых, буталтых, вертых, буздых* и др. Как нам кажется, финали данных слов являются экспрессивными суффиксальными элементами, позволяющими говорящему осуществить своё стремление по воспроизведению в глагольном междометии звукоподражания.

Кроме того некоторые диалектные лексемы, имеющие ономатопоэтическое происхождение, входят в лексическую парадигму с суффиксами, обозначающими интенсивность действия: *стуковень*'громкий стук*', вискотень* 'громкий визг'*, гудовень* 'шум, гудение'*, хоховень, хлеховень*'хохот'*, трескотень* 'треск*', свискотень* 'сильный свист'**,** *брекотень* 'бряцание*'* и мн. др. [Оссовецкий, 1982, с. 45-46]. Для ономатопов и литературных, и диалектных очень характерным является сочетаемость с формантами, обозначающими интенсивность. Этот факт, на наш взгляд, связан с тем, что для любой фонации одной из обязательных характеристик является интенсивность, которая может выражаться на семантическом (наличие определённой семы) и словообразовательном (наличие определённого форманта) уровнях.

Диалектные междометия ономатопоэтического характера представляют собой богатый материал живой экспрессивной лексики, который отражает сразу две тенденции его развития. С одной стороны, процесс интеграции в семантическую структуру языка за счёт образования новых производных влечёт за собой частичную утрату ономатопоэтического потенциала слова. С другой стороны, образование глагольных междометий, напротив, наделяет этим потенциалом ономатопы, не являющиеся таковыми с точки зрения происхождения.

2.4. Подзывные слова в говорах.

Говоры необычайно богаты лексикой, в словарях называемой подзывными словами, или аттрактантами, или словами клича животных, что, безусловно, связано с особенностями быта основной части диалектоносителей. По подсчётам, проведённым Е. Кандаковой, БАС содержит лишь 9 таких слов, когда как СРНГ – 248 [2003, с. 3]. Несмотря на достаточное по количеству число данных языковых фактов, подзывные слова в плане изучения можно отнести к маргиналиям, как и собственно ономатопы. Количество специальных работ, посвящённых данной теме, необычайно мало. Некоторые учёные вовсе отказываются рассматривать это явление, считая его внеязыковым, так как язык – это средство общения между людьми, а не животными. Как и собственно звукоподражания, подзывные слова не имеют частеречного статуса и по каким-то причинам относятся к императивным междометиям, несколько не вписываясь в определение этого понятия как класса неизменяемых слов, служащих для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [БЭС Языкознание, 1998, с. 290]. Последние исследования показывают, что «подзывные слова для животных – особый, исторически изменяющийся класс слов, выполняющий номинативную и подзывную функцию при установлении контакта человека с животным» [Кандакова, 2003, с. 18]. Наличие у подзывных слов номинативного значения, а именно номинации животного [с. 8], вступает в острое противоречие с их отнесением в разряд междометий.

Кроме того, очень часто подзывные слова связывают со звукоподражаниями, безоговорочно относя их в разряд ономатопов. Однако этимологический анализ показывает, что среди диалектных подзывных слов таковые встречаются менее чем в половине случаев. Исследование ярославских говоров показало, что звукоподражаний всего 36,1% слов от общего количества подзываний [с. 18]. Нами были проанализированы

подзывные слова, встречающиеся в СРНГ и словарях донской лексики на предмет их изобразительной мотивированности. Большинство подзывных слов образованы от корней, обозначающих животных: *баранки-баранки, бараш-бараш, барашки-барашки, бар-бар, бари-бари, баринька-баринька, барка-барка, бары-бары, берь-берь, баряш-баряш* (для подзывания овец, баранов, ягнят) и мн. др. По мнению М. Фасмера, данные образования, в том числе и само название *баран* восходят к и.-е. *ber- - древнейшему подзыванию [т. 1, с. 123-124]. П. Я. Черных относит к одному корню с *borv- (боров) [т. 1, с. 72]. Было ли оно звукоподражательным по своему происхождению сведений нет. А.И. Германович, который не был сторонником выделения подзывных слов для животных из междометий, указывает, что слова *бар,бор, бер* являются самыми распространенными для призыва или отгона овец, и приводит слова, от которых образовалась эта звательная форма: *баран, боров, боровчан, баронуха, баронок, барашек* [1948, с. 307, цит. по Кандаковой, 2003]. От слов *бык* для соответствующего подзывания образованы следующие лексемы: *быча-быча, быня-быня*; *утка: вути-вути, вуть-вуть* (с протетическим согласным), *ути-ути; гусь: гуся-гуся; курица: кур-кур; коза: козя-козя, кызя-кызя; конь: коняш-коняш, коняшк-коняшк* (подзывание для жеребят); *морал: маралка-маралка; индюк: индя-индя; кабан: кабась-кабась; овца: овц-овц*. К последнему случаю, по-видимому, относятся и образования с сокращениями: *вечь-вечь, вец-вец, ечк-ечк* и т.д. Слова *гавка-гавка, гов-гов*, использующиеся для клича коров и быков, образованы от древнего обозначения коровы и быка: ст.-сл. говѕдо – бык. Наличие достаточно большой группы подзываний, образованных от названий животных косвенно указывает на их номинативный характер. В данном контексте очень интересным представляется изучение древних названий животных, которые могут быть представлены в подзывных словах. Об этом упоминал А.И. Германович: «междометия призыва и отгона

животных дают обильный материал для изучения их названий» [1961, с. 147, цит. по Кандаковой , 2003].

Попытка установить контакт с животным, завоевать его доверие, используя языковые средства, проявляется в диалектных подзываниях с переносом обозначений людей на животных: *детка-детка, дочь-дочь, ребяты-ребяты* (для подзывания свиней). Подобную тенденцию обнаруживаем в многочисленных случаях использования уменьшительно-ласкательных суффиксов: *либанька-либанька* (для подзывания овец), *малешенька-малешенька* (для подзывания коров), *масенька-масенька* (для подзывания коз), *журинька-журинька* (для подзывания поросят), *етенька-кец-кец* (для подзывания овец), *казоньки-казоньки* (для подзывания гусей), *котюшечка-котюшечка* (для подзывания ягнят) и мн. др.

Вопреки безоговорочному отождествлению некоторыми учёными подзывных слов и ономатопов [Шляхова, 2006, с. 9], заметим, что далеко не все из них связаны с ономатопоэтическим происхождением. Однако примарная мотивированность для данного типа лексики, безусловно, является одной из ведущих видов лексической мотивированности. Часть подзываний в словарях диалектной лексики снабжается специальной пометой, указывающей на их звукоподражательность: *бля*, междом. слово, которым подзывают овец; подражание крику овцы [СРНГ, 3, с. 33]. Такие образования вроде: *выть-выть* (для подзывания поросят), *гаги-гаги* (для подзывания гусей), *гач-гач* (для подзывания верблюда), *гук-гук* (для подзывания свиней), *гули-гули* (для подзывания голубей), *зють-зють* (для подзывания свиней), *тип-тип* (для подзывания цыплят), *фиу-фиу* (для подзывания лошадей), *чух-чух* (для подзывания свиней), *чуш-чуш* (для подзывания свиней), *чучук-чучук* (для подзывания собак), *лип-лип* (для подзывания цыплят), *зук-зук* (для подзывания свиней), *зып-зып* (для подзывания кур), *крёх-крёх* (для подзывания свиней), *кряки-кряки* (для подзывания гусей) и др., безусловно, являются примарно мотивированными образованиями, ономатопами.

Кроме того, в говорах встречаем подзывания с нетипичным для русского языка фонемным и звукосочетательным составом: *фса-фса, сса-сса, ссы-ссы, ссэ-ссэ, прсё-прсё, прфсё-прфсё, птпруко-птпруко, птре-птре, птрусё-птрусё, пфсок-пфсок, пц-пц, првень-првень, прженечка-прженечка, нц-нц, дзиги-дзиги, дзусь-дзусь* и т. д. Данные лексемы, без сомнения, примарно мотивированы, и отражают две тенденции, свойственные всем ономатопам. С одной стороны, человек, вступающий в контакт с животным, старается быть «понятым» за счёт попытки воспроизвести и повторить его характерные звуки, которым, порой, очень тяжело подобрать адекватный фонемный состав. С другой стороны, ежедневно повторяясь, данное образование внедряется в систему языка, становится словом, образует дериваты и т. д.

Некоторые диалектные подзывания, ономатопоэтического происхождения входят в состав словообразовательных гнёзд с большим количеством дериватов. Так, подзывные слова: *рюш-рюш, рють-рють* и т.д., по мнению учёных, восходящих к звукоподражанию, по-видимому, образованное от др.-рус. РЮТИ, сохранившегося в говорах: *рюти, рють* 1. ’реветь (о животных)’, 2. ’кричать (от боли)’, 3. ’плакать’ [СРНГ, 35, с. 328]. Далее обнаруживаем однокоренные (с точки зрения диахронии) образования: *рехать* 1. ’хрюкать’, 2. ’рычать, издавать глухое ворчание’, 3. ’сопеть, храпеть’, 4. ’кашлять’, 5. ’охать, стонать’, 6. ’реветь, кричать, громко и отрывисто говорить’, 7. ’обманывать, врать’ [с. 77], *рюхать* 1. ’хрюкать’, 2. ’реветь (об олене)’, 3. ’подзывать свиней’, 4. ’кашлять’, 5. ’чихать’, 6. ’крикнуть’, 7. ’ударить по воде палкой, пугая рыб’, 8. ’издавать треск, трещать’ и т. д. [с. 329], *рюхтеть* 1. ’хрюкать, визжать, подавать голос (о дом. животных)’, 2. ’шуметь, шевелиться’ [с. 330], *рюханье* ’хрюканье’ [с. 329], *рюха* ’свинья’ [с. 328], *рюшка* ’поросёнок’ [с. 330], *рють* ’звукоподраж. междом., употребляющееся для обозначения звуков, издаваемых свиньёй’ [с. 328] и т. д. Данное слово небесспорное в этимологическом отношении, некоторые связывают его с *рыть*, однако

А.Г. Преображенский связывает с *реветь*, считая акустический признак доминирующим [т. 2, с. 239].

Несмотря на то, что не все подзывные слова с этимологической точки зрения являются ономатопами, по своей сути их можно считать таковыми. На наш взгляд, такие подзывания представляют собой вторичные ономатопоэтические образования. Подзывные слова, как правило, редуплицированы, могут быть односложными, включать в себя нетипичные сочетания фонем, скопление согласных или гласных, что по структуре объединяет их с ономатопами. Но полностью отождествлять эти два явления нельзя в виду того, что в одном случае номинируется некая фонация, в другом – номинация животного. Поэтому, на наш взгляд, и ономатопы, и подзывные слова, и описанные в предыдущем параграфе глагольные междометия, – суть одно явление, проявление в языке примарной мотивированности. Указанные языковые образования по своей сути отражают попытку воспроизвести с помощью языковых средств звуковой облик той или иной реалии, опираясь на уже имеющиеся структурные и содержательные модели. Для глагольных междометий и подзывных слов, неономатопоэтических по своему происхождению, свойственно структурно организовываться по этим моделям и становиться ономатопами. На примере русских народных говоров мы видим, что процесс образования новых ономатопов живой и продуктивный.

Выводы

1. Ономатопы русского языка обладают маркированной в тексте, специфической структурой, которая поддаётся анализу и систематизации. Для словообразовательной структуры ономатопа характерно использование определённой деривационной модели: ономатопоэтическая основа (корень) + -к- + -а-.
2. Определённую роль в структуре ономатопа играет суффиксальный формант: являясь одним из средств лексикализации, а также деэтимологизации ономатопа, суффикс одновременно способен восполнить утраченный звукообраз. Для ономатопов русского языка характерен весьма ограниченный набор суффиксов.
3. Для ономатопов и литературных, и диалектных очень характерным является сочетаемость с формантами, обозначающими интенсивность. Этот факт, на наш взгляд, связан с тем, что для любой фонации одной из обязательных характеристик является интенсивность, которая может выражаться на семантическом (наличие определённой семы) и словообразовательном (наличие определённого форманта) уровнях.
4. Средствами создания звукообраза могут выступать и отдельные фонемы, поскольку они обладают ассоциативно-семантическим звукоэффектом, который ассоциативно связывают звучание реалии и его воспроизведение в речи. Участие отдельной фонемы в оформлении ономатопа не может быть значимым в семантическом плане, но значимо с точки зрения создания звукообраза.
5. В русском языке действуют две противоположные тенденции: лексикализация – переход ономатопа в лексико-семантическую систему языка, которая приводит к утрате звукообраза, затемнению внутренней формы, деэтимологизации лексемы; и отождествление неономатопоэтических образований как звукоподражательных. Данное явление широко распространено в говорах при образовании

и функционировании глагольных междометий и подзывных слов, этимологически не являющихся ономатопами, но отождествляемых со звукообразами на современном этапе. Подобное явление происходит за счёт структурных особенностей данных слов, поскольку и подзывные слова, и глагольные междометия обладают схожей с ономатопом структурой. Кроме того, образование новых звукоподражаний связано с прагматически направленным желанием человека в акте коммуникации проиллюстрировать описываемое явление, не только «рассказать» о фонации, но и «изобразить» её.

Глава III. Праславянская база русской ономатопеи

3.1. Основные деривационные модели праславянской ономатопеи

Ономатопея – термин многозначный. Это и совокупность звукоподражательных слов, и языковое явление, и раздел языкознания, изучающий данное явление. Ономатопея в современном русском языке представлена единицами, относящимися к звукоподражанию как части речи, а также их производными. Слов, имеющих помету «звукоподражательный», очень немного. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова их насчитывается 0,04% [ССРЯ, 1985]. Но ономатопея очень распространённое явление, если его рассматривать в диахронии, а, следовательно, с точки зрения этимологии и генеза. В нашем исследовании мы опираемся на мнение С.В. Воронина, который определяет ономатопею не с позиции синхронного изучения, а с точки зрения происхождения [1982, с. 22-23]. В связи с этим считаем необходимым, привлечь материалы праславянского языка, поскольку именно там берёт своё начало русская ономатопея по происхождению и этимологии. Для сравнения распространения данного явления мы проанализировали «Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд», где количество слов, имеющих помету «звукоподражательный», в процентном соотношении совсем другое [5, с. 10,14].

В таблице представлены лишь некоторые выборочные данные.

Табл.2

Выпуск словаря и начальная буква	Общее количество словарных статей	Количество звукоподражаний	Процентное соотношение
Выпуск 5, *d	588	22	3,74%
Выпуск 6, *ę - *g	526	17	3,23%
Выпуск 7, *g	485	18	3,7%
Выпуск 8, *x	560	45	8,04%
Выпуск 9, *k	494	12	2,43%
Выпуск 10, *k	350	25	7,14%
Выпуск 14, *l	599	60	10,01%

Эти данные свидетельствуют, с одной стороны, о большем распространении ономатопеи в более древнем периоде, а, с другой стороны, о необходимости учитывать этимологический и диахронический контексты при изучении и определении данного языкового явления.

Словообразовательные гнёзда

В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова насчитывается около 60 словообразовательных гнёзд с первичным звукоподражанием [ССРЯ, 1985]. В «Этимологическом словаре славянских

языков: праславянский лексический фонд» мы также выделили слова, относящиеся к одному словообразовательному ряду. Из проанализированного нами материала выделяются словообразовательные гнёзда в большинстве своём с первичным глаголом, реже – существительным: *duda, *dudačь, *dudarь, *dudati, *duděti, *duditi; или междометием *če-če, *čečera; *čekati, *čeklь(ъ), *čekotъ. Праславянские ономатопы организуются в двухчленные – семичленные и более словообразовательные гнёзда. В среднем каждый такой ономатоп имеет 5–7 производных. Основной способ словообразования – суффиксальный. Понятие суффикса по отношению к единицам праславянского языка весьма условно. Чаще используется термин «расширитель» [Черных, 1999] и др.

Для праславянских ономатопов характерны особые деривационные модели, часть из которых получили своё развитие и в русском языке. Первичным для праславянского ономатопа и его производных является междометие обозначенного характера: *l'u, *l'ul'ati, *l'ul'otati; *la-la, *lalakati, *laliti и т.д. По общему мнению исследователей, междометия звукоподражательного характера относятся к очень древнему пласту лексики, и поэтому многие из них были утрачены в связи с лексикализацией, т. е. переходом ономатопа в семантическую систему языка. По объективным причинам, указанные междометия в словаре встречаются нечасто. Поэтому основным для данных языковых образований является глагол, он явно имеет отмеждометный характер: *xrapati, *xrobati, *lepetati, *klopati, *dręběti, *čabrati, *gǫgnati (редуплицированная форма *gn) [ЭССЯ, 7, с. 81-82] и т. д.

Глагол

Праславянский глагол звукоподражательной природы по своей структуре производен: выделяется корень, расширитель и суффиксальная часть. В качестве расширителей используется -k-: *grukati, *krakati, *krękati, *grakati, *krekati, *klikati, *klekati и т. д. Расширитель может чередоваться

k//x, k//c: *gruxati, *groxati, *krexati, где, по-видимому, -x- является фонетическим вариантом -k-, что очень характерно для данной лексики как экспрессивной. Фонетическое чередование расширителя видим и в случае *ękati//ęcati. В большинстве случаев находим именно -k-. Данный формант обнаруживается в составе многих звукоподражательных слов. В русском языке он может быть представлен суффиксом глагола -к- (*мяукать, хрюкать, шушукать, хныкать, каркать, крякать, квакать, рявкать, тявкать, хрумкать* и т.д.); суффиксами глаголов и существительных, прошедших процесс переразложения, и осознаваемых как часть корня (*рыкать, рычать, звучать, бык, жук, рык*), где изменения к//ч связаны с палатализацией. П.Я. Черных указывает на то, что глаголы и некоторые существительные с формантами -к-, -ч- в русском языке главным образом звукоподражательные [т. 1, с. 125]. Это подтверждается множеством примеров. В лексемах: *аукать, балакать, бурчать, ворчать, журчать, звякать, фыркать, фырчать, грач, хрыч* и пр. - выделяется формант -k-, обозначаемый в словарях как расширитель. Ещё одним частым расширителем в звукоподражательных глаголах является чередующийся элемент st//sk//zg: *l'uskati, *leskati // *lezgati , *krěskati, *kleskati, *xl'ustati, *xrǪstati//*xrǪskati. Неустойчивость расширителя, как и в предыдущем случае, объясняют экспрессивностью звукоподражательной лексики.

Основной деривационной моделью для глаголов звукоподражательного характера является образование с глагольными суффиксами -a-, -i-,-ě- (первый более распространён). По мнению А. Мейе, праславянский инфинитив образовывался путём присоединения ti к формообразующему элементу, одному из трёх указанных суффиксов [2000, с. 195-196]. Поэтому, как мы видим, большинство звукоподражательных глаголов входило в тематические глагольные классы. Нетематический класс составляют немногочисленные ономатопы: *xropti и др. Для указанной лексики частотны и производные глаголы с -ota-, -ъta-: *l'ul'ati - *l'ul'otati, *l'uskati - *l'uščiti, *lapati - *lapiti - *lapotati - *laръtati, *leskati - *leskotati, *krexati -

*krexъtati, *krokati - *krokъtati, *klepati - *klepiti, *klokati - *klokotati, *klopati - *klopotati, *klekati - *klekotati, *xapati - *xapiti, *xlebati - *xlebъtati (*xleръtati), *xrapati - *xrapěti, *xręstati - *xręstiti - *xręstěti, *xripati - *xripěti, *xrQstati - *xrQstiti - *xrQstěti, *gQgnati - *gQgniti, *gъlčati - *gъlčiti, *ękati - *ękotati - *ękъtati, *gaměti - *gamiti. Многочисленные глагольные образования с -ota-, -ъta-, по мнению исследователей, имеют значение интенсивности [ЭССЯ, 15, с. 213 и др.].

Этот факт закономерен, так как любой глагол звукоподражательного характера в своём значении указывает на ту или иную фонацию, а степень её проявления может быть различной. Именно поэтому для таких глаголов характерны вторичные суффиксальные образования со значением интенсивности. Видимо, этим же можно объяснить и тот факт, что данные глаголы регулярно сочетаются ещё в праславянский период с суффиксом однократного действия -nQ-: *l'usknQti, *čeknQti и т. д.

Существительное

Существительные ономатопоэтического характера чаще всего являются отглагольными и образованы посредством самых различных суффиксов. Наиболее распространенный из них – суффикс -ot-: *kregotъ, *krekotъ, *klepotъ, *klokotъ, *kokotъ, *klopotъ, *klegotъ, *klekotъ, *xripota, *xripotъ, *xrobotъ, *xropotъ, *ękotъ. Такая словообразовательная модель, по-видимому, является характерной и специфической для данного типа лексики. В большинстве случаев наблюдается использование суффиксов, свойственных праславянским существительным в целом:

1. -j-: *leščь, *krečь, *kričь, *xl'ušči, *dleščь и т.д. А. Мейе отмечает продуктивность этого суффикса [2000, с. 288];

2. с нулевой суффиксацией: *l'uxa (*l'uxъ), l'upa, *lapa, *leska, *krękъ, *krekъ, *krěskъ, *kleskъ, *klikъ, *grakъ, *xrQstъ, *gъlkъ(a), *gaga, *gamъ, *gava;

3. с суффиксом -ьk-: *kračьka, *krečьkъ, *харъka;

4. более редкие суффиксы: -yrь-: *lapyrь; -uxa-: *lepetuxa; -ьlь-: *drozdьlь; -ačь-: *dudačь; -arь-: *dudarь; -adь-: *leščadь; -ukъ-: *kan'ukъ и т.д. Суффиксы -j-, -ačь-, -arь- имеют значение «имя деятеля» [Мейе, 2000, с. 288], [ЭССЯ, 5, с. 146, 147].

Редупликация

Как словообразовательное явление редупликация является загадкой для лингвистов. Ещё А. Мейе указывал на неясность удвоения в славянских языках [2000, с. 300]. Но редупликация очень характерна для ономатопов многих языков. Например, она характерна для звукоподражательных междометий немецкого языка [Матасова, 2006, с. 51]. В современном русском языке редупликация также весьма распространённое явление для ономатопеи. Ономатоп очень часто представляет собой сплошной корень, в диахронном аспекте иногда включающий древние аффиксы. Структура корня отличается слабым вокализмом и, как следствие, односложностью *(чмок, трах, бац, клац, хрю, гав, шмыг, тьфу, хлоп, мням, ам* и т.д.). Многосложная структура появляется часто именно за счёт редупликации, иногда с чередованием вокализма (*дин-дон, хи-хи, хрю-хрю, цып-цып, топ-топ, кар-кар, бим-бам, пиф-паф* и др.). Данный словообразовательный процесс – частое явление и для диалектных ономатопов: *белебенить (бел-бен), балабонить (бал-бон), долдонить (дол-дон)* и др. [СРДГ, т. 1.]. В диалектной фразеологии встречаем пример редупликации как средства создания изобразительной мотивации: *~Гудеть гудма*, где за счёт повторяющегося элемента гуд-гуд, создаётся эффект назойливого шума. Особенно часто удвоение распространено среди диалектных звукоподражательных междометий и подзывных слов: *быр-быр, дзок-дзок, вули-вули, гач-гач, го-го-го* и др.

Рассматривая данное явление в диахронии, а, следовательно, обращаясь к праславянской лексике, находим хрестоматийные примеры: *bolbol- (балаболить), *golgol- (глаголить), *tortor- (тараторить) и некоторые другие. Обращение к материалам словаря позволяет существенно расширить количество примеров. Чистое удвоение характерно для праславянских междометий: *če-če, *la-la, *l'u-l'u, *ga-ga и др.; некоторых существительных: *gaga, *gorgor, *kolkol; существительных и глаголов: *kokotъ, *kokotati, *xorxoriti, *xQxnati, *gQgnati, *dьrdoriti и др. Встречается и частичная редупликация: *l'ul'ati, *duda и др. Но всё же, редупликация как словообразовательное средство достаточно слабо представлено в системе праславянских ономатопов, что лишний раз подтверждает слова А. Мейе о её изолированности и неясности [2000, с. 300].

Из проанализированных словообразовательных явлений продуктивным на период праславянского языка, на наш взгляд, является деривационная модель образования глаголов с суффиксами -ota-, -ъta- и -nQ-. А также модель образования глаголов и существительных с формантом -k-.

3.2. Основные лексические характеристики праславянских ономатопов

Выделение значения праславянских ономатопов проблематично, а потому оно, как правило, не фиксируется в этимологических словарях. Значение может быть выделено лишь на основе данных в современных славянских языках. В нашем исследовании тематическая классификация ономатопов будет основываться на фактах современных славянских языков. В связи с этим мы считаем целесообразным, использовать термин «значение» в отношении праславянских ономатопов как некую ментальную базу, празначение, которое послужило основой для развития современных значений. В связи с этим нами было отобрано 130 ономатопов из «Этимологического словаря славянских языков: Праславянский лексический фонд». Данные единицы образуют тематические группы, которые отражают восприятие человеком звучащего мира. Один ономатоп может входить в различные группы, что связано с лексическими изменениями.

1. «Лингвофоны»: включает ономатопы, *lalakati ’говорить невнятно, напевать la-la’, *laliti ’говорить вздор’, *lepetati ’быстро говорить, лепетать и др.’, *kokotati/ kokъtati ’лепетать, болтать’, *lepiti ’болтать чепуху и др.’, *leskotati ’говорить громко, резко и др.’, *xlystati/ xlyskati ’врать’, *lezgotati ’пустословить и др.’, *groxati ’громко говорить и др.’, *gukati ’вскрикивать, отрывисто говорить, звать’, *gъrčati ’галдеть, ворчать и др.’, *gykati ’вскрикивать и др.’, *gakati ’едва подавать голос и др.’, *xǫxnati ’гнусавить’, *krečati ’кричать’, *kregotati/ kregъtati ’бубнить’, *dьrdoriti ’болтать, бормотать’, *govorъ ’речь, говор’, *gǫgnati ’говорить в нос, гнусавить’, *grajati ’говорить’ и мн. др.

2. «Зоофонации»:

2.1 Ономатопы, обозначающие птиц и их фонации: *lelikъ ’козодой, кваква, ночной ворон’, *grakъ ’карканье, грач, ворон, ворона’, *groxati

’ворковать и др.’, *gukati ’ворковать’, *gykati ’кричать по-лебяжьи и др.’, *gagati ’кричать по-гусиному’, *gakati ’каркать и др.’, *gaga ’вид утки, грач и др.’, *gava ’ворона и др.’, *kračiti ’кричать (о птицах), каркать’, *kračьka ’водяная ласточка дикая утка, водоплавающая птица, крачка’, *kraky / krakъva ’дикая утка, ворон’, *kokotati/ kokъtati ’издавать ко-ко-ко, кудахтать’, *krečati ’кудахтать, крякать’, *krakati ’кудахтать’, *kręčetъ ’кречет’, *krečь ’чибис’, *krečьkъ ’коростель’, *krexъtati / krexъtěti ’каркать’, *dleskъ ’птица дубонос, птица Coccothraustes’, *drozdъ ’дрозд’, *dudъkь ’удод’, *grajati ’каркать’ и мн. др.

2.2 Ономатопы, обозначающие животных и их фонации: *krečati ’квакать’,*krakati ’квакать’, *krečь ’хомяк’, *krečьkъ ’хомяк’, *kregotati/ kregъtati ’квакать’, *krexati ’хрюкать, квакать и др.’, *xoměkъ /xomikъ ’хомяк’, *krekъ ’лягушачья икра’, *komonь ’конь’ и мн. др.

2.3 Ономатопы, обозначающие насекомых и их фонации: *krečь ’кузнечик’, *xl’uščь ’насекомое-паразит на капусте, клещ’, *xrobakъ ’жук, личинка червя’ и др.

3. «Антропофоны»: здесь выделяется несколько подгрупп. Фонации, выражающие эмоциональное состояние человека: *ękati /ęcati ’ругать, стонать, рыдать’, *ękotati / ękъtati ’вопить, стенать’, *galati ’смеяться, шутить’, *klъkati ’хныкать’, *klekotъ ’хохот’, *xa-xa ’междометие радости, удивления, страха’, *xQxnati ’хулить, осмеивать’, *xlipati ’плакать, жалобно рыдать’, *xl’upati ’плакать и др.’, *grajati ’громко смеяться’, *kovykati ’плакать, горевать’, *gvizdati ’свистеть’ и т.д. Фонации, обозначающие физиологические процессы: *krexati ’кашлять’, *xrapěti ’храпеть’, *xrapati ’храпеть’, *kašьlь ’кашель’, *xripota ’хриплость, кашель’, *xropotъ ’хрип, заложенность груди’, *jьkati ’икать’, *krokoriti ’тяжело дышать, хрипеть’, *čixati ’чихать, рвать (о рвоте)’, *xamati ’зевать’ и др. Фонации, связанные с приёмом пищи и производные: *xlebati ’хлебать, есть’, *xlebetati/ xlebъtati/

xleръtati ’жрать, хлебать, лакать, шумно пить и др.’, *xlipati ’пить, шумно хлебать’, *xl’upati ’издавать чавкающие звуки’, *xlystati/ xlyskati ’хлебать, пить’, *kl’ukati ’насильно кормить, пить, пьянствовать’, *labati ’лакать, торопливо есть’, *lapati ’пожирать, лопать’, *lepoti ’хлебать, жадно пить’, *l’uxati ’жадно пить’, *xrobati ’жадно есть’, *xrQstati/ xrQskati ’грызть’, *xrupati ’жевать с хрустом, есть’, *хълbati/ хълbiti ’жадно есть и др.’, *xlapati ’чавкать и др.’, *xlamati ’жадно есть, пить большими глотками (о скотине)’, *xamati ’есть’, *харъka ’глоток, кусок, объедок’ и т.д. Фонации действия, сопровождающего труд (охоту, рыболовство, производство и т.д.) и производные: *čužiti/ čužati ’обдирать (например, кукурузу) и др.’, *čikati ’резать ножницами’, *čekati ’тыкать, колотить’, *dryzgati ’сжимать, жать, толкать’, *drusati ’трясти и др’, *drozgati ’месить, толочь, давить,’, *kl’ukati ’давить и др.’, *xlępati ’мять лен’, *lapati ’хватать, ловить и др.’, *klukati ’толочь, мельчить’, *xlaskati/ xlastati ’толкать, швырять, метать’, *gruxati ’толочь зерно, боронить, мять’ и др. Фонации, связанные с перемещением в пространстве: *хълtati ’шляться, бродить’, *ęgati ’быстро идти и др.’, *xapiti ’торопиться, прятаться’, *xapati ’бежать и др.’, *xlębati ’кататься, шататься’, *xlystati/ xlyskati ’шататься по дворам’, *drusati ’бежать рысью и др’, *čabriti ’блуждать, бродить’ и др. Фонации, связанные с манипуляциями с предметами: *lepiti ’бросать снежками’, *xapati ’хватать’, *xlaskati/ xlastati ’толкать, швырять, метать’, *ękati/ ęcati ’бросать’, *gabati ’брать, хватать и др.’, *xvъrliti/ xvъrl’ati ’бросать, швырять’ и др.

4. «Натурофонации»: в современном русском языке эта группа во многом соответствует лексике звучания. Она включает в себя несколько подгрупп. Фонации, издаваемые с помощью предметов и производные: *xlebetati/ xlebъtati/ xleръtati ’скрежетать и др.’, *xlěstati/ xlestati/ xlostati ’благовестить’, *xlępati ’бренчать и др.’, *xlębati ’бренчать’, *kregotъ ’скрип’, *krexati ’трещать’, *krikati ’скрипеть и др.’, *groxati ’грохать, стучать’, *grukati ’брякать, стучать, греметь’, *ękotati / ękъtati ’гудеть, греметь’, *ękotъ ’гул’,

*lepetati ’издавать тонкий, шелестящий звук’, *lezgati ’производить лязг’, *xręstati ’стучать, хрупать и др.’, *xrobotъ ’шум, стук, шорох, треск, скрежет, хруст’, *dręběti ’дребезжать’. Фонации, связанные с водными объектами и производные: *kokotati/ kokъtati ’кипеть и др.’, *xlapati ’шлепать по воде, брызгать’, *lupati ’о сильном дожде, мочить, пачкать’, *l’ul’otati ’булькать, журчать’, *l’ul’ati ’мочиться в детской речи’, *l’u(l’u) ’подражание льющейся воде’, *l’uxa/ l’uxъ ’бурда, жидкий суп’, *leščь ’лещ’, *lepetuxa/ lepetuša ’жидкая грязь, болтунья, водка’, *lepoti ’взбалтывать’, *krexъtati / krexъtěti ’бурлить, клокотать’, *xlepati ’журчать (о ручейке)’, *xl’upati ’ходить по лужам и др.’, *xl’ustati/ xl’uskati ’бить в окна (о воде), плескать, бить струей, плюхаться’, *čabrati ’плескаться в воде’, *xl’uščь ’что-либо мокрое, гололед, струя дождя’ и др. Фонации, связанные с явлениями природы и производные: *gorgorъ ’шум, гул’, *xъlbati/ xъlbiti ’дуть (о ветре)’, *xъlpiti ’(о ветре и тяге) тихо дуть, холодить во время жары’, *ligotati ’мерцать, блестеть, сиять’, *gъlkъ ’гул, эхо и др.’.

5. «Технофонации»: *čukati ’бить, колотить, дробить’, *čukъ ’молот’, *čikati ’бить, высекать искры’, *dupati ’пробивать’, *gruxati ’стучать, колотить’, *l’uxati ’ударять’, *klepati ’колотить, бить, отбивать (косу) и др.’, *drozga ’металлический шлак, окалина, черепки’ и т.д.

6. «Незвуковой объект»: данная тематическая группа включает ономатопы, обозначающие незвучащие реалии. Часто это связанно с метафоризацией, поскольку такие номинации нетипичны для описываемого материала. *krekъ ’ряска’, по данным БСЕ: род многолетних трав семейства рясковых, растущие в пресных стоячих или медленно текущих водоёмах. Данная реалия не производит никаких фонаций, а, следовательно, указанное значение явно вторично и, возможно, основывается на базе других значений ’лягушачья икра’, ’кряканье’ и др. Связь данных объектов вполне закономерна, во-первых, ряска может являться кормом водоплавающих птиц, во-вторых, средой произрастания ряска связана с лягушками и

водоплавающими птицами. Наиболее вероятная связь: ’лягушачья икра’ − ’ряска’, так как самый «громкий» период для лягушек – это время метания икры, которое нередко происходит именно в местах бурного разрастания ряски. *gvizdati ’томиться в ожидании’ связан с ’свистеть’, т. е. ’ничего не делать, не быть занятым’ и т.д. *xlepati ’влюбляться’, не вполне ясный случай, связь с другими значениями этого слова не обнаруживается, например, с ’журчать (о ручейке)’. *lelejati, *lelěti ’холить, нежить’, видимо, связано с ’качать’, где реализуются представления: качать колыбель – заботиться – относиться с лаской и т. д. *čerьsь ’головной убор’: по мнению авторов, название связано с терминологией молотильного цепа [ЭССЯ, 4, с. 56]. *lapa ’нижняя часть ноги парнокопытных, лапа, морда, рот’, является производным от *lapati ’хватать, ловить, пожирать, лопать, жрать’. Авторы словаря считают данное слово экспрессивным звукоподражательным образованием, семантика которого включает и хватание руками, и хватание ртом, что и объясняет данные значения [14, с. 28]. В целом, среди ономатопов встречаются подобные единицы, которые, на первый взгляд, называют незвуковой объект. Так, некоторые названия рыб, трав, кустарников, деревьев восходят к праславянской ономатопее: *leščь ’лещ’, *dleščь ’лещ’, объясняется характерным звуком плеска. Для индоевропейских языков, по-видимому, происхождение названия рыбы из ономатопеи - не уникальный случай, по данным СЭСГЯ: анг. fish, нем. Fisch восходит к ономатопеи и обнаруживает родство с русс. пескарь (из пискарь) [СЭСГЯ, с. 78]. *xvorstъ ’куст, тальник, зелёные верхние листья на капусте’, наименование связано с хрустом сухих веток, молодой травы и т. д. *klokočь ’кипение, бурление, святое дерево, синяя ясень и т.д.’, авторы словаря предполагают следующее семантическое развитие: бурление – пышное растение [ЭССЯ, 10, с. 63-64].

«Незвуковой объект» - достаточно обширная и многочисленная группа, если рассматривать это явление в диахронии. Как нами неоднократно было

отмечено, ономатопы обладают огромным словообразовательным потенциалом, и, по-видимому, проявляется это достаточно рано. Поэтому представляется возможным проследить, как один древний звукоподражательный корень даёт разветвлённую систему значений, реализующихся в его современных производных. Не раз была отмечена особая роль индоевропейских звукоизобразительных корней *(s)kel-, *(s)kol-, *kl- со значениями ударять, бить, рубить, резать, протыкать, распарывать, отделять [Откупщиков, 1967], [Шляхова, 2006] и др. В русском языке данный корень даёт: *колоть, колода* (в СРНГ это слово имеет 48 значений ’прорубь’, ’лодка’, ’гроб’ и мн. др.), диал. *колотьё* ’убой скота’, *скалозуб, скала, щель, класть* и мн. др. Если говорить о нетипичных для ономатопов значениях, то на этот счёт существует оригинальное мнение фоносемантиста С.С. Шляховой, которая в одной из своих статей доказывает представленность такого абстрактного понятия, как вселенная, на звукоизобразительном уровне русских инстантов (ономатопов удара) [2006].

На наш взгляд, наличие данной тематической группы есть проявление особенностей и специфики ономатопеи как примарно мотивированного языкового образования. Именно об этом в своих исследованиях говорит С.С. Шляхова: «Именно исследования, связанные с фоносемантической этимологией, позволяют установить, что ономатопы (и особенно звукосимволические слова) развивают множество значений вплоть до самых абстрактных, обладают высокой словообразовательной продуктивностью и отличаются широкой сферой бытования»[2006].

Как было отмечено ранее, один и тот же ономатоп может входить в различные тематические группы.

Как мы видим в Приложении, большое количество слов имеют лексические включения в различные тематические группы. Большинство ономатопов входят только в одну тематическую группу. Только 4,7% исследуемых ономатопов входят в три тематические группы.

Представленный материал позволяет выявить некоторые закономерности и особенности развития значений праславянских ономатопов. Группа «Лингвофонации» часто соотносится с подгруппой «Птицы и их фонации» (7 случаев). Данное явление встречаем и в русском языке и речи. Например, *каркать, гоготать, крякать* и пр. Первая группа также соотносится с подгруппой «Животные и их фонации» (2 примера), как *лаять, гавкать* и др.; с группой «Антропофоны» (3 примера). Достаточно хорошо подобное явление встречается в донских говорах: *звигать.* 1.'лаять (о собаке)', 2. перен. 'говорить', *квоктать* 1.'кудахтать (о курах)', 2. перен. 'ворчать' [СРДГ, 1976]. Неоднократно оно зафиксировано и в «Словаре русских народных говоров»: *каркать* 1. 'гоготать (о гусе), 2. неодобр. 'кричать или громко говорить', 3. 'ссориться, перебраниваться', 4. 'умирая, хрипеть в предсмертных муках' [СРНГ, 13, с. 92], *блекотать* 1. 'блеять (об овце)', 2. 'говорить быстро, невнятно, неразборчиво', 3. 'много говорить, болтать; пустословить, говорить вздор', 4. 'греметь чем-либо, брякать', 5. 'громко плакать' [СРНГ, 3, с. 18]. В последнем примере четвёртое значение полисеманта ономатопоэтического происхождения отражает пересечение первой тематической группы с группой «Натурофонации» (3 ономатопа). И подобное явление – не редкость для говоров. *Брякалка* 1. 'какой-либо предмет, которым стучат, брякают', 2. 'деревянная колотушка, которой «брякали» ночные сторожа, давая знать, что они бодрствуют', 3. 'колокольчик в упряжке', 4. 'о женщине, говорящей грубо, неразборчиво', 5. 'о человеке, постоянно болтающем вздор, пустяки', 6. 'о человеке, говорящем без умолку' [СРНГ, 3, с. 228-229]. Типичным для русского языка является пересечение первой группы с группой «Антропофонации», и только два примера из исследуемого материала. В современном русском языке можно было бы предположить отчасти закономерную цепочку развития значений: удар→резкое слово. Но, как нам кажется, в данном случае видим образование переносного значения по аналогии: *бахнуть* 1. 'издать сильный низкий звук или раздаться', 2. 'с шумом ударить, стукнуть,

выстрелить’, 3. перен. ’необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-л., чего не следует делать’ [МАС, т. 1, с. 65], *бацнуть* 1. разг. ’издать резкий отрывистый звук или раздаться’, 2. разг. ’сильно ударить’, 3. прост. ’неожиданно сказать что-л. неуместное или резкое, грубое’ [с. 65-66], *бухнуть*[1] 1. ’издать глухой отрывистый звук или раздаться’, 2. ’с глухим шумом и силой бросить, уронить что-либо или ударить и т. п.’, 3. ’то же, что бухнуться’, 4. перен. ’необдуманно, неожиданно сказать, сделать что-л., чего не следует делать’ [с. 128].

Для второй тематической группы также свойственны некоторые пересечения. Три случая из представленного материала отражают связь с группой «Натурофонации». В говорах находим подобные пересечения: *крикать, крыкать* 1. ’говорить громко, на повышенных нотах; кричать’, 2. ’издавать резкие отрывистые звуки (о крике ворона, лебедя, гуся), 3. ’хрюкать’, 4. ’скрипеть’ [СРНГ, 15, с. 254].

Наиболее многочисленные для праславянских ономатопов (7 и 4 примера) пересечения связаны с группами «Антропофонации» и «Натурофонации». В русском языке подобных соответствий немного.

Таким образом, можно говорить о некоторых параллелях развития значений славянских ономатопов древности и современного языка. Данные образования обладают большой способностью к производству новых значений, что, как думается, связано с их словообразовательной продуктивностью, которая не раз отмечалась учёными. Например, С.С. Шляхова считает, что 10% от основного (продуктивного) словообразовательного фонда русских корней составляет ономатопея [2006, с. 12]. Как нам кажется, основные лексические характеристики и праславянских, и русских ономатопов основываются на их специфике как языкового образования. Отсутствие категориальной и семантической дифференцированности сказывается на способности к образованию новых значений и дериватов. Кроме того, звуковые оболочки ономатопов во многом

условны, а это дает большие вариации для обозначения различных звуков и понятий.

3.3. Лексическое развитие праславянских ономатопов в русском языке

Большое количество ономатопов русского языка берёт своё начало в праславянскую эпоху. Н.М. Шанский называет такую лексику общеславянской, относя её к периоду существования славянской языковой общности [1959, с. 170]. Учёный выделяет основные тематические группы слов, имеющих общеславянское происхождение, среди которых частотна ономатопоэтическая лексика [с. 173-174]. Развиваясь, претерпевая множество фонетических и семантических изменений, древний ономатоп становится частью современной языковой системы. Как и любое другое языковое образование, ономатопея отражает и моделирует представления людей о мире, прежде всего, звучащем. Известный лингвист, историк, славист О.Н. Трубачёв не раз отмечал важность изучения языка для понимания культуры, но ещё более важным, по его мнению, является углубление в древность [2003, с. 170]. Поэтому, подчеркнём ещё раз, обращение к праславянскому языковому материалу позволяет нам рассмотреть ментальную подоплёку возникновения русской ономатопеи, выделить основные пути её развития.

Выделенные в предыдущем параграфе тематические группы, на наш взгляд, необходимо рассмотреть с точки зрения их семантического развития и представленности в русском языке.

3.3.1. Лингвофонации

Выделенная группа включает большое количество ономатопов праславянского и русского языков. Мы рассмотрим и проанализируем три праславянских корня, образующие в русском языке наиболее многочисленную группу производных. Для анализа используются бесприставочные ономатопы современного русского литературного языка и говоров, некоторые из них выступают как словообразовательные и семантические диалектизмы.

*bol(bol)-: в русском языке корень очень распространён как в удвоенном виде, так и как часть словосложения. Хрестоматийный пример редупликации представлен следующими образованиями: *балаболить* ’говорить пустяки, болтать’ [МАС, т. 1, с. 56]*, балаболить* 1. ’сплетничать’, 2. ’шататься, слоняться по домам без дела’, 3. ’идти неправильно (о часах)’, 4. ’трезвонить, стучать, бренчать’ [СРНГ, 2, с. 65], *балаболка* 1. ’украшение в виде висячей кисточки, подвеска, висюлька’, 2. ’болтун, пустой человек’ [с. 56-57], *балаболка* 1. ’колокольчик, привязываемый на шею пасущимся коровам и лошадям’, 2. ’непостоянная, ветреная женщина, любящая ходить по чужим людям’, 3. ’бездельник, бездельница’, 4. ’человек, непостоянный в своих словах, болтун, пустомеля, пустой человек’, 5. бранно ’чурбан, дурак, неотёсанный человек’, 6. ’человек, говорящий быстро и невнятно’ [с. 66], *балабол* ’болтун, пустомеля’ [с. 65], *балабола* 1.’болтун, болтушка, пустомеля’, 2. ’шалун, озорник, резвый ребёнок’, *балабольный* ’пустой, вздорный’ [с. 67], *балабольчик* ’побрякушка, колокольчик’ [с. 67], последнее слово, по-видимому, образованно по аналогии с *колокольчик.* В указанных выше лексемах, присутствует редупликация корня. *Балабонить* и т. д., по всей видимости, также образованы от удвоения, но с чередованием л//н диссимилятивного характера. *Балабонить* ’болтать’ [МАС, т. 1, с. 57], *балабон* ’болтун’ [с. 57], *балабонить* 1. ’звонить в колокола, трезвонить’, 2. ’быстро говорить’, 3. ’плакать с криком’, 4. ’пустословить, говорить вздор, пустяки, шутить, болтать’, 5. ’разносить вести, разглашать что-либо’, 6. ’шататься, слоняться, бездельничать’, ’воровать’ [СРНГ, 2, с. 67], *балабон* 1. ’колокольчик, привязываемый на шею пасущимся коровам и лошадям’, 2. ’колокол’, 3. ’болтун, пустомеля’, 4. ’индюк’ [с. 67], *балабонка* 1. ’человек, говорящий быстро и невнятно’, 2. ’бездельник, бездельница’ [с. 67-68], *балабончик* ’бубенчик, колокольчик’ [с. 68]. В «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова находим следующую цепь производных: *балаболить, балаболка, балабонить, балабошить, балабошка* [т. 1, с. 81]. Как и в случае с *балабонить,* этимологически к *балаболить*

относятся *балабошить* и *балабосить*, возможно, с экспрессивно обусловленным чередованием. *Балабосить* ’пустословить, говорить вздор, пустяки’ [СРНГ, 2, с. 68], *балабошить* ’говорить пустяки’ [с. 68].

Нередуплицированный вариант корня *bol- представлен следующими образованиями в русском языке: *балакать* ’то же, что болтать[2]’ [МАС, т. 1, с. 57], *балака* ’болтун, говорун, болтунья, говорунья’ [СРНГ, 2, с. 69], *балаканье* ’болтовня, пустой разговор’ [с. 69], *балакарь* ’болтун, говорун’ [с. 69], *балакать* 1. ’говорить хорошо, толково, правильно’, 2. ’говорить непонятно, неразборчиво’ [с. 70], *балакирь* 1. ’шутник, весёлый расказчик’, 2. ’прозвище низкорослого человека, коротышки’ [там же], *балакуха* ’болтунья’ [там же], *балакучий* ’болтливый, говорливый’ [там же]. К данной группе слов относится *балалайка*, по мнению большинства учёных, образованное как контаминация звукоподражательного элемента *бала* и *баять, лаять* [Черных, т. 1, с. 67], [Фасмер, т. 1, с. 113], [КЭСРЯ, с. 27] и др. В говорах обнаруживаем: *балалайка* ’пустые речи, вздор’ [СРНГ, 2, с. 70].

Ещё более обширную группу ономатопов восходящих к праславянскому корню *bol-, составляет его нередуплицированный вариант в составе сложных слов, как, например, выше описанное *балалайка.* Многочисленные примеры, характерные для литературного языка и говоров, образованы путём словосложения, первым элементом которых является *бала*. *Балагур* ’весёлый говорун, шутник’ [МАС, т. 1, с. 57], *балагурить* ’говорить весело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами’ [с. 57], *балагурство* ’весёлая болтовня, шутки’ [с. 57]. В Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова описана следующая цепь производных: *балагурить, балагурство, балагур, балагурка, балагурный, побалагурить, набалагурить, набалагуриться, пробалагурить, сбалагурить* [ССРЯ, т. 1, с. 70]. *Балагур* ’шалун, озорник’ [СРНГ, 2, с. 69], *балагурка* ’женск. к балагур’ [с. 69], *балагурничать* 1. ’балагурить, заниматься болтовнёй, а не делом’, 2. ’любезничать с подругой’ [с. 69], *балагуры* 1. ’шутки, враньё’, 2. *балагуры вести* ’любезничать с подругой’ [с. 69]. Данные ономатопы восходят к

словосложению, оба элемента которого звукоподражательны: *балаболить* и *гуркать* (*говорить*) [Фасмер, т. 1, с. 112], [КЭСРЯ, с. 27] и др. По-видимому, как аналогичное образование возникло диалектное слово *балабур* ’тот, кто невнятно говорит, косноязычный’ [СРНГ, 2, с. 68], где мы видим словосложение: *балаболить* и *бурчать*. Говоры особо богаты подобными образованиями с начальным *бала*-: *баламожить* 1. ’дурачиться, беспокоить’, 2. ’скручивать, свёртывать из прутьев’ [с. 71], *баламожник* ’тот, кто дурачится’ [с. 71], *баламожный* 1. ’беспокойный’, 2. ’придурковатый’ [с. 71], *балакрысина* ’непоседа, легкомысленный, ветреный человек’ [с. 70], *баламыга* 1. ’бездельник, лентяй, праздношатающийся человек’, 2. ’пустослов, болтун’ [с. 72], *баламыка* ’бездельник, лентяй’ [с. 72], *баламыкаться* ’суетиться’ [с. 72], *балахвост* ’бездельник’ [с. 74], *балахвостить* 1. ’бездельничать, тунеядствовать’, 2. ’сплетничать’, 3. ’говорить, кричать’ [с. 75], *балахлыст* 1. ’лентяй, гуляка’, 2. ’лгун, наглец’, 3. ’работник, не справляющийся со своей работой’ [с. 75], *балахлыстить* ’бездельничать’ [с. 75], *балахрылничать* ’шататься без дела’ [с. 76], *балахрыст* ’бездельник’ [с. 76], *балахрыстка* 1. ’женск. к балахрыст’, 2. ’легкомысленный, ветреный человек, непоседа’, 3. ’болтунья, сплетница’, 4. ’женщина дурного поведения’, 5. ’бранное слово’ [с. 76], *балахрыстничать* 1. ’бездельничать’, 2. ’беспутничать, легкомысленно вести себя’, 3. ’баловаться, шалить, озорничать’ [с. 77], *балахрысья ивановна* ’бездельница, озорница’ [с. 77], *балафыска* ’лгунья’ [с. 77], а также схожими образованиями, вроде: *балантресить* ’пустословить’ [с. 74], *балантресничать* ’шутить, балагурить, болтать’ [с. 74], *балантряс* 1. ’бездельник, лентяй, повеса’, 2. ’шутник, балагур’ [с. 74], *балантрясить* 1. ’бездельничать, уклонятся от работы’, 2. ’шутить, балагурить, болтать’ [с. 74] и др. Данные диалектные ономатопы образованы аналогичным способом, отличаются большой вариативностью, что связано с их экспрессивностью и эмоциональностью. Описываемая группа слов могла бы быть дополнена многочисленными производными *баламутить,* но, по мнению большинства

учёных, это заимствование из монгольского, на русской почве совпавший с многочисленными образованиями на *бала-* [Черных, т. 1, с. 67], [Преображенский, т. 1, с. 14], [КЭСРЯ, с. 27].

Другой праславянский корень данной тематической группы также получил широкое распространение в русском языке: *lepetati. *Лепет* 1. ’неправильная, несвязная, неясная речь (ребёнка)’, 2. ’лёгкий шум, неясные звуки чего-л.’ [МАС, т. 2, с. 175], *лепетать* 1. ’говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях)’, 2. перен. ’издавать тихие, неясные звуки – шум, шелест’ [с. 175], *лепетание* ’действие по глаг. лепетать, а также звуки этого действия’ [с. 175], *лепетун* ’тот, кто много лепечит, болтает’ [с. 175], *лепетунья* ’женск. к лепетун’ [с. 175]. Богатый материал встречаем в говорах: *лепета* ’о том, кто говорит невнятно, неясно’ [СРНГ, 16, с. 361], *лепетайло* ’язык’ [с. 361], *лепетало* ’о болтливом человеке’ [с. 361], *лепетать* 1. ’говорить быстро и без толку, болтать вздор, чепуху’, 2. ’говорить не но русском языке’ [с. 361], *лепетливый* 1. ’разговорчивый, болтливый’, 2. ’несправедливый’ [с. 362], *лепетун* 1. ’говорун’, 2. ’косноязычный человек, мямля’ [с. 362], *лепетунок* ’ум.-ласк. к лепетун в 1 значении’ [с. 362], *лепетунья* ’женск. к лепетун’ [с. 362], *лепетуха* ’говорунья, болтунья’ [с. 362], *лепетуша* ’то же, что лепетунья’ [с. 362], *лепетя* ’пустомеля’ [с. 362], *лепечайло* ’язык’ [с. 363], а также с переогласовкой в корне или как контаминация лепет- / лопот-: *лепотун* ’о том, кто говорит неясно, неразборчиво’ [с. 366] и др.

Также получил в русском языке широкое распространение праславянский ономатоп *govorъ. *Говор* 1. ’звуки разговора, речи’, 2. ’молва, слухи, толки’, 3. ’манера говорить, произносить’, 4. ’местная разновидность территориального, областного диалекта’ [МАС, т. 1, с. 322], *говорильня* ’собрание, учреждение, где произносятся слишком длинные бесплодные речи’ [с. 322], *говорить* 1. ’пользоваться, владеть устной речью’, 2. ’выражать в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т. п., произносить что-либо’, 3. ’вести беседу, разговаривать’, 4.

’свидетельствовать о чём-л., указывать на что-л., быть доводом в пользу чего-л.’, 5. перен. ’сказываться, проявляться в чьих-л. действиях, поступках, словах’ и т. д. [МАС, т. 1, с. 322-323], *говорение* ’действие по глаг. говорить’ [с. 322], *говориться* 1. ’произносится’, 2. ’о наличие желания, настроения говорить’, 3. ’страд. к говорить’ [с. 323], *говорливый* ’любящий поговорить; разговорчивый, словоохотливый’ [с. 323], *говорок* 1. ’умен. к говор в 1 знач., негромкая речь’, 2. ’то же, что говор в 3 знач.’ [с. 323], *говорун* ’тот, кто любит поговорить’ [с. 323], *говорунья* ’женск. к говорун’ [с. 323], *говоруха* и *говоруша* ’то же, что говорунья’ [с. 323]. В Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова слово *говорить* насчитывает 232 производных. В говорах также встречаем: *говора* 1. ’разговор, беседа’, 2. ’язык’ [СРНГ, 6, с. 255], *говоренный* ’обещанный’ [с. 255], *говореньице* ’способность говорить’ [с. 255], *говореть* ’говорить’ [с. 255], *говоривливать* ’говаривать’ [с. 255], *говорила* ’человек, который говорит по делу’ [с. 255], *говорильщик* ’человек, читающий псалтырь над покойником’ [с. 255], *говористый* ’речистый, красноречивый, разговорчивый’ [с. 255], *говорить* 1. ’пояснительное слово при передаче прямой речи’, 2. ’пересказывать, растолковывать что-либо’, 3. ’о птицах – петь, щебетать, каркать’ [с. 255-256], *говорички* ’разговоры, толки’ [с. 256], *говорка* 1. ’разговор, беседа’, 2. ’молва, слухи’, 3. ’манера говорить, произношение, выговор’, 4. ’говор, наречие’, 5. ’наставление, словесное поучение’, 6. ’голос’, 7. ’о женщине, читающей псалтырь над покойником’ [с. 257], *говоркий, говоркой* ’разговорчивый, словоохотливый’ [с. 257], *говорко* ’прозвище говорливого человека’ [с. 257], *говорко* нареч. 1. ’шумно’, 2. ’громко, крикливо’ [с. 257], *говоркящий* ’говорливый’ [с. 257], *говорнуть* ’сказануть’ [с. 257], *говорный* ’разговорчивый’ [с. 257], *говорок* 1. ’говорун, разговорчивый, словоохотливый человек’, 2. ’краснобай, бойкий на язык человек’, 3. ’голос’, 4. фольк. ’эпитет языка, говорок-язык’, 5. ’крестьянское прозвище’, 6. в загадке: птица-говорок ’о пчеле’, 7. ’птица, сродная скворцу’ [с. 257-258], *говором* нареч. 1. ’выразительно проговаривая’, 2. говором уговаривать

’успокаивать, утешать, убеждая в чём-либо’ [СРНГ, 6, с. 258], *говорочка* ’речь, разговор’ [с. 258], *говорун* 1. ’влиятельный богатый крестьянин’, 2. ’эпитет языка, говорун-язык’ [с. 258], *говорунчик* ’птица славка серая’ [с. 258], *говорунья* фольк. ’говорящая птица’ [с. 258], 1 *говоруха* 1. ’говорунья, любительница поговорить’, 2. ’товарка, спутница’ [с. 258-259], 2 *говоруха* 1. ’в суеверных представлениях – болезнь, возникающая от колдовского наговора, навета’, 2. ’нервная болезнь’ [с. 259], *говорухи* ’опята летние’ [с. 259], *говоруша* ’говорунья’ [с. 259], *говорушечки* ’в прибаутках для маленьких детей – способность говорить, способность речи’ [с. 259], *говоруши* ’грибы’ [с. 259], *говорушка* 1. ’болтушка, краснобай, словоохотливый человек’, 2. ’водка’ [с. 259], *гово'рушки* ’короткие занимательные рассказы, побасенки’ [с. 259], *говору'шки* ’название некоторых разновидностей грибов’ [с. 259], *говорущий* 1. ’говорящий, вещий’, 2. ’выразительный, говорящий (о лице, глазах)’ [с. 259-260], *говоруя* ’болезнь’ [с. 260], *говорщик* ’говорун обрядный’ [с. 260], *говорщица* ’женск. к говорщик’ [с. 260], *го'воры* ’говоруны, разговорчивые люди ’ [с. 260], *гово'ры* ’разговоры’ [с. 260], *говорь* ’речь, беседа, разговор’ [с. 260], *говорье* 1. ’произношение, выговор’, 2. ’разговор’ [с. 260], *говорья* ’речь, манера говорить’ [с. 260], *говорюньюшки* ’из слов, употребляемых матерями со своими детьми’ [с. 260], *говорючий* ’вещий, говорящий’ [с. 260], *говорюшка* ’речь, манера говорить’ [с. 260], *говоря* 1. ’речь, произношение, манера говорить, говор’, 2. ’беседа, разговоры’, 3. ’молва, сплетни’, 4. ’способность говорить’ [с. 260-261].

В русском языке производные описываемых праславянских ономатопов в лексико-семантическом плане представлены следующим образом. Наибольшее распространение получает корень *govor-, наименьшее – *lepet-. Данная тематическая группа, составляемая описываемыми ономатопами, неоднородна в коннотативном плане, что особенно чётко прослеживается на примере диалектных единиц. Для носителя говора, как правило, человека тяжёлого физического труда, характерно восприятие

человека с позиции его трудовой активности, участии в общем деле и т. д. Трудолюбие является основным положительным качеством, которое, нередко, оказывается решающим при выборе супруги (супруга) и т. д. Данные обстоятельства несколько корректируют восприятие речевых особенностей собеседника. Поэтому некоторые описываемые единицы обладают яркой негативной коннотацией, нередко, находящей своё отражение в словарях в виде помет или отражённые в самом значении и т. д. Кроме того, явно прослеживается их преимущественное наличие у слов с *бала-*. Данные ономатопы обладают коннотативно отрицательным значением: *балаболка, балабол, баламыга, балакрысина* и мн. др.

105 единиц из представленного материала хотя бы одним значением относятся к лексике, обозначающей речевую деятельность, и включающую существительные, прилагательные, глаголы, наречия, фразеологизмы. 18 единиц ни одним из своих значений не обозначают речевую деятельность.

Рассмотрим первую группу ономатопов, характеризующих описываемую тему. Выделим наиболее значимые характеристики речи: правильность (грамотность): *балакать* 1; невнятность (наличие дефекта): *балабур*; громкость: *балахвостить* 3; содержательность: *говорила*; бессодержательность: *балаболить*; несерьёзность: *балагур*; не соответствие действительности: *балафыска.* Данные признаки, характеризующие речь, находят своё отражение в значениях анализируемых ономатопов.

В значениях данных лексем отражено многоаспектное и многоуровневое восприятие речевой деятельности как жизненноважного и ценнейшего феномена. Можно выделить три основных уровня: 1) фонетический, отражающий восприятие звукового аспекта речевой деятельности. Он представлен в ономатопах со значениями ’произношение’, ’звуки речи’, ’манера произносить’: *говор, говорок, говорка* и т. д. 2) психомоторный уровень отражает восприятие речевой деятельности как психолого-физиологического феномена. Он представлен в ономатопах со значениями ’способность говорить’, ’владеть устной речью’: *говореньице,*

говорюньюшки, говорушечки и т. д. 3) собственно содержательный, включающий несколько подуровней: оценочный: *балабошить, балакирь* и т.д., обрядовый: *говорильщик, 2 говоруха*, нейтральный: *говора, говорочка* и т.д.

Современные производные описанных выше праславянских ономатопов очень часто образуют переносные значения. Для диалектных лексем характерен перенос с обозначения речевой деятельности на иную, с резко отрицательной коннотацией по модели ’много говорить’ →’бездельничать’. Данное явление объясняется особенностями восприятия и оценки речевой деятельности, характерной для сельской местности. Как уже выше было сказано, трудовая деятельность является ведущей, а человек, который много говорит, оценивается как отлынивающий от работы. Такая позиция рождается, по-видимому, на базе следующего понимания: быть занятым разговорами → быть свободным от других дел → бездельничать. Именно поэтому значения ’много говорить’ имеют резко отрицательную коннотацию, так как ассоциируются с ленью и нежеланием работать. Данные значения характерны для ономатопов с *бала-*.

Для описываемых лексем характерно наличие значения ’язык как орган речи’, основанное на метонимическом переносе: ’речь’ → ’орган речи’. *Лепетайло, лепечайло*: с суффиксом –ло ← *–dlo, характеризующим названия орудий (светило, мыло, рало) [Мейе, 2000, с. 286]. Также *говора* 2, с тем же значением. Также, по-видимому, основанном на метонимическом переносе, образуются значения слов *говорушка,* 1 *говоруха*: ’водка’ как средство, развязывающее язык; ’товарка, спутница’ как собеседница в дороге.

В народных поверьях, широко представленных в фольклоре, птицы нередко наделяются способностью говорить, даже являются символом мудрости. Такие птицы как ворон, филин, сорока в этих представлениях выступают как вещатели, предсказывающие судьбу [БАС, т. 2, с. 260-261]. В анализируемом материале встречаем подобное явление: *говорунчик,*

говорунья, *говорить* 3, *говорок* 7. Как видим, подобное значение развивается у корня *govorъ, отражающему нейтральное и наиболее общее восприятие речевой деятельности.

Слову издревле приписывались магические свойства, что находит своё отражение в производных от *говорить*: *заговор, наговор, наговорить, заговорить* [МАС, т. 1, с. 509; т. 2, с. 337-338]; а также *говоруя,* 2 *говоруха*, обозначающие болезнь, этиология которой связана с магическими действиями, наговорами. Христианское миропонимание привносит коррективы, и речь становится средством общения с Богом, орудием, позволяющим осуществлять молитву и другие таинства. Данный взгляд находим в значениях слов: *говорильщик, говорка* 7, *говорщик, говорщица*, связанных, прежде всего, с исполнением погребального обряда.

Некоторые производные древних ономатопов выходят из тематической группы «Лингвофонации», как уже было сказано выше, 18 единиц ни одним из своих значений не входят в обозначенную группу.

Загадочным и в лингвистической литературе неописанным остаётся народное название некоторых малоценных съедобных грибов *говорушки*, *говоруши, говорухи*, которые В. Даль относит к *говорить* [т. 1, с. 535-536].

*bol(bol)- даёт в своём редуплицированном варианте значения ’колокольчик, бубенчик’: *балабольчик, балабончик*, основанных, по-видимому, на метафорическом сравнении звона и речи. *Пустозвон* ’болтун, пустомеля’ [МАС, т. 3, с. 561] и др. Кроме того, большое количество ономатопов с *бала*- в одном из своих значений отражают подобный перенос: *балаболить* 4, *балаболка* 1, *балабонить* 1, *балабон* 1, 2, а также 4 значение ’индюк’, названного по сходству мясистого придатка у основания клюва и головы с болтающейся висюлькой, языком колокола и т. д.

В целом, можно сказать, что три праславянских корня в русском языке в семантическом плане нетождественны и неоднородны. *bol(bol)- представлен лексемами, отражающими в своих значениях оценочное восприятие речевой деятельности. *lepet- характерен для слов,

характеризующих фонетические и смысловые деформации речи. *govor- соответствует более общим и нейтральным значениям.

Таким образом, праславянские ономатопы, входившие в тематическую группу «Лингвофонации», получают широкое распространение в русском языке в той же группе, и небольшая их часть выходит за её пределы.

Кроме проанализированных древних ономатопов, относящихся к данной тематической группе, часть праславянской лексики входит в неё только одним из своих значений.

*grajati: 1 *граять* ’шалить, баловаться’ [СРНГ, 7, с. 119], 2 *граять* 1. ’гаркать, каркать’, 2. ’кричать’, 3. ’говорить’, 4. ’громко смеяться, хохотать’, 5. ’издеваться, насмехаться’, 6. ’браниться’ [с. 119], *граятье* ’шум, крик людей’ [с. 119], *граяться* ’смеяться’ [с. 119], *граять* ’издавать громкий, беспорядочный крик, каркать (о воронах, грачах, галках)’ [МАС, т. 1, с. 345]. 1 *граять,* представленное в словаре как омонимичное образование основано на метонимичном переносе ’хохотать’ → ’баловаться’. В целом, развитие семантики слова уже в праславянском идёт по модели ’громкая фонация’ → ’карканье’ → ’громкая речь’, ’смех’, ’крик’ и т. д.

*groxati: *грохнуть* 1. ’издать сильный шум, грохот’, 2. ’поставить, бросить, уронить что-либо с сильным шумом, грохотом’, 3. ’громко рассмеяться, расхохотаться’ [МАС, т. 1, с. 350], *грохнуться* ’упасть с сильным шумом, грохотом’ [с. 350], *грохот*[1] ’очень сильный, раскатистый шум’ [с. 350], *грохот*[2] ’устройство для просеивания сыпучих материалов (зерна, песка, руды, угля и т. п.) и сортировки их по величине частиц’ [с. 350], *грохотанье* ’действ. по знач. глагола грохотать, а также звуки этого действия’ [с. 350], *грохотать* ’издавать грохот[1]’ [с. 350], *грохотить* ’пропускать, просеивать через грохот[2]’ [с. 350], *грохочение* ’действ. по знач. глагола грохотить’ [с. 350], 1 *грох* ’стук’ [СРНГ, 7, с. 153], 2 *грох* ’большое решето для просеивания зерна, грохот’ [с. 153], *грохало* ’то же, что 2 грох’ [с. 153], *грохануть* ’броситься бежать’ [с. 153], 1 *грохать* 1. ’хлопать кнутом’, 2. ’громко говорить о чём-либо’, 3. ’лаять’, 4. ’говорить что-либо

необдуманное, несуразное’, 5. ’накладывать, наваливать что-либо в беспорядке’ [СРНГ, 7, с. 153], 2 *грохать* ’просеивать зерно, мякину через большое решето, грохот’ [с. 153], *грохаться* ’стучаться’ [с. 153], *гроховщик* ’человек, отмеривающий сыпью зерновой хлеб’ [с. 154], 1 *грохот* ’то же, что 2 грох’ [с. 154], 2 *грохот* ’болтун’ [с. 154], *грохотеть, грохотить* 1. ’греметь (о громе)’, 2. ’производить шум, грохот, тарахтеть’, 3. ’громко играть (на гармошке)’ [с. 154], *грохотня* ’говор, смех, шум’ [с. 154], *грохотуля* ’человек, который громко смеётся’ [с. 154], *грохотун* ’то же, что грохотуля’ [с. 154], *грохотунья* ’женск. к грохотун’ [с. 154], *грохотуша* ’охотница громко посмеяться, хохотунья’ [с. 154], *грохотушка* ’то же, что грохотуша’ [с. 154]. В Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова указаны 21 производное от *грохать* ’издавать шум’ и 6 производных от *грохот* ’решето’ [т. 1, с. 510]. Этимологически данные лексемы восходят к одному источнику с общим значением ’громкий звук’ [Преображенский, т. 1, с. 161]. Значения, обозначающие речевую деятельность и аноропофонации, являются производными, вторичными, по мнению П.Я. Черных, значение ’хохотать’ является контаминацией с *хохотать* и *гоготать* [т. 1, с. 221]. На наш взгляд, оно возникает на основе метафорического переноса ’хохотать так громко как раскаты грома’. Что касается значений, относящихся к *грохот*[2], то они, безусловно, основываются на сильных фонациях, возникающих при просеивании через решето.

*gukati: *гуканье* ’действ. по знач. глагола гукать, а также звуки этого действия’ [МАС, т. 1, с. 356], *гукать* ’издавать глухие резкие и отрывистые крики, звуки’ [с. 356], *гукнуть* ’однокр. к гукать’ [с. 356], 1 *гук* 1. ’громкий крик’, 2. ’эхо’ [СРНГ, 7, с. 211], 2 *гук* междом. ’звукоподраж. возглас при ударе’ [с. 211], 3 *гук* 1. ’цапля’, 2. ’выпь’, 3. ’удод’ [с. 211], *гукавица* ’выпь’ [с. 211], *гукалица* ’выпь’ [с. 211], *гукан* ’выпь’ [с. 211], *гукалки* ’шампиньоны’ [с. 211], *гукать* 1. ’звать, призывать кого-либо криком’, 2. ’кричать, плакать’, 3. ’о детях – беспокойно покрикивать, призывая’, 4. ’издавать характерные для агонии человека звуки’, 5. ’говорить,

рассказывать, беседовать’, 6. ’невнятно говорить, бормотать’, 7. ’петь’ [СРНГ, 7, с. 211-212], *гукаться* ’перекликаться, аукаться’ [с. 212], 2 *гукнуть* ’ударить’ [с. 212], *гукольница* ’выпь’ [с. 212].

Данный древний ономатоп преимущественно входит в тематическую группу «Лингвофонации», и его производные в русском языке сохраняют такое распределение с некоторыми модификациями. На основе значения ’громкий крик, возглас’ образуются многочисленные производные, обозначающие выпь. Для данной птицы семейства цапель, по данным БСЭ, характерен весенний очень интенсивный и громкий крик самцов [т. 1, с. 530]. Безусловно, по этой причине данная птица именуется с учётом её характерных фонаций и само слово *выпь*, однокоренное образование к *вопить, вопль*, отражает звуковое восприятие существа. Кроме того, многочисленные диалектные обозначения указывают на этот факт: *водяной бык, бухало, бучел,* а также указанные выше слова с суффиксами –ан, –алица, –авица, –ольница, нулевой суффикс.

Как и в случае с *говорушки, говоруши, говорухи*, не совсем ясным является значение *гукалки* ’шампиньоны’. По-видимому, мотивированность названий грибов глаголами говорения связана с особенностями их приготовления: жарки в масле (в отличие от засола), во время которой они издают характерное шипение.

Значение ’удар’ появляется, на наш взгляд, за счёт метонимического сопоставления ’звук, возглас при ударе’ → ’удар’.

Некоторые праславянские ономатопы не дают разветвлённой цепочки производных, а представлены в русском языке несколькими словами. *leskotati: *лескотать* ’говорить громко, резко, болтать’, ’стучать, хлопать, щёлкать кнутом’ [СРНГ, 16, с. 372], *лескотня* ’продолжительное хлопанье, стукотня’ [с. 372], *лескотун* ’болтун, пустозвон’ [с. 372], *лескотуха* ’женск. к лескотун’ [с. 372]. Слово, в целом, остаётся в рамках заявленной тематической группы, с характерным переносом ’громкая речь’ ↔ ’громкий звук’. *gykati: в русском языке представлено лишь одним словом, которое

выходит за рамки тематической группы «Лингвофонации». *Гыкать* ’кричать по-лебяжьи’ [СРНГ ,7, с. 163].

Основные, наиболее частотные, тематические изменения значений в данной группе можно представить в виде схемы.

звуки речи ↔ громкие звуки (метафора)

звуки речи ↔ звуки птиц (метафора)

особенности речи → особенности поведения (метонимия)

3.3.2 Антропофонации.

Данная тематическая группа представлена большим количеством праславянских ономатопов, получивших своё развитие в русском языке. Часть из них представлена лишь одним производным, а часть, напротив, как и в предыдущей группе, огромной цепочкой дериватов.

*galati: *галать* ’шутить, смеяться’ [СРНГ, 6, с. 105], может быть отнесена как в предыдущую тематическую группу (шутка как речь, текст специфического содержания) и в рассматриваемую (смех как проявление положительных эмоций).

*kovykati: *ковыкать* ’жить кое-как’ [14, с. 35], *кавыкать* ’кашлять’ [12, с. 295], *кавыкнуться* ’умереть’ [СРГК, 2, с. 309], *кавыкнуть* ’крикнуть, пискнуть’ [с. 309]. Для данных производных характерно явление энантиосемии: ’жить’ − ’умереть’. Как думается, развитие семантики шло по следующей модели. Значение ’жить кое-как’ появляется на базе ’кашлять, издавать напряжённые звуки’, то есть, жить тяжёло, с трудом и напряжением, издавая при этом соответствующие фонации, стоны и т. д. Как мы видим, данное значение образуется на основе метонимии. Значение ’умереть’, антонимичное предыдущему, по-видимому, возникает на базе ’издать последний звук, хрип и т. д.’, с оттенком быстроты, мгновенности, реализующимся по средством суффикса однократного действия −ну−.

*jьkati: *икание* ’дейст. по знач. глагола икать, икота’ [МАС, т. 1, с. 658], *икать* ’непроизвольно издавать гортанью короткие отрывистые звуки, вызываемые судорожным сокращением диафрагмы’ [с. 658], *икаться* ’о

непроизвольной икоте’ [МАС, т. 1, с. 658], *икнуть* ’однокр. к икать’ [с. 658], *икаться* ’однокр. к икаться’ [с. 658], *икота* ’непроизвольные вдыхательные движения, вызываемые судорожным сокращением диафрагмы, а также сопровождающие их характерные, отрывистые звуки’ [с. 659], *икалка* ’икота’ [СРНГ, 12, с. 180], *и`кать* 1. ’кричать, кликать’, 2. ’кричать (о лебедях)’ [с. 180], *ика`ть* ’обнаруживать припадки дикого сумасшествия’ [с. 180], *иколка* ’причина икоты, какое-то существо, вызывающее икоту, по народному поверью, икоту’ [с. 181], *икота* 1. ’нервное истерическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, во время которых больные кричат – выкликают, кликушество’, 2. ’нечистый дух, вселяющийся, по убеждению суеверных людей, в человека и вызывающий нервную болезнь − кликушество’, 3. ’человек, страдающий кликушеством’, 4. ’мучительные прихоти болезненного свойства’ [с. 181], *икотить* ’ругать, бранить’ [с. 181], *икотка* 1. ’икание’, 2. ’человек, страдающий нервным истерическим заболеванием, кликушеством’, 3. ’ворожея’ [с. 181], 1 *икотник* 1. ’больной кликушеством’, 2. ’человек, который может вызвать кликушество’ [с. 182], 2 *икотник* ’трава, которой лечат кликушество’ [с. 182], *икотница* 1.’женск. к 1 икотник’, 2. ’женск. к 2 икотник’ [с. 182]. Праславянский корень получает в русском языке развитие в рамках тематической группы «Антропофонации». Значения *икание* и производных, на наш взгляд, является первичным, образованном на базе ономатопа, изображающего собственно звук икания.

Вторичными являются значения, связанные с обозначением кликушества, возникшими, по-видимому, на основе схожести неконтролируемого, непроизвольного икания и непроизвольных судорог состояния истерического припадка, свойственных данному заболеванию. Также для развития значений данной лексемы определяющим свойством является непроизвольность фонации, что получает своё подтверждение и в префиксальном образовании и его дериватах *заикаться* 1. ’говорить с затруднением, непроизвольно повторяя одни и те же звуки’ [МАС, т. 1, с. 523], *заикание, заика* и т. д. Одним их специфических черт фонации икания

является прерывистость, что непосредственно отражено в семе в значении *икать, икота* (по МАСу).

Производными также являются значения *и`кать* 1, *икотить*, возникшими, видимо, как сравнение непроизвольных, прерывистых звуков икания и эмоциональной, громкой речи, аффективных выкриков брани, ругани. Значение *и`кать* 2 возникает на базе *и`кать* 1 по сходству громких, прерывистых фонаций.

2 *икотник*, возможно, совпадает с общепринятым названием травы (Berteroa), род растений семейства крестоцветных [БСЭ, т. 2, с. 124], наименование которого заставляет носителя речи приписывать этому растению целебные свойства в излечении кликушества, основываясь на народной этимологии.

*kašьlь: *кашель* ’судорожные выдохи с хрипами, шумом’ [МАС, т. 2, с. 42], *кашлять* ’издавать звуки кашля’ [с. 43], *кашлянуть* ’однокр. к кашлять’ [с. 43], *кашелиха* ’о придурковатой женщине’ [СРНГ, 13, с. 149], *кашельная трава* ’трава, применяемая при кашле’ [с. 149], *кашлея* ’лихорадка’ [с. 152], *кашливый* ’часто кашляющий’ [с. 152], *кашлюк* ’тяжёлый судорожный кашель, коклюш’ [с. 152], *кашлюн* 1. ’о плохом табаке, вызывающим кашель’, 2. ’коклюш’ [с. 153], *кашлюнья* ’лихорадка с кашлем’ [с. 153], *кашлюха* 1. ’кашель’, 2. ’о закашливающемся ребёнке’ [с. 153]. В Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова указано, что *кашель* имеет 45 производных. Как мы видим, праславянский ономатоп получает развитие в рамках заявленной тематической группы, значения его производных, в большинстве случаев, так или иначе связанный с кашлем. Диалектные названия коклюша, одной из распространённых детских инфекций, симптоматически характеризующейся сильным, приступообразным кашлем, мотивированы существительным *кашель*, и образованы посредством непродуктивных суффиксов –юк, –юн. *Кашелиха* имеет вторичное значение, основанное на метафорическом переносе на базе ассоциативного сравнения кашля и нервного, истерического поведения, что, по нашему

мнению, является аналогичным с *икать*: ’приступообразный физиологический акт’ → ’расстройство психики’.

Особенности мотивированности названия травы аналогичны с 2 *икотник* и моделью, основанной на метонимии *лекарство от сердца – сердечное*.

*krexati: 1 *крёх* 1. ’самец свиньи, кабан-производитель’, 2. ’птица сем. утиных’, 3. ’птица ?’ [СРНГ, 15, с. 238], 2 *крёх* 1. ’междом. звукоподр. кряхтению и стону’, 2. ’хрюканье’, 3. ’междом. для подзывания свиней’ [с. 238-239], *крёхаль* ’птица сем. утиных, крохаль’ [с. 239], *крёхать* 1. ’кряхтеть, охать’, 2. ’хрюкать’, 3. *крёхнуть* ’сильно и неожиданно упасть с шумом; грохнуться’ [с. 239], *крехт* ’стоны, хриплый крик’ [с. 239], *крехтать* ’кряхтеть, стонать’ [с. 239], *крехтель* ’коростель’ [с. 239], *крехтеть* ’издавать крик (о птицах)’ [с. 239], *крехтить* ’кряхтеть, хрипеть, тяжело дыша’ [с. 239], *крехтун* 1. ’бекас’, 2. ’вальдшнеп’ [с. 239], *крехтуша* ’о том, кто кряхтит’ [с. 239]. Сюда же, по-видимому, с переогласовкой корня относится *кряхтеть* и его многочисленные производные. В.В. Иванов возводит его к др.-русс. кректати ’трещать, кричать (о лягушках)’ [КЭСРЯ, с. 171], [СДЯ, т. 1, 1320].

Глагол, обозначающий специфические фонации, в широком смысле – глагол звучания, является мотивирующим, мотиватором для наименования птиц. Данный факт – не уникален, а типичен и обоснован. Мы уже отмечали, что для восприятия птиц наиболее существенным фактором является акустический, а это, в свою очередь, находит отражение в языке, так как большинство названий птиц восходит к ономатопее, содержит звукообраз. В представленных выше примерах мы обнаруживаем пять диалектных названий птиц, связанных с заявленным глаголом. Значение праславянского глагола – ономатопа связано с обозначением хриплого крика, что, по всей видимости, подходит для изображения некоторых фонаций птиц, хрюканья и т.д. Значение лексемы *крёхнуть,* как уже не раз отмечалось, появляется за

счёт метонимического сопоставления ’звук, возглас при ударе, падении’ → ’удар, падение’.

*klekotati: *клёкот* ’прерывистый крик, характерный для некоторых хищных птиц’ [МАС, т. 2, с. 57], *клекотать* ’издавать клёкот’ [с. 57], *клектать* ’то же, что клекотать’ [с. 57], *клекот* ’лягушачья икра’ [СРНГ, 13, с. 276], *клекотать* ’клокотать (о воде)’ [с. 276], 1 *клектать* ’кипеть (о воде)’ [с. 276], 2 *клектать* ’ржать’ [с. 276], *клектун* 1. ’некастрированный кабан, хряк’, 2. ’кастрированный кабан, боров’ [с. 276]. Развитие значений данного праславянского ономатопа в русском языке происходит в следующем направлении. Однокоренные производные праславянского ономатопа образуют достаточно разветвлённую систему значений, очень разнообразную по обозначаемым фонациям: крики птицы, лягушки, лошади, свиньи, а также не сохранившееся в русском языке обозначение хохота. Возможно, именно данное значение послужило базой для выше описанных лексем, на основе метафорического переноса. Диалектное значение *клекот* обнаруживаем ещё в Словаре церковно-славянского и русского языка: клекъ ’лягушачья икра’ [СЦСРЯ, т. 2, с. 177]. Обозначение связано с характерными специфическими фонациями в период метания икры. Значения, связанные с фонациями воды, видимо, возникают в результате лексической контаминации двух групп производных: выше описанной и родственных образований с переогласовкой корня на -о-. *Клокотать* 1. ’бурлить, кипеть, бить ключом (о воде, жидкости)’, 2. ’звучать глухо, прерывисто, булькая (о звуках в горле, груди при болезненном состоянии)’ [МАС, т. 2, с. 59] и т. д.

*kl’ukati: *клюкать* ’пить, напиваться до опьянения’ [БАС, т. 5, с. 1056], *клюкаться* ’падать лицом вниз’ [с. 1056], *клюкать* ’хлебать через край, упиваться, пить’ [Даль, т. 2, с. 700], *клюкала, клюкальщик, клюкальщица* ’пьяница’ [с. 700], *ключ* ’бьющий из земли источник, родник’ [МАС, т. 2, с. 61]. Группа однокоренных образований со значением ’палка с загнутым концом, употребляемая для опоры при ходьбе’ [с. 61] и его производные, в

том числе *ключ* ’металлическое приспособление для запирания и отпирания замка’ и др. [МАС, т. 2, с. 61], являются омонимичными с производными описываемого ономатопа.

Загадкой для учёных остаётся этимология слова *клюква*. Существует три основных версии на этот счёт. Часть исследователей сопоставляет это название с *ключевина* ’болотистое место’ [Черных, т. 1, с. 404], согласно другой версии имеет место быть перестановка согласных *клювка – клюква,* т.е. ягода, которую клюют птицы [КЭСРЯ, с. 151], и третья версия связана со звукоподражанием *клюкать*, от звука, издаваемого выжимаемыми ягодами [Фасмер, т. 2, с. 257-258]. Рассмотрим все три версии. Одни из наиболее распространённых диалектных названий ягоды мотивированы *журавль*: *журавец, журавлица, жарав, жарава, жаравиха, журавица* и т. д. Связь журавля и ягоды не совсем ясна, поскольку, многие птицы клюют самые различные ягоды. В английском языке cranberry ’клюква’ имеет схожую внутреннюю форму, и связь с журавлём объясняется ассоциативным сравнением с клювом птицы [OED] или по изогнутости стебелька схожей с шеей журавля.

По особенностям традиционного сбора ягод называются следующие диалектные лексемы: *подснежница, мороженица, веснянка,* – клюква, собираемая ранней весной, в отличие от осеннего сбора. По вкусовым характеристикам – *кисляница,* с затемнённой внутренней формой – *класниха, куравица, ладышка*. Аналогичное с первой версией семантическое развитие встречаем в случае: *кружевина*[3] ’трясина’, *кружевина*[4] ’клюква’ [СРГК, 3, с. 33]. Однако в словообразовательном плане данная теория очень слаба. С точки зрения семантики, на наш взгляд, наиболее сильной является версия, связывающая слово с ономатопом *клюкать*, который способен передать звуки прысканья ягод в момент приготовления традиционных русских напитков – морса и киселя. Но наличие в говорах следующих лексем заставляет нас задуматься именно о словообразовательной стороне вопроса: *клюковь, клюковы* (мн. ч.). Возможно, данная лексема относится к *ū̆ –

основам, и не может быть образована от глагола, поскольку ни одно из слов с данной основой не мотивировано глаголом (*морковь, любовь, бровь, свекровь, буква, Москва, церковь*). Оснований полагать образование по аналогии нет. Но обозначаемая реалия имеет несколько специфических черт, которые могли бы нам позволить говорить о деривационных связях с рассматриваемой группой слов. В процессе приготовления традиционных напитков из этой ягоды – морса и киселя, примечательны следующие моменты. Во-первых, предварительная обработка клюквы для морса заключается в её раздавливании, что за счёт упругой оболочки сопровождается звуком лопающейся ягоды. Во-вторых, по той же причине в момент кипения воды при приготовлении киселя ягода так же лопается с характерным звуком. При наибольшей вероятности именно звукоподражательного происхождения названия данной ягоды, всё же открытым остаётся вопрос о словообразовательной структуре слова. Возможно, мы имеем дело с крайне редкой моделью отглагольной деривации. Например, в говорах встречаем *кокать* 4. ’делать что-либо потихоньку, понемножку’ [СРНГ, 14, с. 87], *коква* ’неповоротливая, нерасторопная женщина; копуша’ [с. 87], *кваква* ’птица сем. цапель’ от *квакать* [Фасмер, т. 2, с. 217], *кряква* ’вид утки’ от *крякать* [с. 393]. В подтверждение того, что данные лексемы образованы именно по определённой модели, является образование по аналогии *бздюква* ’паслён чёрный’ [СРНГ, 2, с. 288].

В целом, праславянский ономатоп, связанный с изображением заглатывания жидкости и звуков воды, в русском языке не выходит за рамки своей тематической группы, значение, связанное с падением, видимо, возникает на базе метонимии: ’напиться’ → ’вести себя как пьяный (упасть)’. *čixati: *чихать* 1. ’непроизвольно с резким звуком выдыхать воздух носом и ртом при раздражении носоглотки’, 2. ’издавать резкие прерывистые звуки при неравномерной работе (о моторах, механизмах)’, 3. перен. ’не обращать внимание, выказывая пренебрежение к чему-л., кому-л.’, 4. перен.

’употребляется для выражения полного безразличия, равнодушия, пренебрежения к чему-л., кому-л.’ [МАС, т. 4, с. 682], *чих* 1. междом. ’употребляется звукоподражательно для обозначения отрывистого резкого звука, вызванного раздражением носоглотки’, 2. ’употребляется по знач. гл. чихать 1 и чихнуть 1’ [с. 682], *чиханье* ’действие по гл. чихать, а также звуки этого действия’ [с. 628], *чихательный* ’вызывающий чихание’ [с. 628], *чихаться* ’о невольном чихании’ [с. 628], *чихота* ’частые непроизвольные выдохи с резким звуком и слизью, вызванные раздражением носоглотки’ [с. 628], 1 *чихотка* ’побуждение к частому чиханию’ [Даль, т. 4, с. 789], 2 *чихотка* ’чемерица’ [с. 789], *чихатель, чихательница, чихала, чихалка, чихра* ’тот, кто чихает’ [с. 789]. Как видим, звуки физиологического процесса чихания становятся объектом метафорического и метонимического переносов. Значение *чихать* 2 возникает на базе сравнения непроизвольных резких звуков чихания и непроизвольных резких звуков двигателя. Более сложная картина представлена в *чихать* 3, 4: чихать в чьём-либо присутствии → не быть скованным в данном окружении → не беспокоиться о том, что скажут окружающие → быть равнодушным к окружающим → презрительно относиться к кому-либо. Загадочным является обозначение чемерицы. Возможно, названа по некоторому созвучию с *чихотной травой*, которая названа так потому, что в сушёном виде вызывает чихание [БСЕ, т. 24, с. 189].

*xripěti: *хрип* ’сиплый, нечистого тона звук, издаваемый горлом при затруднённом дыхании’ [МАС, т. 4, с. 625], *хрипеть* 1. ’издавать при дыхании хриплые звуки’, 2. ’издавать сиплые, нечистые по тону звуки, сопровождаемые шумом’ [с. 625], *хрипение* ’дейст. по гл. хрипеть, а также звуки этого действия’ [с. 625], *хриплый* ’сиплый, нечистого звука, сопровождаемый шумами (о звуках)’ [с. 625], *хрипнуть*[1] ’становиться хриплым’ [с. 625], *хрипнуть*[2] ’издать хрип, хриплый звук’ [с. 625-626], *хрипота* ’наличие хрипа в голосе’ [с. 626], *хрипотца* ’лёгкая хрипота’ [с. 626], *хрипун, хрипунья* ’человек с хриплым голосом’ [с. 626], *хрипучий* ’то же,

что и хриплый’[там же], *хрипатить* ’хрипеть’ [БТСДК, 562], 2 *хрипатый* ’охрипший от простуды или говорящий вообще хриплым голосом’ [с. 562], *хрипой* ’хриплый’ [с. 562], *хриптеть* ’скрипеть’ [с. 562], *хрипун* ’птица серая пигалица, кречетка’ [Даль, т. 4, с. 349], *хрипать* ’быть дряхлым и болезненным, хиреть’ [с. 349]. Как и в выше описанных случаях, производные праславянского ономатопа практически не образуют переносных значений и остаются в рамках заявленной тематической группы.

И всё же, встречаем значение, основанное на метонимическом переносе ’хрипеть’ → ’быть болезненным, дряхлым’, а также наименование птицы за её хриплые фонации.

*xamati: *хамать* ’зевать’ [Даль, т. 4, с. 289], *хамкать* ’есть, жевать, кусать’ [с. 299], *хамка* детск. ’собака’ [с. 299], *хамак* ’ненасытный, прожорливый человек’ [БТСДК, с. 554]. Древний ономатоп в русском языке представлен небольшим количеством производных. Все значения русских дериватов основаны на звукоизображении широко открытого рта, что и определяет их семантику. Параллельное развитие получают следующие диалектные лексемы, также, по-видимому, восходящие к выше обозначенному ономатопу, но по причине экспрессивности данных образований обнаруживаем варианты начала слова: *амкать* 1. ’лаять’, 2. ’кусать, глотать’ [СРНГ, 1, с. 229], *амка* детск. ’собака’ [с. 299], *амки* детск. ’кушать, есть’ [с. 299], *гамкать* 1. ’лаять’, 2. ’ругаться, ссориться; кричать, браниться’, 3. ’есть, кушать’ [6, с. 131], *гамка* ’собака’ [с. 131]. Развитие значений по модели ’фонации животного’ → ’эмоционально окрашенная речь человека (чаще с отрицательной коннотацией)’ типично для русского языка и основано на метафорическом переносе.

*xlebati: *хлебать* 1. ’пить большими глотками’, 2. ’есть (жидкое) черпая ложкой’ [МАС, т. 4, с. 602], *хлебанье* ’действ. по знач. хлебать, а также звуки этого действия’ [с. 602], *хлёбово* ’жидкая пища, похлёбка’ [с. 602], *хлебня* ’горячее’ [Даль, т. 4, с. 238], *хлебавый* ’разборчивый в еде’ [с. 238], *хлебальник* ’большой круглый пирог с капустой, морковью, из коего начинку

выхлёбывают ложками’ [Даль, т. 4, 238], *хлёбкий* ’чем хорошо хлебается, что хорошо хлебать’ [с. 238], *хлебало* ’рот’ [с. 238], *хлебалка* ’ложка’ [с. 238], *хлебала* ’едок или кто любит поесть’ [с. 238], *хлебальница* ’щаная чашка, миска’ [с. 238], *хлебатель, -ница, хлебальщик, -щица* ’кто хлебает вообще’ [с. 238], *хлебунина* ’хлебанье’ [с. 238]. Все значения дериватов в русском языке связаны со звукоизображением заглатывания жидкой пищи.

Как производное от выше указанного праславянского ономатопа с интенсивным расширением представлен *xlebetati/*xlebъtati: *хлебтать* ’лакать’ [с. 238], *хлебетать* ’шелестеть’ [с. 238], *хлебет* ’шелест’ [с. 238], где наблюдается переход в другую тематическую группу.

*gabati: *габаться* 1. ’делать неестественные телодвижения, изгибаться’, 2. ’бороться’ [СРНГ, 6, с. 82].

*gruxati: *грухать* ’мять, вминать’ [7, с. 171], *грухва* ’брюква’ [с. 171]. Последнее слово представляется нам загадочным, может быть, это отглагольное образование, названное по некоторым особенностям обработки корнеплода или народная этимология, т. е. попытка вернуть слову утраченную внутреннюю форму с аналогичным суффиксом.

*dryzgati: 1 *дрызгать*1. ’брызгать’, 2. ’ударять’, 3. ’шалить, баловаться, озорничать’ [8, с. 221], 2 *дрызгать* ’пить алкогольные напитки, пьянствовать’ [с. 221], 3 *дрызгать* ’грызть (семечки)’ [с. 221], *дрызг* ’брызги’ [с. 221], *дрызга* 1. ’какая-либо жидкость’, 2. ’ребёнок, который любит дрызгаться, пачкун’ [с. 221], *дрызганье* ’питьё алкогольных напитков, пьянство’ [с. 221], *дрызгаться* ’брызгаться’ [с. 222], *дрызглый* 1. ’дряблый, раскисший’, 2. ’легко рассыпающийся, крошащийся, рыхлый’ [с. 222], *дрызглятина* ’что-либо легко рассыпающееся, крошащееся, рыхлое’ [с. 222], *дрызготня* ’бурда’ [с. 222], *дрызгуша* ’неряха’ [с. 222], *дрызжить* ’просить’ [с. 222]. В русском языке ономатопы практически не входят в заявленную тематическую группу. В 1 *дрызгать* все значения базируются на ситуации разбрызгивания и особенностях действий при этом: шум, озорство, удар. Как метонимическое образование представляется нам значение, связанное с

обозначением пьянства, в данном случае, отличающееся эмоционально-экспрессивным содержанием: поглощение жидкости, сопровождаемое брызгами, что указывает на интенсивность производимого действия. В 3 *дрызгать*, по-видимому, ассоциативная связь между разлетающимися в разные стороны брызгами и выплёвываемой шелухой семечек. *Дрызжить:* значение появляется также на основе метонимии: брызгать слюной в момент произнесения чего-либо. Видимо, данная ситуация указывает на интенсивность и экспрессивность действия. Значения с семой ’рыхлый’ основаны на представлении о размягчённости увлажнённого материала, предмета, продукта. Таким образом, данный ономатоп в русском языке представлен производными, значения которых связаны с обозначением разбрызгивания.

*lapati: *лапа* 1. ’нижняя часть носка, чулка, иногда обуви’, 2. ’перчатки’, 3. ’шкура с ног животного, из которой изготовляется обувь’, 5. ’ветка дерева’ [СРНГ, 16, с. 258], всего 27 значений, основанных на метафорическом или метонимическом переносе. *Лап* 1. ’междом. по действию глагола лапать – хватать, трогать’, 2. ’о прыжках собаки’ [с. 258], *лапать* ’трогать, хватать руками’ [МАС, т. 2, с. 164]. Внутренняя форма древнего ономатопа основана на звукоизображении быстрой манипуляции рукой. Современные производные (*лапа*) практически не актуализируют звуковую сторону лексемы, образуя множество дериватов, подчёркивающих образ реалии.

*čikati: *чикать* 1. ’ударять, бить палкой’, 2. ’резать и стричь ножницами вслух’, 3. ’вязать мережки, сети, невода’ [Даль, 4, с. 429], *чик* 1. ’бой’, 2. ’тор’, 3. ’гон’, 4. ’езда’, 5. ’толкотня’ [с. 429], *чикалка* 1. ’палка, коею бьют чиж или мяч’, 2. ’лапта, гилка’ [с. 429], *чикушки* ’оладьи, скорое кушанье’ [с. 429], *чикушка* ’ягнёнок, барашек’ [с. 429], *чик* 1. ’междом. звукоподраж. обозначает короткий отрывистый звук’, 2. ’глаг. междом. употребляется для обозначения быстрого действия’ [БАС, т. 17, с. 1026], *чиканье* ’действие по знач. глагола чикать; звуки этого действия’ [с. 1026],

чикать 1. ’производить короткие отрывистые звуки «чик», «чик-чик»’, 2. ’быстрым движением отсекать, разрезать что-нибудь’, 3. ’убить, зарубить, застрелить’ [БАС, т. 17, с. 1027], *чикаться* ’возиться, канителиться’ [с. 1027]. По-видимому, в данном ономатопе определяющим становится представление о быстром резком движении, действии с фонацией. Отсюда самые различные значения ’удар’, ’предмет, с помощью которого осуществляется удар’, ’обозначения других действий, широко распространённых в быту’. В лексеме *чикаться* видим антонимичное развитие значений. С данной группой производных пытается связать этимологически неоднозначное слово *щиколотка* П.Я. Черных, предлагая следующую модель развития ономатопа: *чикать* → диал. *чикалка* ’палка’ ↔ ’нога в целом’ → *щиколка*, с −от− *щиколотка* [т. 2, с. 435]. На наш взгляд, подобное развитие является неправдоподобным в семантическом плане, так как старое значение данного слова было следующим: ’сочленение суставов пальца; утолщённый конец сустава’ [БАС, т. 17, с. 1690], *щиколоток, -тка* ’горбылёк на концах малой и большой локотной и ножной кости, выдающийся в обе стороны’ [СЦСРЯ, т. 4, с. 469].

*klepati: *клепать*[1] 1. ’скреплять металлические части заклёпками’, 2. ’соединять металлические части, загибая края и сплющивая их’, 3. ’ударами специального молотка выпрямлять (лезвие, железную полосу), делать тоньше, острее’ [МАС, т. 2, с. 57], *клепать*[2] ’оговаривать кого-либо, клеветать на кого-либо’ [с. 57], *клёпка*[1] ’действие по знач. глаг. клепать[1]’ [с. 57], *клёпка*[2] ’каждая из тонких дощечек, из которых составляется бочка, кадка и другая подобная деревянная посуда’ [с. 57], *клепало* 1. ’молот или железная болванка, которыми клепают[1]’, 2. ’большой молоток (обычно деревянный), которым склёпывают’, 3. ’чугунный или железный брусок, доска, в который бьют, подавая какой-л. сигнал, било’, 4. ’язык колокола, а также колокол’ [с. 57], *клепальщик* ’рабочий, занимающийся клепанием’ [с. 57], 1 *клёп* 1. ’отбивание, заострение косы’, 2. ’режущая часть острия косы’, 3. ’кузнечный молоток’ [СРНГ, 13, с. 278], 2 *клёп* ’глаг. междом. означает

однократный удар’ [СРНГ, 13, с. 278], 3 *клёп* 1. ’клин, колышек’, 2. ’в ткацком стане: клинышек, вставляемый в отверстие переднего вала, чтобы закрепить вал’, 3. ’короткая, с заострёнными концами палка для игры в чижик’, 4. ’деревянная пробка в бочке’, 5. ’крюк, на который вешают одежду’, 6. ’капкан’ [с. 278], *клепа* 1. ’палочка для игры в чижик’, 2. ’капкан’ [с. 278], *клепала* ’о том, кто наговаривает на других; лгун, лгунья, сплетник, сплетница’ [с. 278], *клепалище* ’место на реке, озере, где бьют бельё деревянными вальками’ [с. 278], *клепалка* ’палка с набитым на конце куском кожи для битья мух’ [с. 278], *клепало* 1. ’валек’, 2. ’колокол’, 3. ’о лгуне, сплетнике’ [с. 278-279], *клепаник* ’пирог с начинкой’ [с. 279], *клепань* ’железная оковка сундуков и других предметов’ [с. 279], *клёпань* ’внутренние детали замка’ [с. 279], *клёпать* ’мастеря что-либо, шлёпать, ударять по чему-либо’ [с. 279], 1 *клепать* 1. ’ковать холодное железо’, 2. ’отбивать молотом’, 3. ’насекать жернова’, 4. ’заколачивать, заклинивать что-либо’, 5. ’колотить, бить бельё’, 6. ’бить кого-либо, шлёпать’, 7. ’драться’, 8. ’разминать рукою тесто’, 9. ’звонить, ударяя чем-либо во что-либо’, 10. ’лгать, сплетничать’, 11. ’срамить, позорить кого-либо’, 12. ’чествовать кого-либо (с угощением) по случаю каких-либо достижений’ [с. 279-280], *клепачка* ’колотушка, доска, в которую стучат ночные сторожа’ [с. 280], *клепень* 1. ’клин, колышек’, 2. ’палка для игры в чижик’, 3. ’Дужка, стянутая бечевкой, которая закручивается заостренной палочкой; раскручиваясь, палочка производит шум, если поднести ее к волосам или бороде (для забавы)’, 4. ’обруч’, 5.’ступеньки лестницы’ [СРНГ, 13, с. 280], *клепец* 1. ’молоток’, 2. ’капкан’, 3. ’рыболовная снасть’, 4. ’рыба из рода лещей’ [с. 280], *клепик* ’небольшой нож’ [с. 280], 1 *клепка* 1. ’сметка, ум’, 2. ’угощение по поводу повышения в должности, магарыч’ [с. 280], 2 *клепка* 1. ’кадушка’, 2. ’лоток для бочек’ [с. 280], *клепиль* ’междом. означает однократный удар’ [с. 281]. Как мы видим, праславянский ономатоп получает широкое распространение в русском языке, а производные образуют множество значений. Процесс клепания связан с ударом, что, по-видимому, и является первоначальной базой для

развития последующих значений. Такая широкая представленность однокоренных образований именно в говорах, на наш взгляд, неслучайна. Большинство производных лексем в широком смысле обозначают ’предмет, изготовленный с помощью ударов’ (*клёпка* 2, *клепань,* 2 *клёпка* и т. д.), ’предмет, которым совершают удар’ (*клепало* 1, 2, 3, 4, 1 *клёп* 3, *клепачка, клепалка* и т. д.). Как правило, обозначаемые предметы очень распространены в быту, как и сам процесс их изготовления, что и обуславливает широкую представленность таких слов в языке.

Одной из неоднозначных этимологий является таковая *клепать*[2].

А.Г. Преображенский оставляет открытым вопрос о семантическом развитии ’клепать’ → ’клеветать’, но, на наш взгляд, подобное развитие значений можно увидеть в следующем примере: *стучать* ’производить стук’ → жаргонизм *стучать* ’доносить’. Кроме того, как мы уже отмечали, в современном русском языке можно было бы предположить отчасти закономерную цепочку развития значений: удар→резкое слово (*бухнуть, бахнуть, бацнуть*).

*klekati: *клекать* ’ремонтировать, исправлять’ [СРНГ, 13, с. 276]. По-видимому, как и предыдущий ономатоп, связан с изображением удара.

*xlepati: *хлепать* ’хлопать, стучать, бренчать’ [Даль, т. 4, с. 207].

3.3.3 Натурофонации.

Как уже было сказано, часть праславянской ономатопоэтической лексики, хотя бы одним из своих значений входящей в указанную тематическую группу, получает своё развитие в русском языке. Это следующие производные.

*gъlkъ: *голк* 1. ’гул, шум, крик, стук, звук’, 2. ’эхо, отзвук’, 3. ’разговор, толк, молва’ [СРНГ, 6, с. 295-296], 1 *голка* 1. ’шум, крик’, 2. ’волнение’ [с. 296], *голкать* ’хлопать, производить глухой, короткий звук (о ружье)’ [с. 297], *голкий* ’громкий, гулкий’ [с. 297], *голко* ’гулко, громко’ [с. 297], *голкотня* ’сильный раскатистый шум, гул, стукотня’ [с. 297]. Как видим, значения дериватов в русском языке формируются на базе

обобщённого значения ’громкий глухой звук’: метонимический перенос *голк* 3 и, по-видимому, *голка* 2 аналогичным способом возникает на базе более древнего значения ’мятеж, народное волнение’, которое мы обнаруживаем в древнерусском языке гълка ’шум, мятеж’ [СДРЯ, т. 1, с. 612].

*grukati: *грукать* ’стучать, греметь, брякать’ [СРНГ, 7, с. 168], *грук, грукот* ’стук, грохот, бряканье’ [с. 168], сюда же с вариантом суффикса *гручеть* ’то же, что и грукать’ [с. 171]. Как мы видим, ономатоп остаётся в рамках заявленной тематической группы и в русском языке.

*kokotati: *кокотать* 1. ’издавать звуки (о птицах), стрекотать’, 2. перен. ’разговаривать с кем-н.’, 3. ’смеяться’ [СРГК, 2, с. 393], *кокот* ’петух’ [с. 393], *кокотнуть* ’стукнуть’ [с. 393], *кокот* 1. ’кудахтанье’, 2. ’петух’ [СРНГ, 14, с. 99], *кокочить* ’квохтать, кокотать’ [с. 100], *кокочка* ’яйцо’ [с. 100], *кокочуиха* ’прозвище: ворчунья’ [с. 100]. В Словаре церковно-славянского и русского языка видим: *кокотать* ’говоря о петухах и курах, произносить звуки коко’ [СЦСРЯ, т. 2, с. 187]. Только одна однокоренная лексема соотносится с заявленной тематической группой (*кокотнуть*), остальные распределяются по следующим: лингвофонации, антропофонации, птицы и их фонации, что является закономерным и достаточно регулярным.

*l’uхъ: *люха* ’о промокшем человеке’ [СРНГ, 17, с. 250], *люх* ’грубый, некультурный, невежественный человек’ [с. 250], *люша* ’грязнуля, неряха’ [с. 250], по-видимому, развитие значений идёт на основе метонимии следующим образом: ’мокрый’ → ’грязный’ → ’некультурный’. Этимологических данных касательно этой группы слов нет. М. Фасмер считает данное слово непонятным [т. 2, с. 547]. Мы возводим данную цепь производных к праславянскому ономатопу, дериваты не выходят за пределы обозначенной тематической группы.

*xlestati: *хлестать* 1. ’бить чем-нибудь гибким, стегать’, 2. ’бить сильной струёй, изливаться потоком’, 3. ’лить, плескать’, 4. ’с силой плескаться, волноваться (о море, реке)’, 5. ’стрелять, поливая пулемётным

огнём’, 6. ’пить много (спиртного)’ [БАС, т. 17, с. 190-194], *хлестаться* 1. ’хлестать себя’, 2. ’хлестать друг друга’, 3. ’хлестать в 1 знач. кого-нибудь’, 4. ’то же что хлестать во 2-4 знач.’, 5. ’страд. к хлестать в 1знач.’ [БАС, т. 17, с. 193-194], *хлёсткий* 1. ’такой, которым удобно хлестать, больно, сильно хлещущий’, 2. ’резкий, меткий’, 3. ’громкий, звучный’, 4. ’удалой, лихой, задорный’ [с. 194-195], *хлёсткость* ’свойство хлёсткого’ [с. 195], *хлесть* ’употребляется для обозначения быстрого удара’ [с. 195], *хлестать* 1. ’стегать, сечь, бичевать, бить прутом, хлыстом, кнутом’, 2. ’бранить в пух, ругать, поносить беспощадно’, 3. ’врать, пустословить’, 4. ’тошнить, рвать’, 5. ’ шататься, слоняться, таскаться’, 6. с -ся, страдат. ’хлестать себя’ [Даль, т. 4, с. 211], х*лест, хлёс и хлысь* ’однократн. действ. по глаг. как бух, шлеп, ляп и пр.’ [с. 211], *хлёстко* ’сильно, крепко, больно, бойко, шибко, быстро, резво’ [с. 211], *хлёстнуться* ’поскользнувшись упасть’ [с. 211], *хлестатель, хлестала* ’кто хлещет’ [с. 211]. Производные в русском языке входят в несколько тематических групп: речевая деятельность, неречевые фонации человека, звуки, сопровождающие действия и в описываемую.

*xlębati: *хлябать* ’недержаться на месте, качаться, шататься (вследствие неплотного соединения)’ [МАС, т. 4, с. 608], *хлябь* 1. ’неизмеримая глубина моря или неба, бездна’, 2. ’жидкая грязь’ [с. 608], *хляба* ’дождь с мокрым снегом, хижа, слякоть сверху’ [Даль, т. 4, с. 227], *хлябать* ’качаться, шататься, стучать, бренчать, от неплотной пригонки вещи’ [с. 227], *хлябанье* ’состояние по знач. глаг. хлябать’ [с. 227], *хлябной, хлябалковый арх. хлябистый, хлябкий, хлябавый, хлябчивый, -боватый* ’что хлябает, качается, бренчит на ходу, скрипит, расходится, с лишним простором’ [с. 227], *хлябь* ’простор, пустота, глубь, глубина; пропасть, бездна, с понятием о подвижности жидкой среды, в коей она заключена’ [с. 227]. Как верно заметил В.И. Даль, значения, связанные с обозначением глубины и подвижности, формируются на базе научно-обывательских знаниях о жидкости, воде: текучесть, мгновенная наполняемость сосуда, подвижность, упругость. Поэтому данная семантика появляется как

результат представления о пространстве как безграничном сосуде, наполняемым водой, воздухом. Обозначение глубины неба – сравнение и отождествление с глубиной моря, океана, основанное на некоторых схожих свойствах воды и воздуха.

Таким образом, не так широко представленный, как другие тематические группы, данный ряд ономатопоэтических образований в некоторых случаях образует большое количество дериватов, называющих предметы быта и орудия домашнего обихода. Данный факт объясняется тем, что слово-мотиватор является ономатопом и называет фонацию конкретного действия, которое переносится на предметы, с помощью которого оно осуществляется. Для ономатопов данной тематической группы не характерны образования, носящие переносный характер: таких случаев немного.

3.3.5 Основные закономерности развития ономатопоэтического слова.

Проанализированный нами материал позволяет говорить о некоторых закономерностях развития древнего ономатопа в русском языке. Праславянская ономатопоэтическая основа представлена рядом дериватов, этимологически с ней соотнесённых, которые образованы по некоторым семантическим моделям (от уникальных до повторяющихся). Большинство из них основаны на известных способах переноса, чаще других – на основе ассоциаций. Для данной группы лексических единиц, мы считаем целесообразным, использовать термин звуковая ассоциация. Основным её принципом является то, что любая фонация ассоциативно может сравниться с другой фонацией. На основе этого сравнения возникает метафора, которая образует внутреннюю форму ономатопа. Среди анализируемых единиц очень распространена следующая звуковая ассоциация: любая фонация может сравниваться с речевой фонацией и наоборот.

Далее представлены отмеченные нами модели образования дериватов в рамках одной словообразовательной цепочки в русском языке. Часть этих

моделей уникальны. Данные закономерности развития ономатопа могут быть применены при решении конкретных этимологических задач.

Тематическая группа «Лингвофонации»

Особенности поведения человека (чаще с отрицательной коннотацией)

Качества характера человека (чаще с отрицательной коннотацией)

Звук (абстрактно)

Орган речи

Звуки, сопровождающие действия

Звук предмета

Фонации птиц, птицы

Фонации животных

Болезнь

Растения, грибы

Названия блюд и кулинарных изделий

Шум (абстрактно)

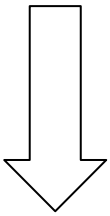
Аффективные возгласы

Магические действия

Тематическая группа «Неречевые фонации человека»

Антропофонации

(ономатопы, обозначающие смех, плач, поглощение пищи, кашель, икоту и т. д.)

Понятие жизни (абстрактно-бытовое)

Понятие смерти (абстрактно)

Речь

Особенности поведения человека

Физическое состояние человека

Фонации птиц, птицы

Фонации животных, животные

Болезнь

Магические действия

Растения

Названия блюд и кулинарных изделий

Шум (абстрактно)

Вода, жидкость

Речь

Особенности поведения человека

Животные

Растения

Названия блюд и кулинарных изделий

Вода, жидкость

Особенности структуры предмета, вещества

Особенности конституции человека

Тематическая группа «Натурофонации»

Речь

Особенности поведения человека

Неречевые фонации человека

Фонации птиц, птицы

Звуки, сопровождающие действия

Понятие пространства (абстрактно)

Выводы

1. Праславянские ономатопы послужили базой для русской ономатопеи. Некоторые словообразовательные особенности просматриваются именно там. Регулярная деривационная модель с -к- обнаруживает себя ещё в праславянскую эпоху, но процесс переразложения уже не позволяет нам её выделить. В связи с этим на смену данному аффиксу приходит новый суффикс -к-, продуктивный для глагольной деривации в области ономатопеи. Редупликация – живое и распространённое явление для звукоподражаний, обнаруживающее свои истоки в праславянский период. Но всё же, редупликация как словообразовательное средство достаточно слабо представлено в системе праславянских ономатопов, что лишний раз подтверждает слова А. Мейе о её изолированности и неясности [2000, с. 300].
2. Для праславянских ономатопов также свойственно наличие специфической структуры и определённых деривационных моделей.
3. Ономатопы праславянского языка подвергаются тематической классификации, при этом выделяется 6 групп. Каждый ономатоп мложет входить в различные группы, что связанно, по-видимому, с ассоциативными связями между различными фонациями.
4. Ономатопы русского языка в своём большинстве общеславянского происхождения. Праславянский ономатоп получает своё развитие в виде рефлекса в русском языке, образуя семью исторически однокоренных производных. Многие значения ономатопов возникают посредством переносов, основой которых является звуковая ассоциация. Звуковая ассоциация заключается в метафорическом или метонимическом отождествлении или сближении одной фонации с другой, что является базой для образования полисемантов и новых ономатопов в рамках одной семьи. Проанализированный нами материал показал, что рассматриваемые единицы русского языка

развиваются по определённым моделям. Мы выделяем 40 моделей, часть которых является уникальной (обозначение неречевых фонаций человека – обозначение названия растения), другая часть весьма регулярна (обозначение речевых фонаций человека – обозначение названий блюд и кулинарных изделий).

Заключение

Как утверждает В. Г. Гак: в формах языка, в его семантике, лексике, морфологии, синтаксисе отражается в определённой мере глубинная психология народа [2000, с. 54]. Одним из проявлений этой психологии по праву можно назвать явление, во многом уникальное, но представляющее собой языковую универсалию, ономатопею. В науке нет однозначного мнения на счёт данного явления, и, к сожалению, оно нередко остаётся за границами научных интересов. Но русская ономатопея – это широкий пласт лексики, который, безусловно, нуждается в изучении. Синхронно-диахронический аспект рассмотрения примарно мотивированных образований позволил нам сделать следующие выводы. Языковые примарно (изобразительно) мотивированные образования, являющиеся таковыми, как с точки зрения синхронии, так и в диахронии, обладают специфическими чертами.

В области словообразования для ономатопов характерны деривационные модели, а также преимущественная сочетаемость с определёнными суффиксами, например, со значением интенсивности. Данное явление обнаруживает себя уже в праславянском языке (*-ota- в глагольном словообразовании; *-ъ/ьt- в именном словообразовании), и в русском языке (-отень, -овень и проч.).

Ономатопы обладают специфическими чертами и в области лексики: образование полисемантов осуществляется посредством звуковых ассоциаций. Кроме того, эти звуковые ассоциации возникают на основе метафорического или метонимического сближения двух фонаций. Данное

явление возможно потому, что ономатоп не может в точности отобразить то или иное звучание, а лишь воспроизводит его с помощью фонемного состава языка и, исходя из имитационных возможностей.

Ономатоп русского языка имеют специфическую структуру, которая выделяет его в потоке речи. Структура, нередко, играет большую роль в создании звукообраза. Но такую же роль может играть отдельная фонема в составе ономатопа. Некоторые фонемы обладают ассоциативно-семантическим звукоэффектом, который формируется на базе их дифференциальных признаков. Участие отдельной фонемы в оформлении ономатопа значимо с точки зрения создания звукообраза, но не семантики слова.

Исследование проводилось сразу в двух направлениях: синхронии и диахронии, что позволило не только рассмотреть данное явление на предмет его особенностей, но и выявить их основу, причины, тенденции. Именно такой подход существенно расширил анализируемый материал, поскольку в лингвистике было преимущественно его синхронное рассмотрение. Главным доводом противников определения языкового статуса таких единиц было утверждение о малочисленности их примеров. Но диахронический аспект изучения позволил опровергнуть этот довод, и выявить, что уже в праславянскую эпоху ономатопея – распространённое явление и остаётся быть таковым. Этимологический аспект изучения ономатопов также заключается в его диахроническом рассмотрении, выявлении первоначального звукоподражательного элемента и причин, обусловивших тот или иной фонемный состав лексем. Именно диахронический аспект изучения данного явления позволил нам уточнить и предложить новые гипотезы этимологии отдельных лексем, как с как будто ясной историей возникновения, и так называемых «тёмных слов».

Ономатопея – это и психолингвистическое явление, отображающее внутренние, во многом еще не изученные законы. По-видимому, желание человека быть понятым собеседником, а также общая прагматическая

сущность языка и диктует особый вид мотивированности, точного, правдивого "фотографирования" действительности. В результате нашего исследования выяснилось, что большая часть лексем со "звучащем" значением обладает изначальной изобразительной мотивированностью. Это, по-видимому, объясняется выделением акустического признака как ведущего. Именно в этом, на наш взгляд, и состоит перспектива изучения такого многогранного и разностороннего явления как ономатопея.

Литература

1. Александров А. Детская речь // Русский философский вестник. Варшава: Б.Ф. Карский, 1883. Т. X. № 3. С. 86-120.
2. Алексеев Э.Е. Прагматическое, игровое, ритуальное в звукоподражаниях народов Севера Сибири // Голос и ритуал. Материалы конференции. Май 1995 г. / Фольклорная комиссия Союза композиторов России. Государственный институт искусствознания. - М., 1995. С.33-35.
3. Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 1998. – 440 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
5. Алефиренко, Н.Ф. Языковая картина мира и культура / Н.Ф. Алефиренко // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 6 – 54.
6. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Наука, 2005. – 416 с.
7. **Алефиренко Н.Ф.** Спорные проблемы семантики / Алефиренко Н.Ф.. - М.: Гнозис, 2005 - 326 с
8. Алиева, С. А. Функционально-семантический анализ звукоподражательной лексике в русском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук / С.А. Алиева. – Махачкала, 1997. – 23 с.
9. Античные теории языка и стиля. Спб.: Алетей, 1996. – 362с.
10. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.

11. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В. Арнольд. − М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. − 351 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с. + (1) л. – (Язык. Семиотика. Культура.).
13. Афанасьев, А. Ю. Вопросы семантической эволюции лексики (на материале английских звукоподражательных существительных) дис. … канд. филол. наук / А. Ю. Афанасьев. – Л., 1984. – 233 с.
14. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. − М.: Изд- во иностр. лит-ры, 1955. – 416с.
15. Баранникова Л. И. Введение в языкознание / Л.И. Баранникова. − Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 384с.
16. Баранникова, Л.И. Русские народные говоры в советский период / Л.И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1967. – 289 с.
17. Баранникова, Л.И. Об устойчивости диалектной системы / Л.И. Баранникова // Системность в языке, речи, тексте. – Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1991. – С. 12 – 22.
18. Баранникова, Т.Б. К систематизации стилистически маркированной лексики / Т.Б. Баранникова // Системные отношения языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПИ, 1988. – С. 78 – 85.
19. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С.Б. Бернштейн. − М.: Наука, 1974. – 378с.
20. Блинова, О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии / О.И. Блинова // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (Диалектная лексика) 1971. – Л.: Наука, 1972. – С. 92 – 104.
21. Блинова, О.И. Русская диалектология. Лексика: учеб. пособие / О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та , 1984.– 302 с.

22. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 708с.
23. Бошкович, Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков / Р. Бошкович. − М.: Высш. шк., 1984. – 304.
24. Брэм, А. Э. Жизнь животных в 3т. Т.2. Птицы / А.Э. Брэм. – М.: Терра, 1992. − 317с.
25. Брысина, Е.В. Экспрессивно-выразительные средства диалекта / Е.В. Брысина. – Волгоград: Перемена, 2001. – 131 с.
26. Брянские говоры / Сб. науч. ст. – Л., 1975, вып.3. −188с.
27. Будагов Р. А. Введение в науку о языке / Р.А. Будагов. − М.: Просвещение, 1965. – 492с.
28. Булаховский, Л.А. Введение в языкознание / Л.А. Булаховский. – М, 1953.
29. Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М., 1997. −576с.
30. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. − М.: Прогресс: Универс, 1993. – 503с.
31. Вандриес, Ж. Язык: лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. − М.: Госуд. соц.-эконом. изд-во, 1937. – 410с.
32. Варбот, Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением 'быстрый'. // Этимология 1991 - 1993. Под ред. О. Н. Трубачева, М.: Наука, 1994. – 192с.
33. Варбот, Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология / Отв. ред. О.Н. Трубачёв. – М.: Наука, 1984. – 255с.
34. Вендина, Т. И. Введение в языкознание / Т.И. Вендина. − М.: Высш. шк., 2002 – 288с.
35. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1975. – 558 с.
36. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 613 с.

37. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – М., 1975. – 559 с.
38. Винокур, Г. О. Форма слова и части речи в русском языке / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959.
39. Вопросы изучения лексики народных говоров. Диалектная лексика. – Л., 1972. – 216с.
40. Вопросы русской диалектологии. – Куйбышев, 1982. – 135с.
41. Вопросы языкознания и сибирской диалектологии / Под ред О.И. Блиновой. – Томск, 1966. − 112с.
42. Воронин, С. В. Основы фоносемантки / С.В. Воронин. − Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1982. – 244с.
43. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании / С.В. Воронин. − Л.: Изд- во ЛГУ, 1990. – 200с.
44. Газов-Гинзберг, А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? / А.М. Газов-Гинзберг. – М.: Наука, 1965. – 183с.
45. Гак, В. Г. Язык как форма самовыражения народа// Язык как средство трансляции культуры / В.Г. Гак. − М.: Наука, 2000. – С. 54-68.
46. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
47. Гвоздев, А.Н. Наблюдения над языком маленьких детей // Русский язык в советской школе. М.: Учпедгиз, 1929. № 5.
48. Гвоздев, А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981.
49. Гвоздев, А.Н. Усвоение ребенком родного языка // Детская речь / Под ред. Н.А. Рыбникова. М.: Книжн. ф-ка Центриздата народов СССР, 1927. С. 53-113.
50. Гердер, И. Г. Избранные сочинения / И.Г. Гердер. − М.-Л.: Госуд. изд-во худ. лит-ры, 1959. – 392с.
51. Германович, А. И. Междометия русского языка / А.И. Германович. −

Изд-во «Радянська школа», Киев. – 1966. – 172с.

52. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. − М.: Высш. шк., 1983. – 231с.

53. Горбаневская, Г. В. Слова-звукообозначения в художественной прозе Русская речь, № 1. − М.: Наука, 1981. − С. 73-78.

54. Горелов, И. Н. Проблема функционального базиса речи в онтогенезе / И.Н. Горелов. − Челябинск,1974. – 116с.

55. Горелов, И. Н., Енгалычев, В. Ф. Безмолвной мысли знак: Рассказы о невербальной коммуникации / И.Н. Горелов, В.Ф. Енгалычев. − М.: Молодая гвардия, 1991. – 238, (2)с.

56. Горелов, И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. − М.: Лабиринт, 1998. – 256с.

57. Горохова, Л.А. О критериях выделения поля звукоподражания // Проблемы гуманитарного образования: содержание и методы, Вып. 3. − Пятигорск: ПГЛУ, 1996. − С. 35-38.

58. Горохова, Л.А. О некоторых закономерностях перевода ономатопов в зависимости от функции, выполняемой ими в тексте // Лингвистика. Перевод, межкультурная коммуникация, Вып. 2. − Пятигорск: ПГЛУ, 2000. − С. 110-120.

59. Горохова, Л. А. Семантико-прагматические и социолингвистические особенности функционирования ономатопов в текстах современного английского языка. Дисс.канд.филол.наук // Л.А. Горохова. − Пятигорск: ПГЛУ, 1998. −220с.

60. Грамматика СРЛЯ. М.: Наука, 1970. – 768с.

61. Грамматика русского языка / Под ред В. В. Виноградова в 2-х т. Т.1. – М., 1960. – 719с.

62. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. − М.: Прогресс, 1985. – 451с.

63. Гура, А. В. Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого том II.

М.: Изд-во «Индрик», 1998. С. 95-102.

64. Евстигнеева, М. В. Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на матер. англ. наименований птиц). автореф. дис. … канд. филол. наук / М.В. Евстигнеева. – Самара, 1998. . – 24 с.
65. Жбанкова, Т. С. О некоторых словообразовательных явлениях в рязанских говорах / Т. С. Жбанкова // Диалектологический сборник / отв. ред. Т. С. Жбанкова [и др.]. – Рязань, 1976. – С. 17 – 26.
66. Журавлёв, А. П. Фонетическое значение / А.П. Журавлёв. − Л., 1974.
67. Журавлёв, В. К. Диахроническая морфология / В.К. Журавлёв. − М.: Наука, 1991. – 207с.
68. Земская, Е. А. Словообразование. Современный русский язык: учеб. пособие / Е. А. Земская. − М.: Просвещение, 1973. − 303 с.
69. Иванов, Вяч. В., Топров, В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1965. – 246с.
70. Иванова, И. Н. Введение в языкознание / И.Н. Иванова. − М.: Спектр-5, 1994. – 65с.
71. Ильичёв, В. Д., Силаева, О. Д. Говорящие птицы // В.Д. Ильичев, О.Л. Силаева. – М.:Наука. – 1990. – 205 с.
72. Кандакова, Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-семантическая группа (на примере ярославских говоров) автореф. дис. … канд. филол. наук / Е.Н. Кандакова. – Ярославль, 2003. – 21с.
73. Каптерев, П. Ф. О семейном воспитании / П.Ф. Каптерев. − М.: Академия, 2000. – 165, (3)с.
74. Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия / С.И. Карцевский. – М.: Яз. русс. культуры, 2000. – 341с.
75. Кинней. Л.Г. Звучащая и говорящая плоть // Русская речь, № 1. − М.: Наука, 1998. − С. 15-20.

76. Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц (количественные и качественные характеристики) / Т.Р. Кияк. – Львов: Вища шк., 1988. – 164 с.
77. Климов, Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований / Г.А. Климов. – М.: Наука, 1971. – 87с.
78. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики / Г.А. Климов. – М.: Наука, 1990. – 167с.
79. Кодухов, В.И. Введение в языкознание / В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.
80. Кочергина, В. А. Введение в языковедение / В.А. Кочергина. − М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208с.
81. Кубрякова, Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 115с.
82. Кудряшова, Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1997. – С. 60 – 81.
83. Кузнецова, Е.В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): дис. … канд. филол. наук / Е.В. Кузнецова. – Волгоград, 2005. – 333 с.
84. Лалаева, Д. И. Лексико-семантическое поле «Время» в донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования: дис. … канд. филол. наук / Д. И. Лалаева. − Волгоград, 2007. − 255 с.
85. Левицкий, В. В. Фонетическая мотивированность слова// ВЯ 1994 №1. С. 26-37.
86. Левицкий, В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1989. – 191 [2] с.
87. Лейбниц, Г. В. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1983. – 686с.
88. Мартынов, В.В. Язык в пространстве и времени: К проблеме глоттогенеза славян / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1983. – 108с.

89. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. − М.: Высш. шк., 1998. – 272с.
90. Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: ЛГУ, 1969. – 177с.
91. Махиня, Е. В. Корень *-vrt- в русском языке// Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге/ науч. ред. Супрун В. И. – Вып.5. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 173-175.
92. Махиня, Е. В. Суффиксальные элементы в звукоподражательных словах// Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге/ науч. ред. Супрун В. И. – Вып.6. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 15-19.
93. Махиня, Е. В. Суффикс -ну- (*non) в глаголах звукоподражательного характера// Вестник. Серия филологическая №6 (78). – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – С. 145-146.
94. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И.И. Мещанинов. − Л.: Наука, 1978. – 388с.
95. Михалев, А.Б. Теория фоносемантического поля / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: ПГЛУ, 1995. − 213 с.
96. Михайловская, Н.Г. Звукоподражания и повторы в детской поэзии // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. – Л.: ЛГУ, 1969. − С. 74-77.
97. Моисеев, А. И. Основные вопросы словообразования в СРЛЯ. Уч. пособие / А.И. Моисеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 208с.
98. Монич, Ю. В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий. // Вопросы языкознания 1998 №1. С.98-120.
99. Мучник, И. П. Грамматические категории глагола и имени в СРЛЯ / И.П. Мучник. − М.: Наука, 1971.
100. Николаева, Ю. В. Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи // ВЯ № 4, 2004. – С. 48-67.

101. Новик, Е. С. Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири. Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении / Отв. ред. Н.Р.Лидова, Н.И.Никулин. М.: Наследие, 1999. С.217-235.

102. Обнорский, С. П. Очерки по морфологии русского глагола / С.П. Обнорский. − М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 252с.

103. Оссовецкий, И.А. Лексика современных народных говоров / И.А. Оссовецкий. – М.: Наука, 1982. – 256 с.

104. Откупщиков, Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю.В. Откупщиков. − Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – 323с.

105. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. − М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500с.

106. Пизани, В. Этимология / В. Пизани. − М.: Изд-во иностр. лит., 1956. – 188с.

107. Платон. Сочинения в 3-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. – 624.

108. Погодин, А. А. Язык как творчество: Происхождение языка / А.А. Погодин. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 560с.

109. Потебня, А. А. К исторіи звуковъ русского языка / А.А. Потебня. − Воронеж: тип. Исаева, 1876. – 243с.

110. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976.

111. Ренан, Э. О происхожденіи языка / Э. Ренан. − Воронеж: Изданіе редакціи Филологическихъ записокъ, 1866. – 126с.

112. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. − М.: Аспект-Пресс, 2001. - 536с.

113. Росетти, А. Заметки об употреблении ономатопеи.// Вопросы языкознания 1962 №3. С. 91 - 92.

114. Румак, В. Проблема поиска межъязыковых эквивалентов (на примере японской ономатопеи) // Ломоносовские чтения 2003.

Секция Востоковедения. – М.: МГУ, 2003. – С. 40-48.

115. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980 – Т. I. – 784 с.

116. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1967. – 304 с.

117. Русская диалектология / под ред. Л.П. Касаткина. – М.: Просвещение, 2005. – 288 с.

118. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. – М.: Высшая школа, 1990. – 207 с.

119. Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1973. – 287 с.

120. Русская диалектология: учеб. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. проф. Н. А. Мещерского. – М.: Высш. шк., 1972. – 303 с.

121. Скаличка, В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений// Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. – С. 277-316.

122. Селищев, А. М. Славянское языкознание / А.М. Селищев. − Т. 1. М.: Учпедгиз, 1941. – 383с.

123. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи. − М.: Прогресс, 1980. - 408с.

124. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир. – М., 1934. – С. 6.

125. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.

126. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 244с.

127. Современные процессы в русских народных говорах / отв. ред. Л.И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. – 1991. – 140 с.

128. Современные русские говоры / отв. ред. Ю.С. Азарх. – М.: Наука, 1991. – 181 с.

129. Современные процессы в русских народных говорах / отв. ред. Л.И. Баранникова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. – 1991. – 140 с.

130. Современные русские говоры / отв. ред. Ю.С. Азарх. – М.: Наука, 1991. – 181 с.

131. Современный русский литературный язык / под ред. П. А. Леканта. – М., 1999.

132. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2002. – Ч. II.

133. Современный русский язык: в 3 ч. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М., 1987. – Ч. 2.

134. Степанов, Ю. С. Время / Ю. С. Степанов // Константы: Словарь русской культуры. – изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Акад. проект, 2004. – С. 228 – 248.

135. Супрун, А. Е. Части речи в русском языке / А.Е. Супрун. − М.: Просвещение, 1971. – 135с.

136. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 286 с.

137. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173 – 203.

138. Тихонов, А.Н. Части речи – лексико-грамматические разряды слов / А.Н. Тихонов // Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. – Л.: Наука, 1968. – С. 156 – 167.

139. Тихонов А.Н. Междометия и звукоподражания - слова? // Русская речь, № 5. - М.: Наука, 1981. - С. 72-7,6. 25.

140. Толстой, Н.В. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.В. Толстой. – М., 1995. – С. 21.

141. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология / Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 262с.

142. Трубачёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян / О.Н. Трубачёв. – М.: Наука, 1991. – 269с.

143. Трубачёв, О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. в 2-х т. Т.1. / О.Н. Трубачёв. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 800с.

144. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И.С. Улуханов. – М.: УРСС, 2001. – 256с.

145. Успенский, Б. А. Избранные труды в 3-х т. Т.3 Общее и славянское языкознание / Б.А. Успенский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 800с.

146. Филин, Ф. П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – Л., 1963.

147. Чиронов С. В. Ономатопоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования). Автореф. диссерт. на соиск. уч. степ. кандид. наук. М.: Изд-во АО «Диалог - МГУ», 2004. – 30с.

148. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: пособ. для студ. пед. ин-тов / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

149. Шахматов, А. А. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи) / А.А. Шахматов. − М.: Госуд. учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР, 1952. – 272с.

150. Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка / А.А. Шахматов. – М., 1957. – 400с.

151. Широков, О. С. Введение в языкознание / О.С. Широков. − М.: Изд-во МГУ, 1985. – 264с.

152. Шляхова, С. С. Типы и функции ономатопов в русской речи: автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. – Л., 1991. – 26с.

153. Шляхова, С. С. Семиотика звука в повести В. Пелевина «Жёлтая стрела» // Вестник ОГУ вып. 11, 2005. – С. 51-55.

154. Шляхова, С. С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: автореф. дис. на соиск. учён. степ. д-ра филол. наук. – Пермь, 2006. – 41с.

155. Шляхова С. С. Фоносемантическая вселенная / С. С. Шляхова // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 41. – С. 152-163.

156. Юсифов, Н.М. Лексико-семантические особенности английских звукоподражательных слов // Автореф. дисс.канд.филол.наук. − Баку, 1985. − 25с.

157. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б.В. Якушин. − М.: Наука, 1985.

158. Arnold, I.V. The English Word. - M.: - Higher School, 1986. - 295 p.

159. Dubovsky, Y.A. Phonostylistic Features of American Advertising. − Pyatigorsk: University Press, 1996. − 43 p.

160. Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word Formation. (A Synchronic - Diachronic Approach). − Alabama: University of Alabama Press, 1966. − 380 p.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 607 с.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: изд-во «Советская энциклопедия», 1969-1978.
3. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. – 608 с.
4. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 682 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М., 1978.
6. Левицкий, В.В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков / В.В. Левицкий. – Черновцы, 1994. − 312с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энцикл., 2002. – 709 с.
8. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 436с.
9. Маслов, В.Г. Словарь говора Добринки (На материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области) / В.Г. Маслов. – Шуя, 1993. – 178 с.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
11. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. / А.Г. Преображенский. – М., ГИС, 1959. – 718 (1), 1284 (2).

12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т.2. – М.: Международные отношения, 1999. – 697с.

13. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006 – 2007. – Вып. 1, 2, 3.

14. Словарь русских донских говоров: в 3 т. – Р-на-Д.: Изд-во Рос. ун-та, 1975 – 1978.

15. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Т. 1 – 41. – СПб.: Наука, 1965–2007.

16. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1981 – 1984.

17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Наука, 1963. – 1390 с.

18. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М., 1958.

19. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М., 1981.

20. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000. – 848 с.

21. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1964 – 1973.

22. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз., 1999. – 621 (1), 559 (2).

23. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / Н.М. Шанский / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975. – 542 с.

24. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Прогресс, вып. 1 – 10, 12 – 15.

Приложение

Ономатоп	1	2	3	4	5	6	7	8
*lezgotati	+							
*lalakati	+							
*laliti	+							
*lepetati	+					+		
*kokotati/ kokъtati	+	+				+		
*lepiti	+						+	
*leskotati	+							
*xlystati/ xlyskati	+				+		+	
*groxati	+	+				+		
*gukati	+	+						
*gъrčati	+							
*gykati	+	+						
*gakati	+	+						
*xQxnati	+				+			
*krečati	+		+					
*kregotati / kregъtati	+		+					
*dьrdoriti	+							
*govorъ	+							
*gQgnati	+							

*grajati	+	+			+			
*lelikъ		+						
*grakъ		+						
*gagati		+						
*gaga		+						
*gava		+						
*kračiti		+						
*kračьka		+						
*kraky /krakъva		+						
*dudъkь		+						
*krakati		+	+					
*krečetъ		+						
*krečь		+	+	+				
*krečьkъ		+	+					
*krexътati / krexътěti		+				+		
*dleskъ		+						
*drozdъ		+						
*krexati			+		+	+		
*xoměkъ /xomikъ			+					
*krekъ			+					+
*komonь			+					
*xl'uščь				+				
*xrobakъ				+				
*ękati /ęcati					+		+	
*ękotati /					+	+		

ękъtati								
*galati					+			
*klъkati					+			
*klekotъ					+			
*xa-xa					+			
*xlipati					+			
*xl’upati					+	+		
*kovykati					+			
*gvizdati					+			
*xrapěti					+			
*xrapati					+			
*kašьlь					+			
*xripota					+			
*jьkati					+			
*krokoriti					+			
*čixati					+			
*xamati					+			
*xlebati					+			
*xlebetati/ xlebъtati/ xlepъtati					+	+		
*kl’ukati					+		+	
*labati					+			
*lapati					+		+	
*lepoti					+	+		
*l’uxati					+		+	
*xrobati					+			
*xrǫstati/ xrǫskati					+			

*xrupati					+			
*xъlbati/ xъlbiti					+	+		
*xlapati					+	+		
*xlamati					+			
*xaръka					+			
*xlěstati/ xlestati/ xlostati						+		
*xlępati						+	+	
*xlębati						+	+	
*kregotъ						+		
*krikati						+		
*grukati						+		
*ękotъ						+		
*lezgati						+		
*xręstati						+	+	
*xrobotъ						+		
*dręběti						+		
*drozga						+		
*l'uxa/ l'uxъ						+	+	
*duda						+		
*lupati						+		
*l'ul'otati						+		
*l'ul'ati						+		
*l'u(l'u)						+		
*leščь						+		
*lepetuxa/						+		

lepetuša								
*xlepati						+		+
*xl’ustati/ xl’uskati						+		
*čabrati						+		
*xl’uščь						+		
*gorgorъ						+		
*xъlpiti						+		
*ligotati						+		
*gъlkъ						+		
*čukati							+	
*čukъ							+	
*čikati							+	
*dupati							+	
*gruxati							+	
*l’uščiti							+	
*xъlstati							+	
*klekati							+	
*xlaskati/ xlastati							+	
*lapotati							+	
*klepati	+						+	
*čužiti/ čužati							+	
*čekati							+	
*dryzgati							+	
*drusati							+	
*klukati							+	
*xъltati							+	

*ęgati							+	
*xapiti							+	
*xapati							+	
*čabriti							+	
*xvъrkati							+	
*gabati							+	
*xvъrliti/ xvъrl’ati							+	
*čерьсь								+
*lapa								+